

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОГО «ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ»

ЭНН РАЙС
ТАЛТОС

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАМЕНИТЫХ
«МЭЙФЕЙРСКИХ ВЕДЬМ»

В мире продано более 100 миллионов книг Энн Райс!

Annotation

Его имя Эшлер. Он – Талтос, один из немногих, кто уцелел после великой катастрофы. Вот уже много столетий он бродит по свету в надежде встретить своих соплеменников и возродить древний народ, вождем которого когда-то был. Встреча с Роуан и Моной – двумя могущественными ведьмами из семейства Мэйфейр – заставляет его воскресить в памяти полную трагедий и тайн историю Талтосов и наконец-то поведать ее тем, чья судьба тесно связана с этой историей.

Роман завершает знаменитую трилогию о семейном клане Мэйфейрских ведьм, которая имеет тысячи поклонников во всем читающем мире.

Энн Райс Талтос

* * *

*Посвящается с любовью
Стэну, Кристоферу и Мишель Райс, Джону Престону, а также
Маргарет и Стэнли Райс*

Я увидел в Саду Любви,
На зеленой лужайке – там,
Где, бывало, резвился я, –
Посредине стоящий Храм.
Я увидел затворы его,
«Ты не должен!» – прочел на воротах.
И взглянул я на Сад Любви,
Что всегда утопал в цветах.
Но вместо душистых цветов
Мне предстали надгробья, ограды
И священники в черном, вязавшие терном
Желанья мои и отрады.

Уильям Блейк. Песни опыта.

Перевод В. Потаповой

Глава 1

Снег шел весь день. Когда быстро сгустилась плотная тьма, он стоял у окна, глядя вниз, на крошечные фигурки в Центральном парке. Под каждым фонарем на снег падал безупречный круг света. На замерзшем озере люди катались на коньках, но он не мог разглядеть их как следует. По темным дорогам вяло ползли автомобили.

Справа и слева толпились небоскребы центральной части города. Но между ним и парком не было ничего, кроме, конечно, целого леса невысоких домов, на крышах которых красовались садики и чернели огромные ящики с каким-то оборудованием. Кое-где виднелись крыши со шпилями.

Он любил этот вид, и ему казалось странным, что другие находили пейзаж необычным, а мастер, устанавливавший кое-какое офисное оборудование, даже признался, что никогда прежде не видел Нью-Йорк вот таким. Жаль, что не было для каждого своей мраморной башни, что не было целых рядов башен, на которые могли бы подниматься все люди, чтобы взглянуть на город с разной высоты.

Это следовало взять на заметку: построить несколько башен, не имеющих другого назначения, кроме как служить местом отдыха в небе для всех людей. И использовать для них тот прекрасный мрамор, который он так любил. Возможно, он сможет сделать это прямо в текущем году. Скорее всего, сможет. И библиотеки. Он хотел открыть их побольше, а значит придется совершить несколько поездок. Но он справится со всем, да, и скоро. В конце концов, обустройство парков почти завершено, и в семи городах открыты небольшие школы. И карусели построены уже в двадцати местах. Конечно, фигуры животных изготовлены из синтетических материалов, но все они представляют собой весьма искусные и точные копии великих европейских образцов резьбы. Людям нравятся эти карусели. Но пора уже строить новые планы. Зима застала его в мечтах...

В прошлом столетии он воплотил в жизнь сотни подобных идей. Но и маленькие победы этого года приносили удовлетворение и обнадеживали. Прямо в этом здании он воссоздал древнюю карусель, состоящую сплошь из старинных лошадок, львов и прочих животных – подлинников, послуживших образцами для создания их копий. А один из подвальных этажей теперь занял музей классических автомобилей. Публика валом валила, чтобы увидеть «форд-Т», «штуц-бэркат» или сверкающий гоночный «MGTD» со спицами в колесах.

Конечно, был еще музей кукол: в больших, хорошо освещенных комнатах двух этажей над холлом располагалось множество витрин, заполненных куклами, собранными им по всему миру. Наконец, существовал его личный музей, доступ в который открывался лишь изредка, – собрание особенно дорогих его сердцу кукол.

Иногда он сам спускался вниз, чтобы побродить в толпе и понаблюдать за людьми. На него обращали внимание, но кто он, разумеется, не знали.

Существо семи футов ростом не могло избежать людских взглядов. Так было всегда. Однако за последние две сотни лет произошло нечто весьма забавное: человеческие существа стали выше! И теперь – о чудо из чудес! – он уже не так сильно выделялся среди них. Конечно, люди оглядывались на него, но теперь не боялись.

Более того, иногда в этом здании появлялись человеческие самцы, которые были даже выше его. Само собой, служащие тут же сообщали ему об этом. Требование ставить его

в известность о появлении таких людей считалось одной из его маленьких причуд. Служащим оно казалось забавным. А он ничего не имел против. Ему нравилось видеть улыбающихся и смеющихся людей.

– Мистер Эш, там один высокий. Пятая камера, – докладывали ему.

Он сразу поворачивался к ряду маленьких светящихся экранов и быстро отыскивал упомянутого индивида. Всего лишь человек. Эш обычно сразу определял это безошибочно. Лишь однажды он не был уверен. Спустившись вниз в бесшумном скоростном лифте, он долго шел рядом с тем гостем, дабы по ряду деталей убедиться, что и это тоже всего лишь человек.

Были у него и иные мечты: маленькие дома для детских игр, богато украшенные, построенные исключительно из пластика – материала нынешней космической эры. Он видел маленькие соборы, замки, дворцы – безупречные копии реальных архитектурных сокровищ, – созданные с молниеносной скоростью, и «экономичные», чтобы совет директоров их одобрил. Они были бы самых разнообразных размеров: от домиков для кукол до таких, куда могли бы входить и сами дети. И на продажу – карусельные лошадки, изготовленные из древесных смол, доступные по цене почти каждому. Сотни их можно было бы подарить школам, больницам, прочим учреждениям такого рода.

И еще одна идея преследовала Эша: по-настоящему прекрасные куклы для детей бедняков, небьющиеся, легко моющиеся... Но над этим он так или иначе работал уже с начала нового века.

В последние пять лет он выпускал все более и более дешевых кукол, превосходящих тех, что были прежде, кукол из новейших искусственных материалов, кукол, которые были долговечными и привлекательными. Но все равно они стоили слишком дорого для детей бедняков. В этом году он собирался испытать нечто совершенно иное... На его чертежной доске уже имелись кое-какие наброски, парочка многообещающих прототипов. Возможно...

Эша охватило мягким теплом при мысли обо всем множестве этих проектов, потому что они могли занять его на сотни лет. Давным-давно, в античные времена, как называли их люди, он мечтал о монументах. Огромные каменные круги, видные всем, танцы гигантов в высокой траве равнины. Даже скромные башни преследовали его десятилетиями, а несколько столетий подряд он развлекался, делая тиснение на красивых книжных переплетах.

Но забавы нового мира, все эти крошечные изображения людей, не детей, конечно, потому что куклы никогда не выглядели как дети, вдруг стали его странной, всепоглощающей страстью.

Монументы были для тех, кто готов был путешествовать, чтобы их увидеть. Куклы и игрушки, которые он совершенствовал и производил, добирались до каждой страны на земном шаре. Ведь благодаря машинам все виды новых и прекрасных вещей становились доступными для людей любой национальности, для богатых и нищих, для тех, кто нуждается в утешении или в хлебе насущном и убежище, для тех, кто навсегда заперт в больницах и сумасшедших домах.

Его компания была для него спасением. Даже самые дикие и наиболее дерзкие его замыслы успешно воплощались в жизнь. Эш на самом деле просто не понимал, почему другие производители игрушек вводят так мало новшеств, почему формы для печенья – куклы с унылыми лицами – рядами стоят на полках торговых центров, почему легкость производства не порождает огромного множества новизны и фантазии. Он же в отличие

от своих скучных коллег ради каждой победы рисковал все больше и больше.

Его совсем не радовало, что он вытеснял других с рынка. Нет, конкуренцию он по-прежнему воспринимал лишь умозрительно. Втайне Эш верил, что количество потенциальных покупателей в современном мире неограниченно. И места хватало для любого, кто продавал хоть что-то стоящее. И в этих стенах, в этой грандиозной, вздымающейся на опасную высоту башне из стали и стекла, он наслаждался своим триумфом, испытывая чистое блаженство, которое не с кем было разделить.

Больше не с кем. Разве что только с куклами. Куклами, стоявшими на стеклянных полках вдоль стены из цветного мрамора, вознесенными на пьедесталы по углам, куклами, что сгрудились на его широком деревянном письменном столе. И с Бру, его принцессой, французской красавицей ста лет от роду. Она была его самой терпеливой слушательницей. Не было дня, чтобы Эш не поднялся на второй этаж здания, дабы навестить Бру, свою любимицу из неглазурованного фарфора с безупречной фигурой, идеально сохранившимися пушистыми волосами и личиком ручной росписи. Ее торс и деревянные ножки так же совершенны сейчас, как и более ста лет назад, когда одна французская компания^[1] создала ее для Парижской выставки.

Благодаря своему обаянию кукла – поистине вершина мастерства и массовой продукции – радовала множество детей. Даже фабричное шелковое платье казалось особым достижением.

В течение многих лет, блуждая по миру, Эш возил ее с собой, иногда доставая из чемодана просто для того, чтобы заглянуть в стеклянные глаза, рассказать ей о своих мыслях, чувствах, мечтах. Ночами, в убогих пустых номерах, он видел свет, вспыхивавший в ее всегда бессонных глазах. А теперь она поселилась в стеклянной витрине, и ее каждый год видели тысячи, а вокруг нее теперь собрались другие старые куклы Бру. Иногда Эшу хотелось тайком унести ее наверх, поставить на полку в спальне. Кто бы стал беспокоиться? Кто бы осмелился хоть что-то сказать? Богатство окружает человека благословенным молчанием. Люди думают, прежде чем заговорить. Они чувствуют, что должны это делать. Он мог бы снова разговаривать с куклой, если бы захотел. В музее он помалкивал, когда они встречались, стекло витрины разделяло их. А она терпеливо ждала, когда понадобится снова, оставаясь скромной вдохновительницей его империи.

Конечно, развитие его компании, дерзкого, рискованного предприятия, как часто говорилось в прессе, было предопределено трехсотлетним развитием инженерной мысли и промышленности. А что, если бы все это разрушила война? Но куклы и игрушки дарили ему такое ласковое счастье, что Эш уже не мог представить свое будущее без них. И даже если бы война превратила мир в руины, он стал бы делать маленькие фигурки из дерева или глины и собственноручно их раскрашивать.

Иной раз он и видел себя именно так: в одиночестве среди развалин. Он представлял Нью-Йорк таким, каким город могли изобразить в каком-нибудь фантастическом фильме: мертвым, безмолвным, заваленным обломками зданий и колонн, осколками стекла. Он воображал, будто сидит на разрушенной каменной лестнице и мастерит куклу из палочек, связывая их полосками ткани, незаметно и почтительно оторванными от шелкового платья какой-то мертвой женщины.

И кому могло бы прийти в голову, что подобные вещи захватывают его воображение? Что, блуждая сто лет назад по зимним парижским улицам, он мог случайно обернуться, бросить взгляд в витрину магазина и, увидев стеклянные глаза Бру, мгновенно и страстно

влюбиться?

Конечно, его род всегда был известен приверженностью к игре, иллюзиям и наслаждениям. Возможно, ничего удивительного в этом нет. Изучение своего вида, когда сам являешься одним из мизерного числа его выживших представителей, дело сложное, особенно для того, кто не в силах любить медицинскую науку или терминологию, чья память хороша, но далека от сверхъестественной, чье ощущение прошлого частенько отстывает перед погружением в «детское» настоящее, кто испытывает всепоглощающий страх перед мышлением в терминах тысячелетий или вечности, или как там еще люди называют те гигантские промежутки времени, которым он лично был свидетелем, в которые жил, боролся за выживание и о которых с радостью забыл в своем новом великом предприятии, соответствующем его немногим весьма специфическим талантам.

И тем не менее он изучал свой род, постоянно тщательно наблюдая за собой и все записывая. Но будущее предвидеть он не умел. Во всяком случае, у него было такое ощущение.

Его слуха достиг тихий гул. Он знал, что это заработали обогреватели, скрытые под мраморным полом, мягко согревавшие комнату. Эшу даже казалось, что он чувствует тепло, проникающее сквозь подошвы ботинок. В его башне никогда не было холодно или удушающе жарко. Спирали обогревателей заботились о нем. Если бы только подобный комфорт мог принадлежать всему внешнему миру... Если бы только все могли иметь достаточно пищи, тепла... Его компания отсылала миллионы на помощь тем, кто жил в пустынях и джунглях за морями, но он никогда с уверенностью не знал, кто получает эти деньги, кому они приносят пользу.

С появлением кинематографа, а потом и телевидения он думал, что войнам должен прийти конец. И голоду должен прийти конец. Люди не вынесут, когда увидят все это на экранах. До чего же глупая мысль! Такое впечатление, что войн и голодающих людей стало еще больше, чем когда-либо. На всех континентах племена сражаются между собой. Миллионы умирают от голода. Так много можно сделать... Почему люди столь скупы? Почему ничего не предпринимают?

Снова повалил снег, и снежинки были такими маленькими, что Эш едва мог их разглядеть. Они, наверное, таяли, когда падали на темные улицы внизу. Но от улиц Эша отделяли почти шестьдесят этажей, так что он не был в этом уверен. Полурастаявшие снежинки скапливались в водостоках и на крышах. Пожалуй, немного погодя все снова станет чистым, белым, и в этой запертой теплой комнате можно будет представить весь город мертвым, опустошенным, как будто после эпидемии бубонной чумы, которая не разрушает здания, но убивает всех теплокровных существ, живущие в них, как термиты в деревянных стенах.

Небо было черным. Единственное, что не нравилось Эшу в снегопадах, это исчезновение неба. А он так любил небо над Нью-Йорком – огромное, просторное, которое никогда не видят люди на улицах.

– Башни, построй для них башни, – произнес он вслух. – Создай большой музей высоко в небе, с террасами вокруг него. Отвези их туда в стеклянных лифтах, прямо к небу, чтобы они увидели...

Башни для удовольствия среди тех, что люди построили для коммерции и извлечения выгоды.

Внезапно у него возникла мысль, вообще-то давняя мысль, которая часто посещала его

и подталкивала к размышлениям, а может, и к догадкам. Первые найденные письменные документы были торговыми списками купленных и проданных предметов. На клинописных табличках, что откопали в Иерихоне, были именно инвентарные описи... Их же нашли и в Микенах.

Никто в те времена не считал важным записывать чьи-либо идеи или мысли. Архитектурные сооружения – совсем иное дело. Самыми грандиозными были культовые строения: храмы или гигантские зиккураты – ступенчатые башни из кирпича-сырца, отделанные песчаником, на которые люди взбирались, чтобы принести жертвы богам. Или круг из валунов-сарсенов в долине Солсбери.

Теперь, семь тысяч лет спустя, величайшими строениями стали бизнес-центры. Они были увенчаны названиями банков, огромных корпораций или крупных частных компаний вроде его собственной. Из своего окна Эш мог видеть эти названия – ярко светившиеся огромные буквы, пронзавшие снежное небо, темноту, которая на самом деле не была темнотой.

Что касается храмов и других культовых мест, то они стали реликтами и полностью утратили значимость. Где-то там, внизу, если постараться, можно рассмотреть шпили собора Святого Патрика. Но теперь это скорее святыня прошлого, чем оживленный центр религиозного духа. Устремленный к небу среди высоких безликих стеклянных зданий, собор выглядел весьма странно. Величественным он казался только при взгляде с улицы.

Писцы Иерихона могли бы оценить такой поворот, думал Эш. А с другой стороны, может, и не могли бы. Он сам едва понимал все это, хотя значение и смысл перемен были огромны и куда более удивительны, чем то осознавали человеческие существа. Вся эта коммерция, бесконечное умножение прекрасных и полезных вещей могли бы в итоге спасти мир, если бы только...

Заранее спланированное моральное устаревание, массовое уничтожение прошлогодних товаров, стремительная замена устаревшего или желание объявить никудышными чужие разработки – все это было результатом трагического недостатка дальновидности. И винить в этом следовало самое что ни на есть ограниченное понимание теории рынка. Настоящая революция происходит не в цикле создания и разрушения, а в великих изобретениях и бесконечной экспансии. Древним дихотомиям следовало пасть, старые понятия уже не работали. В его дорогой Бру, в ее частях, собранных фабричным способом, в легких и прекрасных штрихах шариковой авторучки, в пятидолларовых Библиях и в игрушках, замечательных игрушках, что стояли на полках даже в аптеках и стоили пару пенни, – вот где крылось спасение.

Казалось, Эш мог бы уже осмыслить все это, мог проникнуть в это, постичь, создать крепкую, легко объяснимую теорию, если только...

– Мистер Эш...

Его отвлек тихий голос. Ничего другого не требовалось. Он всех их научил этому: «Не хлопайте дверями. Говорите тихо. Я вас услышу».

А этот голос принадлежал Реммику, который и от природы был нешумлив, англичанину (с примесью кельтской крови, хотя сам Реммик этого и не знал), личному слуге, незаменимому в последнее десятилетие, хотя вскоре должно было настать время, когда ради безопасности Реммика придется отослать прочь.

– Мистер Эш, пришла та молодая женщина.

– Спасибо, Реммик, – ответил Эш еще тише, чем слуга.

В темном оконном стекле он мог бы при желании увидеть отражение Реммика – благообразного мужчины с маленькими, очень блестящими голубыми глазами. Они сидели слишком близко друг к другу, эти глаза. Но лицо не казалось неприятным, и на нем всегда было выражение такого спокойствия и непоказной преданности, что Эш даже полюбил это выражение, полюбил самого Реммика.

В мире существовало множество кукол со слишком близко посаженными глазами, в особенности французских кукол, изготовленных много лет назад «Жюмо», «Шмиттом и сыновьями», а также «Юре» и «Пети и Демонтье», – с круглыми, как луна, личиками, с блестящими стеклянными глазами возле маленьких фарфоровых носиков, с крошечными ротиками, на первый взгляд казавшимися миниатюрными бутонами, а то и следами пчелиных укусов. Всем нравились эти куклы. Покусанные пчелами королевы.

Когда ты любишь кукол и изучаешь их, ты начинаешь любить и все разновидности людей, потому что видишь целомудрие в выражении их глаз, то, как тщательно они сделаны, как изобретательно собраны вместе все части, создающие то или иное необычное лицо. Иногда Эш просто гулял по Манхэттену, намеренно видя каждое лицо как некое искусственно созданное целое, где ни нос, ни ухо, ни морщинка не были случайными.

– Она сейчас пьет чай, сэр. Она ужасно замерзла по дороге.

– Разве мы не послали за ней машину, Реммик?

– Да, сэр, но она все равно замерзла. Снаружи очень холодно, сэр.

– Но в музее наверняка тепло. Ты ведь проводил ее туда?

– Сэр, она сразу поднялась наверх. Вы же понимаете, она очень взволнована.

Эш повернулся, сверкнув улыбкой (по крайней мере, он надеялся, что это улыбка), и отпустил Реммика – самым легким взмахом руки, какой только мог заметить этот человек. Потом пошел к дверям примыкавшего к комнате кабинета, по полу каррарского мрамора пересек кабинет и заглянул в следующую комнату, пол в которой, как и во всех остальных помещениях, тоже был мраморным, – там в одиночестве сидела у письменного стола молодая женщина. Эш видел ее в профиль. И мог заметить, что она волнуется. Он видел, что ей хотелось чая, а потом расхотелось. Она не знала, что ей делать со своими руками.

– Сэр, ваши волосы. Вы позволите? – Реммик осторожно коснулся плеча Эша.

– А это нужно?

– Да, сэр, это действительно необходимо.

У Реммика была при себе мягкая маленькая щетка для волос из тех, какими пользуются мужчины, поскольку не могут допустить, чтобы их заметили с такой же щеткой, как у женщин; и он, вскинув руку, быстро и решительно провел ею по волосам Эша – непокорным, в беспорядке падающим на воротник. Реммик давно говорил, что их следует подстричь и привести в порядок.

Слуга отступил на шаг и покачался на каблуках.

– Теперь вы выглядите великолепно, мистер Эш, – сообщил он, вскинув брови. – Хотя они и длинноваты.

Эш тихо хихикнул.

– Ты боишься, что я ее напугаю? – спросил он, легонько поддразнивая. – Но на самом-то деле тебе все равно, что она подумает.

– Сэр, я забочусь о том, чтобы вы хорошо выглядели, но только для вашей же пользы.

– Конечно, само собой, – тихо откликнулся Эш. – И за это я тебя люблю.

Он направился к молодой женщине и, приближаясь, из вежливости слегка пошумел.

Она медленно повернула голову, посмотрела вверх и, увидев его, конечно же, была потрясена.

Эш протянул к ней руки.

Девушка встала, улыбаясь, и сжала его ладони. Теплое, крепкое пожатие. А она посмотрела на его руки, на пальцы, на ладони.

– Я вас удивил, мисс Паджет? – спросил Эш, одаряя ее своей самой благосклонной улыбкой. – Меня даже причесали в честь вашего прихода. Неужели я так плохо выгляжу?

– Мистер Эш, вы выглядите сказочно! – быстро произнесла девушка с заметным калифорнийским акцентом. – Я просто не ожидала... Не ожидала, что вы можете оказаться таким высоким. Конечно, мне все говорили, что вы...

– А я выгляжу человеком добрым? Такое обо мне тоже болтают.

Эш говорил медленно. Американцы часто не могли понять его «британский акцент».

– О да, мистер Эш! – ответила девушка. – Очень добрым. А волосы у вас такие красивые и длинные... Мне они нравятся, мистер Эш.

Это воистину доставляло удовольствие и весьма забавляло. Эш надеялся, что Реммик их слышит. Но богатство вынуждает людей держать при себе свое мнение о ваших поступках, заставляет их искать что-то хорошее в вашем выборе, в вашем стиле. Только это говорит не о подобострастии, а скорее о вдумчивости человеческих существ. По крайней мере иногда...

Эта девушка явно говорила правду. Она буквально пожирала его взглядом, и Эшу это нравилось. Он мягко сжал ее руки и отпустил их.

Пока он обходил вокруг стола, она снова села, по-прежнему не отрывая от него взгляда. Ее лицо было узким и слишком морщинистым для такой молодой особы. А глаза – синевато-фиолетовыми. Она была прекрасна на свой лад: красивые, хотя и не уложенные пепельные волосы, изысканно помятая старая одежда...

Да, не надо ничего выбрасывать. Достаточно снять вещи с вешалки в магазине поношенной одежды и оживить их всего лишь несколькими стежками и утюгом. Судьба фабричных вещей в их долговечности и перемене обстоятельств. Жатый шелк под флуоресцентным светом, элегантные лохмотья с пластиковыми пуговицами невиданного цвета, чулки из такого плотного нейлона, что из него можно было бы сплести веревки невыразимой прочности... Если бы люди не рвали их и не выбрасывали в мусорные контейнеры... Так много можно сделать, так много способов увидеть... Если бы в его распоряжении оказались все мусорные баки Манхэттена, из их содержимого он смог бы сделать очередной миллиард.

– Я восхищаюсь вашей работой, мисс Паджет, – заговорил Эш. – Для меня удовольствие наконец-то познакомиться с вами.

Он показал на стол. На нем были разбросаны большие цветные фотографии ее кукол.

Но разве она могла их не заметить? Девушку явно переполняла радость, ее щеки зарозовели. Может быть, она просто была ослеплена его внешностью и манерами, но в этом он не был уверен. Хотя часто, сам того не желая, производил на людей весьма сильное впечатление.

– Мистер Эш, это один из важнейших дней в моей жизни. – Она произнесла это так, словно пыталась осмыслить собственные слова, а потом вдруг умолкла – возможно, решила, что чересчур откровенно выразила свои чувства.

Эш просиял улыбкой и, по обыкновению, слегка наклонил голову так, что будто мгновение-другое смотрел на девушку снизу вверх, хотя и был намного выше ее.

Окружающие считали это его характерной чертой.

– Мне нужны ваши куклы, мисс Паджет, – сказал он. – Все. Мне очень нравится то, что вы сделали. Вы отлично поработали и с новыми материалами. Ваши куклы не похожи на чьи-либо иные. А это как раз то, чего я хочу.

Она невольно заулыбалась. Этот момент всегда был волнующим и для тех, кто приходил к Эшу, и для него самого. Ему нравилось делать людей счастливыми!

– Мои юристы все вам объяснили? Вы уверены, что вам понятны все условия?

– Да, мистер Эш. Я все понимаю. Я принимаю ваше предложение целиком и полностью. Это моя мечта.

Она произнесла последнее слово с мягким ударением. И на этот раз не запнулась и не покраснела.

– Мисс Паджет, вам необходим кто-то, чтобы отстаивать ваши интересы! – недовольно укорил ее Эш. – Насколько помню, я никогда никого не обманывал, и буду искренне рад, если мне сообщат о таком случае и я смогу исправить ситуацию.

– Я полностью ваша, мистер Эш, – сказала мисс Паджет. – Условия щедрые. Материалы просто изумительные. Методы... – Она слегка встряхнула головой. – Ну, я на самом деле не знаю методов массового производства, но знаю ваших кукол. Я много времени провела в магазинах, изучая товары под маркой Эшлера. Я знаю, что все будет потрясающе.

Как и многие, мисс Паджет создавала своих кукол в кухне, потом в мастерской в гараже, обжигая глину в печи, которую приобрела с большим трудом. Она бродила по блошиным рынкам в поисках тканей. Черпала вдохновение в кинофильмах и романах. Ее работы были «особого сорта» и «ограниченной серии» – из тех, что нравятся владельцам эксклюзивных магазинов игрушек и галереям. Она выигрывала множество призов и премий разного уровня.

Но теперь ее модели могли быть использованы для чего-то совершенно иного: для производства полумиллиона прекрасных копий одной куклы, и еще одной, и еще... отлитых из винила столь искусно, что они будут выглядеть так же чудесно, как фарфоровые, с глазами, нарисованными так живо и ярко, словно они сделаны из стекла.

– Но как насчет имен, мисс Паджет? Почему бы вам не выбрать имена для ваших кукол?

– Для меня куклы никогда не имели имен, мистер Эш, – сказала девушка. – Но те имена, что выбрали вы, чудесны.

– Знаете, мисс Паджет, вы вскоре станете очень богатой.

– Мне так и говорили, – кивнула она.

И внезапно показалась ему очень ранимой, по-настоящему хрупкой.

– Но вам придется постоянно встречаться с нами, вы должны получать одобрение каждого своего шага. Впрочем, это не займет много времени...

– Мне это будет по душе, мистер Эш, я хочу сделать...

– Я должен видеть все, что вы будете делать, и немедленно. Будете нам звонить.

– Да.

– И не обольщайтесь, что вам понравится сам процесс. Как вы заметили, массовое производство совсем не то же самое, что ручной труд или творчество. На самом деле они близки. Только люди редко понимают это. Художники не всегда видят в массовом производстве своего союзника.

Эш не стал объяснять свои давние размышления на тот счет, что ему не слишком интересны штучные произведения или ограниченные серии, что его заботят только те куклы, которые могут принадлежать каждому. Он хотел получить у этой девушки отливочные формы

и производить по ним кукол год за годом, меняя что-то лишь тогда, когда увидел бы к тому серьезные причины.

Все давно знали, что Эша не интересуют элитарные ценности или идеи.

– Есть у вас еще какие-то вопросы по контракту, мисс Паджет? Не смущайтесь, спрашивайте прямо.

– Мистер Эш, я уже подписала все контракты! – Девушка коротко усмехнулась, и этот смешок выдал и ее беспечность, и ее юность.

– Я очень рад, мисс Паджет, – сказал Эш. – Готовьтесь стать знаменитой.

Он сложил руки перед собой на столе. Естественно, они сразу привлекли внимание девушки: ее поразил их необычный размер.

– Мистер Эш, я знаю, что вы заняты. Мы договаривались о встрече на пятнадцать минут.

Эш кивнул, словно говоря: «Это неважно, продолжайте».

– Позвольте спросить... Почему вам понравились мои куклы? Я имею в виду, на самом деле, мистер Эш, то есть в действительности...

Эш на мгновение задумался.

– Конечно, можно ответить общими словами, – заговорил он наконец. – И они будут чистой правдой. Ваши куклы оригинальны. И вы это знаете. Но что мне действительно понравилось, мисс Паджет, так это то, что ваши куклы широко улыбаются. Возле глаз у них морщинки, их лица в движении. У них сверкающие зубы. Кажется, что вы слышите их смех.

– Вообще-то, это было рискованно, мистер Эш...

Внезапно девушка рассмеялась и на секунду стала выглядеть такой же счастливой, как ее творения.

– Я знаю, мисс Паджет. А что, вы теперь собираетесь сотворить для меня несколько весьма печальных деток?

– Не знаю даже, удастся ли мне такое.

– Делайте, что вам захочется. Я всегда вас поддержу. Но не нужно создавать грустных малышей. Слишком многие художники в этом чересчур искусны.

Эш начал подниматься, медленно, подавая сигнал к окончанию встречи, и ничуть не удивился тому, что девушка мгновенно вскочила.

– Спасибо, мистер Эш, – еще раз повторила она, протягивая руку навстречу его огромной ладони с длинными пальцами. – Не могу выразить, насколько я...

– И не нужно.

Эш позволил ей взять его руку. Иногда людям не хотелось прикасаться к нему во второй раз. Иногда они ощущали, что он не человек. Похоже, у них никогда не вызывало неприязни его лицо, зато очень часто отталкивали его огромные ноги и руки. Или же они подсознательно отмечали, что шея у него чуть длинновата, а уши чуть узковаты. Человеческие существа весьма искусны в распознавании своих – своего племени, клана, родственников. Немалая часть человеческого мозга сосредоточена именно на опознавании и запоминании типов лиц.

Но эта девушка не чувствовала ничего подобного, она была просто молода и переполнена эмоциями, взволнована предстоящими переменами.

– И кстати, мистер Эш, если позволите... белые пряди в ваших волосах вам очень к лицу. Надеюсь, вы не станете их закрашивать. Седые волосы всегда к лицу молодым людям.

– Почему вы вдруг заговорили об этом, мисс Паджет?

Девушка снова вспыхнула, но тут же засмеялась.

– Не знаю, – призналась она. – Просто... просто контраст: такие яркие седые пряди, а вы так молоды. Я не ожидала, что вы окажетесь таким молодым. Это удивительно... – Она запнулась, словно внезапно утратив уверенность.

Эш понял, что она вот-вот окончательно растеряется, и потому счел за лучшее ее отпустить.

– Спасибо, мисс Паджет. Вы очень добры. Мне было приятно поговорить с вами. – Следует ее подбодрить, искренне, чтобы обязательно запомнилось. – Надеюсь, мы снова увидимся в ближайшее время и вы будете счастливы.

Явился Реммик, чтобы проводить молодую женщину. Она торопливо произнесла еще что-то – благодарность, признательность, намерение порадовать целый мир... Да, правильные слова производят хороший эффект. Эш мягко улыбнулся ей на прощание, и девушка ушла. Бронзовые двери затворились за ее спиной.

Конечно, вернувшись домой, она разложит перед собой кучу журналов и начнет подсчитывать на пальцах, а может быть, даже с помощью калькулятора. И поймет, что, как ни посмотри, он не может быть молодым. И придет к выводу, что ему должно быть за сорок, а возможно, и ближе к пятидесяти. Это вполне приемлемо.

Но что будет потом? Долгие временные периоды всегда оставались его проблемой. Здесь у него была жизнь, которая ему нравилась, но ему придется снова как-то приспособиваться. Ох, он не мог сейчас думать о чем-то столь ужасном. Что, если седые волосы и в самом деле начнут распространяться? Это могло бы помочь. Но что она могла означать на самом деле, эта седина? Что она демонстрировала? Эш был слишком всем доволен, чтобы думать о ней. Слишком доволен, чтобы поддаваться холодному страху.

Он снова повернулся к окнам, к падавшему за ними снегу. Из этого кабинета так же хорошо, как и из всех остальных помещений, виден Центральный парк. Эш прижал ладони к стеклу. Очень холодное.

Озеро-каток уже опустело. Снег накрыл парк и крыши прямо под Эшем, и он отметил еще одну забавную картинку, всегда вызывавшую у него смехок.

Это был плавательный бассейн на крыше отеля «Паркер Меридиен». Снег валил на его прозрачную стеклянную крышу, а под ней, на высоте примерно пятидесятого этажа, какой-то человек плавал в ярко освещенной зеленой воде.

– Вот это и есть богатство, это власть, – тихо произнес себе под нос Эш. – Плавать в небе во время бури.

Построить плавательный бассейн в небесах – это был еще один его важный проект.

– Мистер Эш... – тихо произнес Реммик.

– Да, мой милый мальчик, – рассеянно отозвался Эш, продолжая наблюдать за взмахами рук пловца. Теперь он отчетливо видел, что это пожилой и очень худой мужчина.

Такая фигура могла быть у человека, голодавшего в прошлом. Но мужчина был крепок физически – Эш мог это рассмотреть. Возможно, бизнесмен, в силу деловых обстоятельств оказавшийся в ловушке жестокого зимнего Нью-Йорка и теперь плававший в приятно теплой и надежно продезинфицированной воде.

– Вам звонят, сэр.

– Ну, не думаю, что мне хочется говорить, Реммик. Я устал. Снег идет. От этого у меня возникает желание забраться в постель и заснуть. И я хочу прямо сейчас пойти спать, Реммик. Я хочу выпить горячего шоколада, а потом спать, спать...

– Мистер Эш, этот человек утверждает, что вы захотите с ним поговорить, что я должен

вам сказать...

– Все они так говорят, Реммик, – отозвался Эш.

– Сэмюэль, сэр. Он велел мне назвать это имя.

– Сэмюэль!

Эш отвернулся от окна и посмотрел на своего слугу, на его безмятежное лицо: ни осуждения, ни какого-либо собственного мнения – лишь преданность и молчаливое приятие всего.

– Он сказал, чтобы я сразу шел к вам, мистер Эш, что так всегда должно быть, когда он звонит. Я рискнул предположить, что он...

– Ты поступил правильно. А теперь можешь оставить меня ненадолго одного.

Эш сел в свое кресло у письменного стола.

Когда дверь за Реммиком закрылась, он поднял телефонную трубку и нажал маленькую красную кнопку.

– Сэмюэль! – прошептал он.

– Эшлер, – послышалось в ответ так отчетливо, как будто друг Эша и вправду стоял у самого его уха. – Ты меня заставил ждать пятнадцать минут! Каким же ты стал важным!

– Сэмюэль, где ты? Ты в Нью-Йорке?

– Конечно нет! – ответил тот. – Я в Доннелейте. На постоялом дворе.

– Телефоны в горных долинах...

Эш пробормотал это едва слышно. Голос друга доносился до него из Шотландии... Из горной долины.

– Да, дружище, в горах теперь есть телефоны, а заодно и многое другое. И здесь появился Талтос, Эш. Я его видел. Настоящий Талтос.

– Погоди-ка... Ты вроде бы сказал, что...

– Да, сказал. И не надо из-за этого волноваться, Эш. Он мертв. Это был ребенок, почти младенец. В общем, длинная история. В ней замешан некий цыган, весьма умный цыган по имени Юрий. Он из Таламаски. И не будь этот цыган мне нужен, он тоже был бы уже мертв.

– Ты уверен, что Талтос умер?

– Так мне сказал цыган. Эш, в Таламаске сейчас темные времена. С орденом случилось что-то ужасное. Они, возможно, вскоре даже убьют этого цыгана, но он полон решимости вернуться в Обитель. Ты должен приехать сюда как можно скорее.

– Сэмюэль, встретимся завтра в Эдинбурге.

– Нет, в Лондоне. Отправляйся напрямик в Лондон. Я это обещал цыгану. Только поспеши, Эш. Если братья в Лондоне его заметят, он погибнет.

– Сэмюэль, тут что-то не так. Таламаска не стала бы так поступать с кем бы то ни было, не говоря уже о своих людях. Ты уверен, что цыган говорит тебе правду?

– Эш, это связано с Талтосом. Ты можешь выехать прямо сейчас?

– Да.

– И ты меня не подведешь?

– Нет.

– Тогда я должен сказать тебе еще кое-что. Ты прочтешь об этом в лондонских газетах, как только приземлишься. Они начали раскопки в Доннелейте, на руинах кафедрального собора.

– Знаю, Сэмюэль. Мы ведь с тобой уже говорили об этом прежде.

– Эш, они раскопали могилу святого Эшлера. Нашли имя, выбитое на камне. Ты это увидишь в газетах, Эшлер. Здесь ученые из Эдинбурга. Эш, в эту историю замешаны ведьмы. Но цыган сам тебе расскажет. Люди на меня смотрят. Мне надо идти.

– Сэмюэль, люди всегда на тебя смотрят, погоди...

– Твои волосы, Эш. Я видел фото в журнале. У тебя действительно седые пряди? Впрочем, неважно.

– Да, у меня *действительно* седеют волосы. Но очень медленно. А в остальном я не постарел. Так что тебя ничто не поразит, кроме волос.

– Ты будешь жить до скончания мира, Эш, и именно ты его разрушишь.

– Нет!

– Лондон, отель «Кларидж». Мы сейчас же туда отправляемся. Это отель, где можно развести в камине огромный огонь из дубовых поленьев и спать в большой уютной спальне, битком набитой воощеным ситцем и коричневато-зеленым бархатом. И вот еще что, Эш... Заплати за отель, ладно? Я ведь два года прожил в горах.

Сэмюэль повесил трубку.

– Какое-то безумие... – прошептал Эш. И тоже положил трубку на место.

Несколько долгих мгновений он смотрел на бронзовую дверь.

Когда дверь открылась, Эш не моргнул и не сосредоточил взгляд и потому лишь смутно видел размытую фигуру, появившуюся в комнате. Он ни о чем не думал – просто мысленно повторял слова «Талтос» и «Таламаска».

Наконец он поднял голову и увидел Реммика, наливавшего шоколад из маленького тяжелого серебряного кувшина в прелестную чашку китайского фарфора. Пар поднимался к терпеливому и слегка усталому лицу Реммика. Седые волосы, вот уж действительно седые, вся голова седая. Эш подумал, что у него не должно быть такого множества седых волос.

И в самом деле, у него были всего две белые пряди, бегущие от висков к бакам, – так это называли. И да, еще едва заметные белые искры среди темных волос на груди. Эш со страхом посмотрел на свое запястье: там тоже виднелись белые волоски, смешавшиеся с темными, издавна покрывавшими его руки.

Талтос! Таламаска. Мир рухнет...

– Все было правильно, сэр? Насчет того звонка? – спросил Реммик своим прекрасным, тихим голосом с британским акцентом, который так нравился его нанимателю.

«Множество людей назвали бы его манеру говорить бормотанием. А теперь нам предстоит отправиться в Англию, – размышлял Эш. – Мы возвращаемся ко всем этим приятным, мягким людям...» Англия... страна колючего холода, видимая с побережья затерянной земли, с таинственными зимними лесами и снежными шапками гор.

– Да, конечно, все было правильно, Реммик. Всегда приходи прямо ко мне, когда звонит Сэмюэль. А сейчас я должен лететь в Лондон.

– Тогда мне нужно поспешить, сэр. Аэропорт Ла Гуардия был весь день закрыт. Может оказаться весьма сложно...

– Так поспеши, пожалуйста, не надо больше ничего говорить.

Эш пригубил шоколад. Ничто не могло обладать более богатым вкусом, быть слаще или лучше, кроме разве что настоящего свежего молока.

– Еще один Талтос, – громко прошептал Эш, ставя чашку. – Темные времена в Таламаске. Ему было трудно в это поверить.

Реммик исчез. Дверь за ним закрылась. Прекрасная бронза сверкала словно

раскаленная. Полоса света, падавшая на мраморный пол от встроенного в потолок светильника, напоминала отражение луны в море.

– Еще один Талтос, и при этом мужского пола.

В голове Эша металось множество мыслей, его одолевали эмоции! На мгновение ему показалось, что он вот-вот расплачется. Но нет. Это скорее был гнев – гнев оттого, что его вновь подразнили обрывком новостей, что его сердце отчаянно колотилось, что он должен был лететь через море, чтобы узнать больше о другом Талтосе, который уже умер... Мужского пола.

И Таламаска... Значит, у них начались темные времена? А разве это не было неизбежно? И что он должен с этим делать? Стоит ли снова втягиваться во все это? Несколько веков назад он постучал в их двери. Но кто из них знает об этом сейчас?

Их ученых Эш знал в лицо и по именам, но только потому, что боялся, что они могут его выследить. Многие годы они не переставали посещать горные долины... Кто-то что-то знал, но на самом деле ничто никогда не менялось.

Почему ему казалось, что теперь он обязан дать им какую-то защиту? Потому что однажды они открыли перед ним двери, выслушали его, упрашивали остаться. Они не смеялись над его историями, обещали сохранить его тайну. И еще: Таламаска, как и он сам, была старой. Старой, как деревья в великих лесах.

Как давно это было... Еще тогда, когда старинные палаццо в Риме освещались только свечами. Никаких записей – так ему обещали. Никаких записей в обмен на все то, что он мог рассказать... И все должно было оставаться анонимным, безличным, неким источником легенд и фактов, обрывков сведений о прошлых веках. Изможденный, он спал под их крышей; они утешали его. Но если проанализировать все как следует, они ведь были обычными людьми – возможно, одержимыми необычным любопытством, но все равно самыми обыкновенными, живущими недолго, потрясенными его существованием учеными, алхимиками, собирателями...

В любом случае ничего хорошего не было в том, что у них начались темные времена, как сказал Сэмюэль, тем более если учесть, сколько они знали и что хранили в своих архивах. Ничего хорошего. Но по какой-то странной причине сердце Эша устремлялось к тому цыгану из горной долины. И любопытство жгло его с такой силой, с какой всегда одолевало его при упоминании о Талтосах, о ведьмах...

Боже праведный! Сама только мысль о ведьмах...

Когда Реммик вернулся, он держал на руке подбитое мехом пальто.

– На улице холодно, сэр, – сказал он, набрасывая пальто на плечи хозяина. – А вы, похоже, уже замерзли, сэр.

– Это не важно, – ответил Эш. – Не надо спускаться со мной вниз. Ты кое-что должен сделать. Отправь деньги в отель «Кларидж», в Лондон. Для человека по имени Сэмюэль. Он карлик, горбатый, и у него ярко-рыжие волосы и очень морщинистое лицо. Ты должен обеспечить этого маленького человека всем, что он пожелает. Ох, и с ним там еще кое-кто. Цыган. Понятия не имею, что это означает.

– Да, сэр. Возможно, кличка, сэр?

– Не знаю, Реммик. – Эш встал, чтобы уйти, и поплотнее закутался в пальто. – А Сэмюэля я знаю очень давно.

Он уже стоял в лифте, когда осознал наконец абсурдность своих последних слов. Он вообще в последнее время говорил много бессмыслицы. Как-то Реммик сказал, что ему

очень нравится мрамор во всех комнатах, а Эш ответил: «Да, я полюбил мрамор с того мгновения, когда впервые его увидел». И это прозвучало бессмысленно.

Когда кабина лифта с ошеломительной скоростью спускалась вниз, в шахте завывал ветер. Этот звук можно было услышать только зимой, и он пугал Реммика, хотя самому Эшу нравился. Или, по крайней мере, казался ему забавным.

Машина уже дожидалась Эша на подземной стоянке, тихонько урча мотором и испуская белый пар. Чемоданы были погружены. Тут же стояли его ночной пилот, Джейкоб, безымянный второй пилот и бледный молодой шофер с соломенными волосами, который всегда дежурил в такое время, – он очень редко что-то говорил.

– Вы уверены, что вам хочется лететь этой ночью, сэр? – спросил Джейкоб.

– А что, никто не летает? – поинтересовался Эш.

Он остановился, вскинув брови, и положил ладонь на дверцу машины. Изнутри шел теплый воздух.

– Нет, сэр, летают.

– Тогда отправляемся в полет, Джейкоб. А если ты боишься, ты не обязан лететь.

– Куда вы, туда и я, сэр.

– Спасибо, Джейкоб. Когда-то ты заверял меня, что мы летаем выше опасной зоны и что с тобой я рискую намного меньше, чем на коммерческом реактивном самолете.

– Да, я так говорил, сэр, и это правда. Вы не согласны?

Эш уселся на черное кожаное сиденье и вытянул ноги, поставив их на сиденье напротив, чего в таком длинном лимузине не смог бы сделать ни один человек нормального роста. Водитель был надежно изолирован от него стеклянной перегородкой, а остальные поехали следом на другой машине. Телохранители Эша разместились в авто впереди.

Огромный лимузин рванул с места, помчался вверх по спирали с опасной, но волнующей скоростью, а потом выскочил из пасти гаража в чарующую белую бурю. Слава богу, бездомных забрали с улиц. Он забыл спросить о бездомных... Впрочем, наверняка некоторых из них пустили в фойе и дали им теплое питье и местечко, где они могли бы поспать.

Машина пересекла Пятую авеню и понеслась в сторону реки. Буря беззвучно кружила бесчисленное множество прелестных крохотных снежинок. Они проносились между темными безликими зданиями, как по глубоким горным ущельям, и таяли, столкнувшись с темными окнами и влажными тротуарами.

Талтос...

На мгновение радость покинула его мир – радость его достижений, его видений. Мысленным взглядом он увидел ту хорошенькую молодую женщину в помятом фиолетовом шелковом платье, мастерицу кукол из Калифорнии. Он увидел ее мертвой в постели, и все вокруг было залито кровью, заставившей платье потемнеть.

Конечно, такое не могло произойти. Он никогда больше не позволит, чтобы такое случилось, как не позволял уже много лет, так много, что он с трудом мог припомнить, каково это – обхватить руками мягкое женское тело, едва помнил вкус молока из материнской груди.

Но он думал о постели, и о крови, и о девушке, мертвой и холодной, и о ее веках, посиневших, как и кожа под ногтями, а потом и все лицо. Он мысленно рисовал эту картину, потому что в противном случае стал бы представлять слишком много другого. А боль, причиняемая этим видением, сдерживала его, заставляла воображение оставаться

в границах.

– Ох, что это может означать? Мужчина. И мертвый.

Только теперь Эш осознал, что ему необходимо увидеть Сэмюэля. Они с Сэмюэлем должны быть вместе. Эти встречи наполняли его радостью или могли наполнить, если он это допустит. А он уже стал настоящим мастером в том, чтобы позволять волнам счастья приходиться тогда, когда в них нуждался.

Он не видел Сэмюэля уже пять лет. Или даже дольше? Нужно подумать. Конечно, они говорили по телефону и, с тех пор как связь и сами аппараты стали достаточно надежными, делали это часто. Но он ведь не видел Сэмюэля.

В те дни у него было всего несколько седых волосков. Боже, неужели это происходит так быстро? Конечно, Сэмюэль заметил те волоски и обратил на них внимание. А Эш сказал: «Они исчезнут».

На одно мгновение туман рассеялся, исчез огромный защитный экран, так часто спасавший Эша от нестерпимой боли.

Он увидел горную долину, устремлявшийся вверх дым, фигуры, мчавшиеся к лесу, услышал ужасающий звон и стук мечей. Дым поднимался от простых каменных строений и от сараев... Невозможно, чтобы такое вообще могло произойти!

Оружие изменилось; правила изменились. Но массовая резня оставалась все такой же. На этом континенте Эш жил уже примерно семьдесят пять лет, всегда возвращаясь на него после одного-двух месяцев отсутствия. Поводы для отъезда были разными, но чаще всего его гнало прочь нежелание находиться вблизи от пожаров, дыма, агонии и ужасающих руин, оставленных войной.

Воспоминания о той долине не покидали его. Другие воспоминания тоже были связаны с ней: зеленые луга, дикие цветы, сотни сотен крошечных голубых цветочков. Он плыл по реке на маленьком деревянном суденышке, а на высоких стенах крепости стояли солдаты. Ах, что творили эти существа, нагромождая камни один на другой, чтобы создать огромную рукотворную гору! Но как насчет его собственных монументов? Сотни людей волокли через равнину эти громадные валуны, чтобы выстроить их в круг.

Та пещера... Ее он тоже видел снова, как будто перед ним вдруг выложили десятки ярких фотоснимков. Вот мгновение, когда он бежит вниз по склону утеса, скользя, едва не падая, а в другой момент Сэмюэль говорит ему: «Давай уйдем отсюда, Эш. Зачем ты сюда пришел? Что тут можно увидеть или узнать?»

Он увидел Талтоса с седыми волосами.

«Мудрые, добрые, знающие» – так их называли. Никто никогда не говорил «старые». В те времена, когда весна на острове была теплой, а фрукты сами падали с деревьев, это слово не произносил никто. Даже в горной долине никогда не звучало слово «старый», но все знали, что те, у кого были белые волосы, жили дольше всех, знали самые давние истории...

– Идем туда, послушаем историю...

На острове можно было выбрать того седовласого, которого ты хотел послушать, – потому что они сами не желали выбирать, – и сесть рядом, слушая, как избранный тобой поет, или говорит, или читает стихи, рассказывая самое давнее из того, что мог припомнить. И там была седовласая женщина, певшая нежным высоким голосом, и ее взгляд всегда был устремлен в море. Эшу очень нравилось ее слушать.

Но сколько же времени, сколько десятилетий может пройти до той поры, когда его

собственные волосы поседеют окончательно?

Впрочем, он знал, это может случиться, и очень скоро. Время само по себе тут ничего не значило. А седовласых женщин вообще было очень мало, ибо рождение детей способствовало их скорому увяданию. Правда, об этом никто не говорил, но все знали.

Седовласые мужчины были энергичны, любвеобильны, удивительно прозорливы и всегда готовы предсказать будущее. Но седовласая женщина была хрупкой. Такой ее сделало рождение детей.

Ужасно было вспоминать такие вещи, да еще так внезапно, так отчетливо. Возможно, это была еще одна магическая тайна, связанная с белыми волосами? Может быть, они заставляли вспоминать все с самого начала? Нет, не это... Дело было просто в том, что когда-то – Эш уже и не помнил, как давно, – ему казалось, что он будет приветствовать смерть с распростертыми объятиями, но теперь он ничего похожего не ощущал.

Его лимузин пересек реку и теперь мчался к аэропорту, упорно прорываясь сквозь бешеный ветер. Лимузин был большим, тяжелым и прижимался к скользкому асфальту.

Воспоминания продолжали тесниться в голове Эша. Он был уже стар, когда всадники примчались на равнину. Он был стар, когда видел римлян в битве у стены Антонина^[2], когда смотрел из кельи святого Колумбы^[3] на высокие утесы Айоны...^[4]

Войны. Почему они никогда не уходят из его памяти, а выжидают там во всем своем величии, совсем рядом с нежными воспоминаниями о тех, кого он любил, о танцах в горной долине, о музыке? Всадники спускаются вниз на зеленые земли, темная масса разливается, как чернила, по мирной картине, а потом их ушей достигает низкий рев и клубы дыма поднимаются бесконечными облаками...

Он внезапно очнулся.

Маленький телефон звонил. Эш схватил его и сорвал с черного крючка.

– Мистер Эш?

– Да, Реммик?

– Я подумал, вы захотите это знать, сэр. Там, в отеле «Кларидж», знакомы с вашим другом Сэмюэлем. Они уже подготовили для него его обычный номер на втором этаже, угловой, с камином. И они ждут вас. Кстати, мистер Эш, им тоже неизвестна его фамилия. Похоже, он никогда ее не называет.

– Спасибо, Реммик. Помолись немножко. Погода весьма переменчива и опасна.

Он повесил трубку, не дожидаясь, когда Реммик примется за свои обычные предостережения. «Ему не следовало говорить ничего подобного», – подумал Эш.

Но вот что было воистину изумительным: в «Кларидже» знали Сэмюэля. Представить сложно, что они к нему привыкли... Когда Эш в последний раз видел Сэмюэля, рыжие волосы его друга были спутанными и растрепанными, а лицо изрезали такие глубокие морщины, что глаза стали почти не видны, хотя время от времени вспыхивали и светились, как осколки янтаря в мягкой темной плоти. В те дни Сэмюэль одевался в лохмотья и носил на поясе пистолет. Он походил на маленького пирата, и люди на улице расступались перед ним, предпочитая обойти его стороной.

«Они все меня боятся, – жаловался Сэмюэль. – Я не могу оставаться здесь. Посмотри, они сейчас боятся даже больше, чем в давние времена...»

А теперь он стал своим в «Кларидже»! Неужели он теперь заказывал костюмы на Сэвил-роу? Неужели теперь на его грязных кожаных башмаках нет дыр? И он отказался от пистолета?

Машина остановилась, и Эшу пришлось приложить силы, чтобы открыть дверцу. Шофер бросился ему на помощь, а ветер колотил его снегом.

Тем не менее этот снег был так хорош и так чист до того, как ударялся о землю... Эш встал, на миг ощутив скованность во всех суставах, а потом поднял руку, чтобы защититься от мягких, влажных снежинок, летевших прямо ему в глаза.

– Вообще-то, все не так уж плохо, сэр, – сказал Джейкоб. – Мы можем взлететь меньше чем через час. Но вам лучше подняться на борт прямо сейчас, сэр, будьте любезны.

– Да, спасибо, Джейкоб, – ответил Эш.

Он остановился. Снег все падал на его темное пальто. Он чувствовал, как снежинки тают в волосах. Эш сунул руку в карман, нащупывая там маленькую игрушку, лошадку-качалку... Да, она была на месте.

– Это для твоего сына, Джейкоб, – сказал он. – Я ему обещал.

– Мистер Эш, стоило ли вспоминать об этом в такую-то ночь?

– Ерунда, Джейкоб. Могу поспорить, твой сын отлично все помнит.

Маленькая деревянная игрушка была слишком уж незначительной. Теперь Эш пожалел, что не выбрал подарок получше.

Эш шел слишком быстро, и шофер не мог за ним поспевать. Впрочем, он был слишком высок для того, чтобы над ним держали зонт. Это был всего лишь жест, картинка: человек почти бежал рядом с зонтом в руке, на случай, если Эш захочет взять этот зонт, чего никогда не случалось.

Он поднялся в теплое, тесное и всегда пугающее внутреннее пространство самолета.

– Я подготовила вашу любимую музыку, мистер Эш.

Эш знал эту молодую женщину, но не мог припомнить ее имя. Она всегда была одним из его лучших ночных секретарей. И сопровождала его во время последней поездки в Бразилию. Он хотел запомнить ее имя. Просто стыд, что оно не сорвалось мгновенно с языка.

– Иви, кажется? – с улыбкой спросил он, слегка сдвинув при этом брови, как бы заранее прося прощения за возможную ошибку.

– Нет, сэр, Лесли, – ответила девушка, мгновенно его прощая.

Нет сомнений, что будь она куклой, то непременно сделанной из неглазированного бисквитного фарфора. На ее личико наложили бы грунтовку нежно-розового цвета, и розы расцвели бы на ее щеках и губах, а глаза сделали бы подчеркнуто маленькими, темными, глубоко посаженными. Девушка застенчиво ждала.

Эш устроился на своем месте, в огромном, длиннее всех остальных, кожаном кресле, изготовленном специально для него, и Лесли вложила ему в руку красиво отпечатанную музыкальную программу.

Это был обычный его выбор: Бетховен, Брамс, Шостакович. И еще сочинение, о котором он просил: «Реквием» Верди. Но он не мог слушать его сейчас. Если он погрузится в эти мрачные аккорды и голоса, на него нахлынут воспоминания.

Эш откинул назад голову, не обращая внимания на зимнее представление за маленьким иллюминатором.

«Спи, дурак», – приказал он себе, не шевеля губами.

Но он знал, что заснуть не сможет. Будет думать о Сэмюэле и о том, что тот сказал, думать снова и снова, до самой их встречи. Эш будет вспоминать запахи дома Таламаски и то, как тамошние ученые были похожи на священников, и человеческую руку с зажатым

в ней гусиным пером, выведившую крупные затейливые буквы: «Аноним. Легенды затерянной земли. Стоунхендж».

– Хотите побыть в тишине, сэр? – спросила юная Лесли.

– Нет. Шостакович, Пятая симфония. Она заставит меня плакать, но вы не должны обращать на это внимание. И еще я голоден. Принесите сыра и молока.

– Да, сэр, все уже готово.

Девушка начала перечислять названия сыров – изумительные сорта, заказанные для него во Франции, в Италии и бог знает где еще. Эш кивнул, сделав выбор, и замер, ожидая, когда на него обрушится музыка, которая заставит его забыть о снеге за бортом и о том, что вскоре он окажется над огромным океаном и направится к Англии, к той самой равнине, к Доннелейту и к глубочайшей печали.

После самого первого дня Роуан больше не говорила. Она проводила дни на улице, под дубом, в белом плетеном кресле, положив ноги на подушку, а иногда просто лежала на траве. Она смотрела в небо, водя взглядом, как будто там неслись процессии облаков, а не сияла чистая весенняя голубизна, по которой лишь изредка пролетали едва заметные белые клочки.

Роуан смотрела на стену, или на цветы, или на тисы, но никогда на землю.

Возможно, она забыла о двойной могиле, что находилась прямо под ее ногами. Могила заросла травой, быстро и густо, как это всегда бывает весной в Луизиане. Этому помогали и частые изобильные дожди, а иногда и сияющее солнце с дождиком одновременно.

Роуан ела – съедала примерно от четверти до половины того, что ей давали. По крайней мере, так говорил Майкл. Она не выглядела голодной, но все еще оставалась бледной, а руки, когда она ими шевелила, обычно дрожали.

Вся родня приходила повидать ее. Родственники оставались на другой стороне лужайки, держась подальше, как будто могли причинить Роуан боль. Они произносили приветствия, спрашивали о ее здоровье, уверяли, что она прекрасно выглядит, – и это было правдой. А потом пятились назад и уходили.

Мона наблюдала за всем этим.

По ночам Роуан спала, говорил Майкл, спала так, словно была измучена, словно весь день тяжело трудилась. Купалась она в одиночестве, хотя это пугало Майкла. Но она всегда запиралась в ванной комнате, а если он пытался остаться внутри вместе с ней, она садилась на стул и смотрела в сторону, ничего не делая. Ему приходилось уступать. И тут же он слышал, как щелкает замок.

Роуан слушала, что говорили люди, по крайней мере сначала. И время от времени, когда Майкл умолял ее сказать хоть что-то, она тепло хлопала его по руке, как будто успокаивала или просила быть терпеливым. Грустно было видеть все это.

Майкл был единственным, кого она признавала, к кому прикасалась, хотя частенько делала этот легкий жест все с тем же отстраненным выражением лица и даже не меняя направления взгляда серых глаз.

Волосы у нее полностью отросли. Они даже слегка золотились от долгого сидения на солнце. Пока Роуан лежала в коме, волосы у нее были цвета мокрого дерева, выброшенного на заболоченный речной берег после длительного пребывания в воде. Теперь они выглядели живыми, хотя, если память не подводила Мону, волосы сами по себе мертвы. Мертвы, когда вы их расчесываете, завиваете или делаете с ними что-то еще.

По утрам Роуан поднималась, когда ей того хотелось. Она обычно медленно спускалась по лестнице, левой рукой придерживаясь за перила, а в правой держа трость, на которую опиралась, ставя ее на каждую ступеньку. Похоже, ее не интересовало, помогает ли ей Майкл. И если Мона брала ее за руку, это тоже ничего не меняло.

Время от времени, перед тем как спуститься вниз, Роуан останавливалась перед туалетным столиком и подкрашивала губы.

Мона всегда это замечала. Иной раз Мона ожидала Роуан в коридоре перед спальней и видела, как Роуан это делает. Весьма примечательно.

Майкл тоже всегда обращал на это внимание. Роуан носила только ночные сорочки

или халаты – в зависимости от погоды. Покупала их тетя Беа, а Майкл сразу стирал, потому что, насколько он помнил, Роуан надевала новую одежду только после стирки. Потом Майкл раскладывал вещи для Роуан на кровати.

Нет, полагала Мона, это вовсе не кататонический ступор. Да и доктора с ней соглашались, хотя и не могли сказать, что с Роуан не так. В тот единственный раз, когда один из врачей – идиот, как обозвал его Майкл, – попытался воткнуть в ее руку иглу, Роуан просто мягко отвела руку и прикрыла ее другой рукой. А Майкл пришел в ярость. Роуан даже не посмотрела на того парня и не сказала ни слова.

– Хотелось бы мне быть здесь в тот момент, – сказала Мона.

Конечно, Мона и так знала, что Майкл говорит правду. Пусть себе доктора рассуждают и тычут иглами в других людей. Может, когда они вернутся в свой госпиталь, они начнут втыкать иголки в куклу, изображающую Роуан, – эдакая вуду-акупунктура. Мона ничуть бы этому не удивилась.

Но что *чувствовала* Роуан? Что она помнила? Никто ни в чем не был уверен. Только со слов Майкла они знали, что она вышла из комы в полном сознании, что разговаривала с ним несколько часов, что знала обо всем случившемся, что в коме она все слышала и понимала. Что-то ужасное произошло в день ее пробуждения... *еще одно...* И двое похороненных под дубом.

– Я просто не должен был ей это позволять, – в сотый уже раз сказал Майкл Моне. – Тот запах, что шел из ямы, и вид того, что там осталось... Мне нужно было позаботиться об этом самому.

«Но как выглядел тот, другой, и кто отнес его вниз? Расскажи мне обо всем, что говорила Роуан...» – снова и снова просила Мона.

– Я смыл землю с ее рук, – сказал Майкл Эрону и Моне, – потому что она не сводила с них глаз. Ведь врач не станет терпеть грязь на руках. Подумать только, сколько раз хирургу приходится мыть руки... Она спросила меня, как я себя чувствую, она хотела... – На этом месте Майкл задыхался оба раза, когда рассказывал всю историю. – Она хотела пощупать мой пульс. Она беспокоилась *обо мне!*

«Ох, если бы я увидела, что они там похоронили! – сетовала Мона. – Ох, если бы она поговорила со мной!»

Это было самым странным из всего: в тринадцать лет стать богатой, потенциальной наследницей, иметь своего водителя, и машину (по-простому говоря, сверкающий черный лимузин невероятной длины, с разными плеерами, цветным телевизором и множеством емкостей для льда и диетической колы), и деньги в кошельке в любое время, причем двадцатидолларовые купюры, не мелочь, и горы новой одежды, и множество людей, занимающихся ремонтом старых домов на Сент-Чарльз-авеню и Амелия-стрит, бегающих за ней с лоскутами натурального шелка и кусками обоев ручной росписи, чтобы она выбрала образцы.

Но Мона хотела *иного*: хотела знать, хотела быть частью чего-то, понять тайны этой женщины и этого мужчины, этого дома... Все это должно однажды открыться ей. Мертвый призрак под деревом. Легенда, затаившаяся под весенними дождями. И *другой* в его объятиях. Это было равносильно отказу от надежного, яркого сияния золота ради извлеченных из маленького тайника потемневших дешевых украшений неопределимой силы. Да, вот это и есть магия. Даже смерть собственной матери не привела Мону в такое

смятение.

Мона разговаривала с Роуан. Много.

Она приходила в дом со своим собственным ключом – наследница ведь и все такое... Майкл сказал, что она имеет право. Он больше не смотрел на Мону с похотью во взгляде и практически удочерил ее.

Мона выходила в задний сад, пересекала лужайку, перепрыгивала могилу, если вспоминала об этом, хотя иной раз и забывала, а потом садилась к плетеному столу. «С добрым утром, Роуан!» – здоровалась она и болтала, болтала...

Она рассказывала Роуан обо всех переменах в Мэйфейровском медицинском центре, о том, что они создали свой сайт, что наконец договорились насчет огромной геотермальной системы для обогрева и охлаждения, что уже составлены проекты. «Твои мечты осуществляются, – сообщила она Роуан. – Мэйфейры знают этот город так же хорошо, как другие. Нам не нужны всякие предварительные изыскания и прочее. Мы строим госпиталь таким, как хотела ты».

Роуан не реагировала. Интересен ли ей по-прежнему огромный медицинский комплекс, который должен коренным образом изменить взаимоотношения между персоналом и пациентами, а также посещающими их родственниками, в котором персонал должен оказывать помощь даже тем, кто обратится к ним анонимно?

– Я нашла твои заметки, – сказала Мона. – Они ведь не были заперты. И не походили на личные.

Никакого ответа. Огромные черные ветви дуба чуть шевелились. Листья банана шелестели по кирпичной стене.

– Я сама стояла перед лечебницей Туро, спрашивала людей, что они хотели бы видеть в идеальной больнице. Часами с ними разговаривала!

Ничего.

– Моя тетя Эвелин лежит в Туро, – тихо продолжила Мона. – У нее был удар. Ее должны перевезти домой, но не думаю, что она заметит разницу.

Моне хотелось плакать, когда она говорила о Старухе Эвелин. Она заплакала бы, если бы речь зашла о Юрии. Но она этого не сделала. Она не сказала, что Юрий не писал и не звонил уже три недели. Не сказала, что она, Мона, влюблена, причем в загадочного смуглого, обаятельного мужчину с английскими манерами, вдвое старше ее.

Несколько дней назад она уже говорила Роуан о том, что Юрий приезжал из Лондона, чтобы помочь Эрону Лайтнеру. Она объяснила, что Юрий – цыган и что он понимает то, что понятно Моне. Она даже описала, как они встретились в ее спальне вечером накануне отъезда Юрия. «Я постоянно о нем тревожусь», – сказала она тогда.

Роуан даже не посмотрела на нее.

Что Мона могла сказать теперь? Что прошлой ночью она видела какой-то ужасный сон о Юрии, но ничего не помнит?

– Конечно, он взрослый человек, – продолжила Мона. – Я хочу сказать, ему уже за тридцать и все такое, и он умеет позаботиться о себе, но когда я думаю, что кто-нибудь в Таламаске может ему навредить...

Ох, довольно об этом!

Может быть, все это неправильно. Так легко вываливать разные слова на человека, который не может или не хочет ответить.

Но Мона могла бы поклясться, что нечто неопределенное все же отражалось в глазах

Роуан. Хотя, возможно, так казалось просто потому, что Роуан не выглядела раздраженной или совершенно отстраненной.

Мона не ощущала в ней неудовольствия.

Ее взгляд скользнул по лицу Роуан. Оно было таким серьезным. За ним должен скрываться разум, обязательно должен. А что? Она ведь выглядела в двадцать миллионов раз лучше, чем когда лежала в коме. И надо же, она застегнула свой халат. Майкл клялся, что он этого не делал. Роуан застегнула три пуговицы. Вчера была только одна.

Но Мона знала, что отчаяние может настолько заполнить ум, что пытаться распознать в нем какие-то мысли все равно что пытаться прочесть что-то сквозь густой дым. Но отчаяние ли одолевало Роуан?

Мэри-Джейн Мэйфейр – сумасшедшая деревенщина из Фонтевро – заходила в прошлые выходные. Бродяга, пиратка, провидица и гений, если ее послушать, отчасти престарелая леди, отчасти веселая девица в весьма зрелом возрасте девятнадцати с половиной лет. Ужасающая, могущественная ведьма – так она себя описывает.

– Роуан в полном порядке, – заявила Мэри-Джейн, после того как долго и пристально всматривалась в Роуан, а потом спихнула с головы свою ковбойскую шляпу, и та упала ей на спину. – Так что вы просто подождите. Ей нужно время, но эта леди отлично знает, что происходит.

– Кто такая эта чокнутая? – резко спросила Мона, хотя на самом деле почувствовала бешеное сострадание к этому ребенку, пусть даже ребенок был на шесть лет старше самой Моны.

Это была благородная дикарка, одетая в хлопчатобумажную юбку из «Уолмарта», длиной до середины бедра, и дешевую белую блузку, слишком тесно сжимавшую невероятную грудь, причем даже без пуговицы в критическом месте. Жестокая нищета, но прекрасная видимость.

Конечно же, Мона знала, кто такая Мэри-Джейн. На самом деле Мэри-Джейн Мэйфейр жила в развалинах дома на плантации Фонтевро, на заболоченных землях у рукава реки. То был легендарный край браконьеров, убивавших прекрасных белошеих цапель ради мяса, аллигаторов, способных перевернуть вашу лодку и сожрать вашего ребенка, и безумных Мэйфейров, которые никогда не появлялись в Новом Орлеане и не поднимались по деревянным ступеням знаменитой новоорлеанской резиденции Фонтевро, иначе именуемой домом на углу Сент-Чарльз-авеню и Амелия-стрит.

Мона на самом деле умирала от желания увидеть это место, Фонтевро, дом с шестью уцелевшими и шестью упавшими колоннами, хотя его первый этаж давно был на три фута залит водой. Вторым ее сильным желанием была встреча с легендарной Мэри-Джейн, кузиной, которая лишь недавно вернулась «издалека» и которая привязывала пирогу к перилам лестницы и на веслах добиралась через застойную илистую воду до своего пикапа, чтобы съездить в город за продуктами.

Все вокруг говорили о Мэри-Джейн. И поскольку Моне было тринадцать и она теперь стала наследницей и была единственной особой, которая по закону могла решать, с кем ей поддерживать отношения, а с кем – нет, всем казалось, что Моне особенно интересно было бы поговорить о юной деревенской кузине, которая была «блестящей умницей» и «телепаткой» и пыталась идти тем же путем, что и Мона, только по-своему.

Девятнадцать с половиной. Пока Мона не увидела собственными глазами это великолепное произведение природы, она не считала человека такого возраста подростком.

Зато Мэри-Джейн была самым интересным открытием, какое они совершили с тех пор, как начали загонять на генетическое тестирование всех членов семейства Мэйфейр. И неизбежно они должны были обнаружить атавизм вроде Мэри-Джейн. Мона гадала, что еще могло вскоре выползти из болот.

Но представить только затопленный дом на плантации – величественное строение в стиле греческого Возрождения, постепенно погружавшееся в тину и «с плеском» ронявшее в мутные воды куски штукатурки... Представить только рыб, плывущих между балясинами перил...

– А что, если дом рухнет прямо на нее? – спрашивала Беа. – Дом же стоит в воде! Она не может там оставаться! Эту девочку необходимо перевезти сюда, в Новый Орлеан.

– В болоте, Беа, – уточняла Селия. – В болотной воде. Это же не озеро или Гольфстрим. К тому же если у этого ребенка не хватает разума убраться оттуда и перевезти старую женщину в безопасное место...

Старая женщина.

Мона отлично все это помнила. Помнила, как в прошлые выходные Мэри-Джейн просто вышла на задний двор и втиснулась в небольшую толпу, окружавшую молчавшую Роуан, как будто явилась на какой-нибудь пикник.

– Я все о вас знаю, – заявила Мэри-Джейн.

Она обращалась в том числе и к Майклу, который стоял возле кресла Роуан, как будто позируя для элегантного семейного портрета. И помнила, как взгляд Майкла встретился со взглядом Мэри-Джейн.

– Я иногда сюда прихожу и смотрю на вас, – продолжила Мэри-Джейн. – Да, я так и делаю. И приходила в день вашей свадьбы. Ну, когда ты на ней женился. – Она ткнула пальцем в сторону Майкла, потом показала на Роуан. – Я вон там стояла, через дорогу, и наблюдала за вашей вечеринкой.

Каждое предложение она заканчивала с такой интонацией, словно это был вопрос, как будто она всегда ожидала кивка или какого-нибудь словечка в подтверждение.

– Тебе следовало прийти сюда, – мягко произнес Майкл, ловивший каждое слово Мэри-Джейн.

Беда в том, что Майкл питал слабость к симпатичным девочкам, вступившим в период полового созревания. Его свидание с Моной не было шуткой природы или результатом ворожбы. А такой сексуальной болотной курочки, как Мэри-Джейн Мэйфейр, Моне еще не доводилось встречать. Впечатление не портили даже яркие желтые косички на макушке и грязные белые кожаные туфли с ремешками, как у маленького ребенка. А темная кожа, то ли оливковая, то ли просто загоревшая, делала девушку похожей на паломино – пегую лошадку с белой гривой.

– Что показали твои тесты? – спросила Мона. – Если не ошибаюсь, ты ведь из-за них приехала. Тебя обследовали?

– Не знаю, – ответила гениальная девица, могущественная болотная ведьма. – Они там все путают, так что не уверена, что сделают хоть что-то правильно. Сначала они меня называли Флоренс Мэйфейр, потом Даки Мэйфейр, пока наконец я не заявила: «Послушайте, я Мэри-Джейн Мэйфейр! Посмотрите сюда, вот сюда, в ту карту, что перед вами лежит!»

– Ну, это не слишком хорошо, – пробормотала Селия.

– Но потом мне сказали, что я в порядке и могу идти домой, а если со мной что-то

не так, мне сообщат. Послушайте, я прикинула, что, пожалуй, подхватила где-то ведьмовские гены, и думаю, что окажусь во главе списка. Надо же! Никогда не видела столько Мэйфейров, как в том здании.

– Это здание принадлежит нам, – сказала Мона.

– И каждого там я могла бы сразу узнать просто по виду, всех до единого. Я никогда не ошибалась. Но там был один язычник, один отверженный, знаете ли... Ну нет, скорее полукровка, вот кто это был, и хоть кто-нибудь это заметил? Я хочу сказать, что у многих Мэйфейров нет подбородка, а носы в общем симпатичные, но с небольшим провалом вот тут, а глаза скошены наружу... А есть много похожих на тебя, – заявила она Майклу. – Да, точно такие, как ты, настоящие ирландцы, с густыми бровями, кудрявые, с огромными сумасшедшими ирландскими глазами.

– Но, милая, – тщетно попытался возразить Майкл, – я вовсе не Мэйфейр.

– ...И еще с рыжими волосами, как у нее, только она самая хорошенькая из всех. Ты, должно быть, Мона. У тебя такой сияющий и довольный вид, как у человека, на которого только что свалились тонны денег.

– Мэри-Джейн, милая... – начала было Селия, но не смогла придумать, что сказать дальше.

– Ну и каково это – ощущать себя настолько богатой? – спросила Мэри-Джейн, и ее большие живые глаза уставились на Мону. – Я имею в виду, как это там, в глубине. – Она постучала себя по дешевой блузке сжатым кулаком, прищурившись, и даже немного наклонилась вперед, так что расщелина между ее грудями стала отлично видна не только Моне, но и всем, кто стоял рядом. – Ну не важно, я знаю, что вроде как не полагается задавать такие вопросы. Я, вообще-то, явилась сюда, чтобы посмотреть на нее, потому что Пейдж и Беатрис просили меня сделать это.

– И зачем это им? – спросила Мона.

– Помолчи, дорогая, – вмешалась Беатрис. – Мэри-Джейн всем Мэйфейрам Мэйфейр. Милая Мэри-Джейн, ты должна привезти свою бабушку в город, немедленно. Я серьезно говорю, дитя. Мы все хотим, чтобы вы переехали. У нас есть целый список адресов для вас, и временных, и постоянных.

– Я поняла, о чем она говорила, – сказала Селия. Она сидела рядом с Роуан, и только у нее хватало смелости время от времени отирать лицо Роуан белым носовым платком. – Я о Мэйфейрах без подбородков. Она имела в виду Полли. У Полли имплант. Она родилась не с таким подбородком.

– Но если у нее имплант, – возразила Беатрис, – то с виду-то у нее подбородок есть.

– Да, но у нее скошенные глаза и заостренный нос, – заявила Мэри-Джейн.

– Точно, – согласилась Селия.

– И вы все боитесь лишних генов, да? – Мэри-Джейн произнесла это резко, словно метнула лассо, мгновенно завладев всеобщим вниманием. – Вот ты, Мона, ты боишься?

– Не знаю, – ответила Мона, хотя на самом деле не боялась.

– Но ведь такое вообще едва ли может случиться! – заявила Беа. – Я о генах. Это же чистая теория. Стоит ли нам говорить об этом? – Она бросила на Роуан многозначительный взгляд.

Роуан, как всегда, смотрела прямо на стену – возможно, на солнечные пятна на кирпичах...

Мэри-Джейн упорно продолжала:

– Не думаю, что с этой семьей когда-нибудь снова произойдет что-нибудь такое же ужасное. По-моему, времена подобного колдовства остались в прошлом, а новая эра нового ведьмовства...

– Милая, мы, вообще-то, не воспринимаем ведьмовство всерьез, – перебила ее Беа.

– Ты знаешь фамильную историю? – спросила Селия.

– Знаю ли? Да я знаю то, о чем вы и не слыхивали. Я знаю то, что мне рассказывала бабуля, а она это слышала от старого Тобиаса. Я знаю то, что написано на стенах того дома и сохранилось до сих пор. Совсем маленькой я сидела на коленях у Старухи Эвелин. И Старуха Эвелин поведала мне многое. Я все прекрасно помню. Ей одного дня хватило.

– Но досье нашей семьи, досье Таламаски... – Селия не отступала. – Они тебе давали его в той клинике?

– Ох да! Беа и Пейдж принесли мне эту ерунду. Вот, посмотрите! – Мэри-Джейн показала на пластырь на своей руке и на такую же полоску у колена. – Вот, прилепили! Забрали столько крови, что хватило бы на жертву дьяволу. Конечно, я понимаю ситуацию. У некоторых из нас целая цепочка лишних генов. И достаточно двух близких родственников с двойным набором двойных спиралей, чтобы получить Талтоса! Может быть. Может быть! В конце концов, если подумать, сколько уже двоюродных братьев и сестер переженились, и такого не случилось, верно? Послушайте, нам вообще незачем говорить об этом рядом с ней, тут вы правы.

Майкл поблагодарил ее усталой улыбкой.

Мэри-Джейн снова всмотрелась в Роуан. Потом выдула большой пузырь из жевательной резинки, снова его втянула...

Мона засмеялась:

– Вот это фокус! А у меня такое никогда не получается.

– Ну, наверное, это особый дар, – проворчала Беа.

– Но ты ведь прочитала те документы, – снова взялась за свое Селия. – Очень важно, чтобы ты все знала.

– Ох да, я все прочла, до единого слова, – призналась Мэри-Джейн. – Даже то, что мне следовало пропустить. – Она хлопнула себя по стройному загорелому бедру и пронзительно захохотала. – Вы тут говорите о том, что мне нужны всякие вещи. Помогите мне получить какое-нибудь образование – вот то единственное, что мне действительно пригодится. Знаете, худшее, что вообще со мной случилось в жизни, так это то, что мама забрала меня из школы. Конечно, тогда-то я не хотела ходить в школу. Мне гораздо интереснее было сидеть в публичной библиотеке, но...

– Думаю, ты права насчет лишних генов, – сказала Мона.

И права насчет необходимости образования.

Многие, многие в их роду имели лишние хромосомы, способные сотворить монстров, но ни один пока что не родился в их клане независимо от того, кто с кем вступал в брак... до этого ужасного времени.

Однако до сих пор этот монстр был всего лишь призраком, фантомом, который пугал молодых женщин до безумия, накрывая Первую улицу облаком раздражения и уныния. И было нечто поэтическое в странных телах, что лежали прямо здесь, под дубом, под той самой травой, на которой стояла Мэри-Джейн в коротенькой хлопчатой юбочке, с пластырем телесного цвета на коленке. Ее руки лежали на узких бедрах, кожаные туфли с ремешками были перепачканы свежей грязью, а маленькие грязные носки съехали на пятки.

«Может быть, ведьмы из Байю, из заболоченной дельты реки, просто тупицы, – думала Мона. – Они могут стоять прямо на могилах монстров и не догадываться об этом. Конечно, ни одна из ведьм в этой семье ничего на самом деле не знала. Только вот эта женщина, не желающая говорить, да стоящий рядом с ней Майкл – гора кельтских мускулов и обаяния».

– Мы с тобой троюродные сестры, – вернулась к теме Мэри-Джейн. – Разве это ничего не значит? Ты еще и не родилась, когда я приходила к Старухе Эвелин и ела ее домашнее мороженое.

– Не помню, чтобы Старуха Эвелин готовила домашнее мороженое.

– Милая, да она делала лучшее из всех мороженых, что я когда-либо пробовала! Мама привозила меня в Новый Орлеан, чтобы...

– Ты о ком-то другом говоришь, – заявила Мона.

Может быть, эта девушка была самозванкой? Может, она вообще была не из Мэйфейров? Нет, это уж слишком. Тем более было в глазах Мэри-Джейн нечто такое, что немного напоминало Моне Старуху Эвелин.

– Нет, я говорю именно о ней, – стояла на своем Мэри-Джейн. – Но вообще-то, не о мороженом речь. Дай-ка посмотреть на твои руки... Руки у тебя нормальные.

– И что?

– Мона, будь повежливее, милая, – вмешалась Беатрис. – Твоя кухня всего лишь старается быть чистосердечной.

– Ладно, мои руки ты видишь? – продолжила Мэри-Джейн. – Когда я родилась, у меня были шестые пальцы на обеих руках. Не то чтобы настоящие пальцы... Понимаешь? Такие маленькие пальчики. Поэтому мама и повезла меня к Старухе Эвелин, ведь у Старухи Эвелин у самой был точно такой же палец...

– Неужели ты думаешь, что я этого не знаю? – перебила ее Мона. – Я выросла рядом со Старухой Эвелин.

– Знаю, знаю. И о тебе тоже знаю. Ты успокойся, милая. Я не желаю грубить, просто я Мэйфейр, такая же, как ты, и могу выставить свои гены против твоих генов.

– А кто тебе обо мне рассказал? – спросила Мона.

– Мона!.. – мягко одернул ее Майкл.

– И как могло случиться, что я до сих пор с тобой не встречалась? – продолжила Мона. – Я из тех Мэйфейров, что из Фонтетро. Твоя троюродная сестра, как ты сама только что сказала. И как ты умудряешься говорить так, словно ты с Миссисипи, хотя утверждаешь, будто все время жила в Калифорнии?

– Ох, послушай, это длинная история, – ответила Мэри-Джейн. – Я отбывала срок на Миссисипи, и уж поверь, даже на Ферме Парчмана^[5] не могло быть хуже. – Похоже, ничто не могло вывести эту девочку из равновесия. – У вас есть чай со льдом?

– Конечно есть, дорогая, извини...

Беатрис тут же ушла за чаем. Селия смущенно покачала головой. Даже Мона почувствовала, что с гостьей обошлись невежливо, а Майкл поспешил принести извинения.

– Эй, да я сама себе возьму, только скажите где! – воскликнула Мэри-Джейн.

Но Беа уже исчезла, что было весьма кстати. Мэри-Джейн снова выдула пузырь из резинки, потом еще раз, но уже не один большой, а сразу несколько маленьких.

– Потрясающе! – заявила Мона.

– Ну, как я сказала, тут целая история. Я могла бы рассказать тебе много ужасного о том времени, когда была во Флориде. В общем, мне там пришлось потрудиться, чтобы вернуться

сюда.

– Не ври, – брякнула Мона.

– Мона, не язви!

– И я видела тебя раньше, – продолжила Мэри-Джейн как ни в чем не бывало. – Я помню, как ты с Гиффорд Мэйфейр уезжала в Лос-Анджелес, чтобы оттуда лететь на Гавайи. Я тогда впервые очутилась в аэропорту. Ты там заснула прямо у стойки, тебя уложили на два стула и накрыли пальто Гиффорд, а Гиффорд Мэйфейр купила нам очень вкусную еду.

«Только не вздумай эту еду описывать», – мысленно взмолилась Мона. Но Мона действительно смутно помнила эту поездку: и то, как проснулась с болью в шее в аэропорту Лос-Анджелеса, который коротко называли «ЛАП», и как Гиффорд говорила Алисии, что они должны будут когда-нибудь вернуть домой Мэри-Джейн...

Вот только Мона совершенно не помнила, чтобы там была еще какая-то девочка. А получается, там была Мэри-Джейн. И теперь она вернулась домой. Должно быть, Гиффорд творит чудеса с небес.

Вернулась Беа с чаем со льдом.

– Вот он, дорогая, много лимона и сахара, именно так, как ты любишь, правда? Да, милая...

– Я не помню, чтобы видела тебя на свадьбе Майкла и Роуан, – сказала Мона.

– Это потому, что я туда и не заходила, – ответила Мэри-Джейн.

Она взяла чай у Беа сразу, как только он оказался на расстоянии вытянутой руки, и тут же выпила половину, шумно прихлебывая, залив подбородок и тыльную сторону руки. Лак чудовищного, мрачного фиолетового цвета на ее ногтях облупился.

– Я тебя приглашала, – сказала Беа. – Звонила тебе. Трижды оставляла тебе записки в той аптеке.

– Да, знаю, тетя Беатрис. Никто не посмел бы заявить, что ты не постаралась изо всех сил, чтобы заманить нас на ту свадьбу. Но, тетя Беатрис, у меня ведь даже туфель не было! И платья у меня не было. И шляпки. Вот эти туфли видите? Я их нашла. Это мои первые настоящие туфли, а не кеды, которые я носила лет десять! К тому же мне все было прекрасно видно и с другой стороны улицы. И я слышала музыку. Какая чудесная музыка была на вашей свадьбе, Майкл Карри! Ты уверен, что ты не Мэйфейр? На мой взгляд, ты выглядишь как Мэйфейр. Я даже предложила бы найти семь различий между тобой и Мэйфейрами.

– Спасибо, милая. Но я не Мэйфейр.

– О, ты Мэйфейр в душе! – воскликнула Селия.

– Ну, это уж точно, – согласился Майкл, по-прежнему не сводивший глаз с девушки, кто бы к нему ни обращался.

И что только видят мужчины, когда смотрят на такие вот сгустки обаяния?

– Знаешь, когда мы были маленькими, – продолжала Мэри-Джейн, – у нас там ничего не было, только старая масляная лампа и холодильник со льдом, да еще множество москитных сеток, висевших вокруг. И бабуля обычно зажигала ту лампу по вечерам и...

– У вас не было электричества? – перебил ее Майкл. – И давно это было? Как давно такое могло быть?

– Майкл, ты просто никогда не бывал в дельте, – заметила Селия.

Беа согласно кивнула.

– Майкл Карри, мы были скваттерами, незаконными поселенцами, – сказала Мэри-

Джейн. – Мы прятались в Фонтевро. Тетя Беатрис могла бы тебе рассказать. И к нам время от времени заявлялся шериф, чтобы нас выгнать. Мы складывали вещички, и он отвозил нас в Наполеонвилль, а потом мы могли вернуться, он на какое-то время оставлял нас в покое, и мы жили себе и жили, пока мимо не проплывал в лодке какой-нибудь двуногий ханжа или какой-нибудь егерь, ну, кто-нибудь в этом роде, и не доносил на нас. Представь, у нас были пчелы, улей на крыльце, для меда! И мы могли ловить рыбу прямо с заднего крыльца. И еще у нас были фруктовые деревья вокруг, пока их не заглушила дикая глициния, ну, знаешь, она же как боа-констриктор, да еще ежевика... Но все необходимое я просто подбирала у дороги, у развилки. У нас все было. Кстати, теперь у меня есть электричество! Я сама врезалась в линию электропередач и тот же фокус проделала с кабельным телевидением.

– Ты действительно это сделала? – удивилась Мона.

– Милая, но это же незаконно! – воскликнула Беа.

– Но я сделала. Моя жизнь куда интереснее, чем про нее врут всякие. Признаюсь, у меня всегда было куда больше храбрости, чем воображения. – Она еще раз шумно отхлебнула чай и снова немного пролила. – Боже, как вкусно! Такой сладкий! Это искусственный подсластитель, верно?

– Боюсь, что да, – согласилась Беа, глядя на Мэри-Джейн в ужасе и смущении, потому что вспомнила, что произнесла слово «сахар».

Как бы то ни было, Беа ненавидела людей, которые неопрятно ели и пили.

– Надо же! – Мэри-Джейн, провела тыльной стороной ладони по губам и вытерла руку о юбку. – Я сейчас пробую нечто, что в пятьдесят раз слаще всего, что до сих пор вообще пробовали люди на земле. Вот потому-то я и купила акции искусственного подсластителя.

– Ты купила что? – переспросила Мона.

– Ну да. У меня есть свой брокер, милая, брокер с пониженной комиссией правда, но он лучший из всех, кого я знала. Он работает в Батон-Руж. Я вложила двадцать пять тысяч долларов на фондовой бирже. А когда разбогатею, я осушу и восстановлю Фонтевро. Я все туда верну, каждый колышек и дощечку! Подожди, увидишь. Ты сейчас смотришь на будущего члена клуба «Пятьсот самых богатых».

«А может, в этой чокнутой и вправду что-то есть», – подумала Мона.

– Но откуда ты взяла двадцать пять тысяч долларов?

– Тебя же могло убить, когда ты подсоединялась к электрокабелю! – ужаснулась Селия.

– Я заработала каждый пенни, когда возвращалась домой, и на это понадобился год. Только не спрашивайте меня, что именно я делала. Есть парочка вещей, которые мне нравится делать. Но это опять же целая история.

– Тебя могло убить током, – повторила Селия. – Когда ты тянула проводку.

– Милая, ты же не в суде, – обеспокоенно произнесла Беа.

– Послушай, Мэри-Джейн, – сказал Майкл, – если тебе понадобится что-то в таком роде, я приеду и все сделаю. Я серьезно говорю. Ты только скажи, когда тебе будет удобно, и все.

Двадцать пять тысяч долларов?..

Взгляд Моны остановился на Роуан. Роуан слегка нахмурилась, глядя на цветы, как будто цветы что-то тихо рассказывали ей на своем тайном языке.

Далее последовал красочный рассказ о том, как Мэри-Джейн забиралась на стоящие в болоте кипарисы, как разбиралась, до каких проводов можно дотрагиваться, а какие лучше

не задевать, как воровала рабочие перчатки и ботинки. Может, эта девушка и в самом деле была своего рода гением.

– А какие еще акции у тебя есть? – спросила Мона.

– Да в твои-то годы какое тебе дело до фондового рынка? – спросила Мэри-Джейн, демонстрируя свое полное невежество.

– Бог мой, Мэри-Джейн! – Мона старалась говорить так, как говорила Беатрис. – Да я всегда с ума сходила по рынку акций! Всем известно, что для меня бизнес – это некое искусство. Я намерена когда-нибудь управлять собственным инвестиционным фондом.

Ты, конечно, знаешь, что такое взаимный фонд?^[6]

– Да уж конечно, – ответила Мэри-Джейн, посмеиваясь про себя.

– За последние недели я полностью сформировала собственный портфель акций, – продолжила Мона.

И тут же запнулась, почувствовав себя ужасно глупо из-за того, что проглотила наживку и принялась рассуждать перед тем, кто, возможно, ее и не слушает. Оказаться посмешищем в глазах сотрудников компании «Мэйфейр и Мэйфейр» – одно, и это скоро пройдет. Но вот эта девушка – совсем другое дело.

Но девушка действительно внимательно смотрела на Мону и слушала, воспринимая ее слова всерьез.

– В самом деле? – спросила Мэри-Джейн. – Ну тогда позволь кое о чем спросить. Как насчет телеканала «Домашний магазин»? Я лично думаю, что он должен иметь сумасшедший успех. Знаешь о нем? Я уже вложила в этот канал десять штук. И знаешь, что случилось?

– Твои деньги почти удвоились за последние четыре месяца, – ответила Мона.

– Точно, так и есть. А тебе-то откуда известно? Хотя ты вообще довольно странный ребенок. Я-то думала, что ты из тех городских девочек с ленточками в волосах, какие ты всегда носишь. И ходишь в церковь монастыря Святого Сердца. Думала, ты и разговаривать со мной не станешь.

В это мгновение Мону пронзило легкой болью, болью и жалостью к этой девушке, ко всем, кто чувствовал себя настолько отверженным, настолько униженным. Мона никогда в жизни не страдала отсутствием уверенности в себе. А эта девушка была такой интересной. Она доходила до всего своим умом, не имея образования и знаний, которыми обладала сама Мона.

– Милые, вы бы остановились. Давайте не говорить об Уолл-стрит, – попросила Беатрис. – Мэри-Джейн, как там бабушка? Ты ни слова нам о ней не сказала. Уже четыре часа, и тебе нужно будет скоро уходить, если собираешься сидеть за рулем всю обратную дорогу...

– Бабуля в полном порядке, тетя Беатрис, – ответила Мэри-Джейн, но продолжала при этом внимательно смотреть на Мону. – Кстати, а ты знаешь, что случилось с бабулей после того, как мама забрала меня и отвезла в Лос-Анджелес? Мне тогда было шесть лет, представляешь? Ты слышала эту историю?

– Да, – кивнула Мона.

Все ее слышали. Беатрис до сих пор испытывала из-за этого смущение. Селия уставилась на Мэри-Джейн так, будто увидела перед собой гигантского комара. Только Майкл, похоже, был не в курсе.

А случилось тогда вот что. После того как мать увезла шестилетнюю Мэри-Джейн,

бабушку, Долли-Джин Мэйфейр, захихнули в приходский приют. Предполагалось, что Долли-Джин умерла в прошлом году и похоронена в фамильном склепе. Похороны были весьма пышными, потому что, когда кто-то позвонил в Новый Орлеан, все Мэйфейры тут же приехали в Наполеонвилль и рвали на себе волосы от горя, сожалея, что оставили эту старую женщину, бедняжку Долли-Джин, умирать в приюте. Хотя большинство из них понятия не имели о ее существовании.

Да, действительно, никто из них на самом деле не знал Долли-Джин, по крайней мере в старости. Правда, Лорен и Селия видели ее много раз, когда были еще детьми.

Ее знала Старуха Эвелин, но Старуха Эвелин никогда не покинула бы Амелия-стрит ради присутствия на сельских похоронах, так что никто и не подумал ее позвать.

В общем, когда Мэри-Джейн около года назад явилась в город и услышала о том, что ее бабушка умерла и похоронена, она лишь фыркнула и едва ли не рассмеялась прямо в лицо Беа.

– Черт, да не умирала она! – заявила Мэри-Джейн. – Она явилась ко мне во сне и сказала: «Мэри-Джейн, приди и забери меня отсюда! Я хочу домой». После чего я еду в Наполеонвилль, и вам приходится сказать мне, где тот приют.

Специально для Майкла Мэри-Джейн рассказала всю историю, и выражение изумления, появившееся на его лице, было неожиданно комичным.

– А почему же Долли-Джин прямо в твоём сне не объяснила, где тот приют? – спросила Мона.

Беатрис одарила ее неодобрительным взглядом.

– Да, не сказала, это факт. И хороший вопрос. У меня на этот счет целая теория... насчет видений... и почему они такие неопределенные... Ну, ты понимаешь.

– Все понимают, – усмехнулась Мона.

– Мона, придержи язык! – одернул ее Майкл.

«Как будто я теперь его дочь, – негодуяще подумала Мона. – А сам все так же тарашится на Мэри-Джейн. Впрочем, он произнес эти слова нежно».

– Милая, так что же дальше? – спросил Майкл.

– Ну, она ведь старая, – продолжила Мэри-Джейн, – и не всегда понимает, где находится, это уж точно, но она отлично знала, откуда она! Вот так и случилось. Я напрямик отправилась в тот приют для стариков, и там – бах! – прямо в их комнате для отдыха, или как это называется, сидит она и после всех этих лет спрашивает: «Где ты пропадала, Мэри-Джейн? Забери меня домой, chère, я устала ждать!»

Они похоронили какую-то постороннюю старушку из приюта.

Настоящая бабушка, Долли-Джин Мэйфейр, была живехонька, и она каждый месяц получала чеки пособия для неимущих, только никогда не смотрела, что на них написано, и не знала, что там стоит другое имя. Состоялось великое судилище королевской инквизиции, чтобы доказать, что она жива, а потом бабушка Мэйфейр и Мэри-Джейн Мэйфейр вернулись в развалины дома на плантации, и целая толпа Мэйфейров помчалась туда, чтобы снабдить их всем самым необходимым, а Мэри-Джейн стояла перед домом, стреляла из пистолета по пластиковым бутылкам и твердила, что у них все в порядке и они могут сами о себе позаботиться, что у них есть кое-какие деньги, которые она заработала по пути, и она предпочитает делать все по-своему, так что большое всем спасибо.

– И они оставили старую леди с тобой в том затопленном доме? – с невинным видом спросил Майкл.

– Милый, после того, что они с ней сотворили, выгнав в приют, да еще и перепутав с какой-то другой женщиной, и написали ее имя на склепе и так далее, – какого черта они могли мне сказать насчет того, что она решила жить со мной? А кузен Райен? Кузен Райен из «Мэйфейр и Мэйфейр»? Знаешь, да? Он сюда приехал и буквально разнес этот город в клочья!

– Да, – улыбнулся Майкл. – Не сомневаюсь, он так и поступил.

– Мы все были в этом виноваты, – сказала Селия. – Нам не следовало терять из вида людей.

– Ты уверена, что выросла не на Миссисипи или даже в Техасе? – спросила Мона. – Ты говоришь как амальгама всех южан.

– Что такое амальгама? Вот видишь, в этом твое преимущество. Ты образованна. А я занимаюсь самообразованием. Между нами целая пропасть. Есть слова, которые я не решаюсь даже произносить, и я не умею читать транскрипцию в словарях.

– Ты хочешь ходить в школу, Мэри-Джейн?

Майкл проявлял все больший интерес к гостю. Его опьяняюще невинные голубые глаза оглядывали Мэри-Джейн с головы до ног каждые четыре с половиной секунды. Он был слишком умен, чтобы сосредоточивать взгляд на груди и бедрах девчушки или даже на ее маленькой круглой голове – не то чтобы слишком маленькой, просто очень изящной. Именно такой была Мэри-Джейн: невежественной, безумной, блестящей, неаккуратной и при этом изящной.

– Да, сэр, хочу, – ответила она. – Когда разбогатею, я возьму себе частного учителя, как у Моны сейчас, ну, вам понятно, какого-нибудь по-настоящему умного парня, который знает названия всех встречающихся на пути деревьев, и кто был президентом через десять лет после Гражданской войны, и сколько индейцев участвовало в битве у Бегущего Быка, и что такое теория относительности Эйнштейна.

– Сколько тебе лет? – спросил Майкл.

– Девятнадцать с половиной, старина, – сообщила Мэри-Джейн, прикусывая сверкающими белыми зубами нижнюю губу, приподнимая одну бровь и подмигивая.

– А эта история с твоей бабушкой... Ты это серьезно? Все так и было? Ты ее забрала и...

– Милый, все это действительно было, – подтвердила Селия. – Именно так, как говорит эта девушка. Думаю, нам следует вернуться в дом. Мне кажется, мы расстраиваем Роуан.

– Не знаю, – ответил Майкл. – Может, она слушает. Я не хочу ее трогать. Мэри-Джейн, а ты в состоянии самостоятельно заботиться о старой леди?

Беатрис и Селия мгновенно встревожились. Будь Гиффорд все еще жива, Мона тоже встревожилась бы. «Оставить старую женщину в таком месте!» – это в последнее время частенько повторяла Селия.

Но ведь они обещали Гиффорд, что позаботятся о ней, разве не так? Мона это помнила. Гиффорд постоянно тревожилась о родственниках, ближних и дальних.

– Мы съездим ее навестить, проверим, как она там, – сказала Селия.

– Да, сэр, мистер Карри, так все и случилось, и я забрала бабушку к себе домой, и можете себе представить, спальное место на верхней веранде сохранилось точно таким, каким мы его оставили. Представляете, после тринадцати лет радио осталось на том же месте, и москитная сетка, и холодильник!

– На болотах? – удивилась Мона. – Невероятно!

– Да-да, милая, так и есть.

– Все правда, – мрачно подтвердила Беатрис. – Мы, конечно, купили для них новое постельное белье, много новых вещей. Мы хотели поселить их в гостинице, или в одном из домов, или...

– Да уж, – кивнула Селия. – Боюсь, эта история едва не попала в газеты. Милая, а сейчас твоя бабушка там совершенно одна?

– Нет, мэм, она с Бенджи. Бенджи из трапперов, так он живет... Ну, это действительно безумные люди, понимаете? Они живут в хижинах, построенных из консервных жестянок, а окна у них из всяких осколков, а то и из картона. Я ему плачу сущие крохи за то, что он присматривает за бабулей и отвечает на звонки телефонов, но не делаю никаких налоговых вычетов.

– И что? – возразила Мона. – Он же независимый подрядчик.

– Ты действительно умна, – заметила Мэри-Джейн. – Думаешь, я этого не знаю? Этот Бенджи, будь он благословен, уже знает, как сделать легкие деньги здесь, во Французском квартале, понимаешь? Но ему доступна только мелкая торговля.

– О боже, – вздохнула Селия.

Майкл засмеялся:

– А сколько лет этому Бенджи?

– В сентябре будет двенадцать, – ответила Мэри-Джейн. – С ним все в порядке. Его великая мечта – стать наркоторговцем в Нью-Йорке, а моя великая мечта – отправить его в Луизиану, в университет Тулейна, чтобы он стал врачом.

– Но что ты имела в виду, когда говорила о телефонах? – спросила Мона. – Сколько их у тебя? И на что они тебе там?

– Ну, мне приходится тратить сколько-то денег на телефоны, это абсолютно необходимо. Я звоню своему брокеру. А кому же еще? И есть вторая линия, чтобы бабуля могла разговаривать с моей матерью. Ты ведь знаешь, моя мать никогда не выйдет из той больницы в Мексике.

– Что еще за больница в Мексике? – в полном недоумении спросила Беа. – Мэри-Джейн, ты всего две недели назад рассказывала мне, как твоя мать умерла в Калифорнии!

– Видите ли, я просто старалась быть тактичной и никого не расстраивать.

– Но как же насчет тех похорон? – спросил Майкл, подходя ближе, скорее всего для того, чтобы бросить мимолетный взгляд в вырез обтягивающей блузки Мэри-Джейн. – Та старая леди... Кого они там похоронили?

– Милый, это и есть самое неприятное. Пожалуй, этого никто никогда не узнает, – сказала Мэри-Джейн. – Да не беспокойтесь вы о моей матушке, тетя Беа, она уверена, что находится в астрале. И насколько я знаю, она вполне может там находиться. К тому же у нее отказывают почки.

– Насчет похороненной женщины дело обстоит не совсем так, – сказала Селия. – Полагают, что это...

– Полагают? – повторил Майкл.

«А может быть, большая грудь означает силу?» – думала Мона, наблюдая за тем, как девушка, согнувшись едва ли не пополам, хохочет, показывая на Майкла.

– Послушайте, но это же действительно очень печально, та женщина в чужой могиле, – вмешалась Беатрис. – Но, Мэри-Джейн, ты все равно должна мне сказать, как связаться с твоей матерью.

– Эй, у тебя нет шестого пальца, – заметила Мона.

– Точно, теперь нет, – согласилась Мэри-Джейн. – Матушка нашла в Лос-Анджелесе какого-то доктора, и тот все отстриг. Это я и собиралась тебе сказать. Они проделали то же самое и с...

– Хватит этих разговоров, в самом-то деле! – перебила ее Селия. – Я беспокоюсь за Роуан!

– Ох, я не знала... – смутилась Мэри-Джейн. – Я имею в виду...

– То же самое с кем? – спросила Мона.

– Вот и еще одно: когда нужно говорить «с кем» вместо «кто» или «кого»?

– Не думаю, что ты дошла уже до этого уровня, – откликнулась Мона. – Есть множество базовых вещей...

– Хватит, леди и джентльмены! – заявила Беа. – Мэри-Джейн, я собираюсь позвонить твоей матери.

– Ты об этом пожалеешь, тетя Беа. Ты знаешь, что за доктор отчищал мне шестой палец в Лос-Анджелесе? Это был колдун вуду с Гаити, и он это проделал на собственном кухонном столе.

– Но разве они не могут выкопать ту женщину и покончить со всем раз и навсегда, выяснив, кем она была? – спросил Майкл.

– Вообще-то, у них были серьезные подозрения, но... – начала было Селия и тут же умолкла.

– Насчет чего? – спросил Майкл.

– Все дело в чеках социального пособия, – сообщила Беатрис. – Только это не наше дело. Майкл, пожалуйста, забудь ты о той покойнице!

Как Роуан могла не обращать внимания на это обсуждение? И Майкл туда же! Уже называет Мэри-Джейн по имени и только что ложкой ее не ест! Если даже это не задевает Роуан, то ей и торнадо нипочем.

– Что ж, Майкл Карри, выяснилось, что перед тем, как та бедняжка умерла, в приюте ее некоторое время называли Долли-Джин. Похоже, там вообще ни у кого не было хоть капельки рассудка. Думаю, однажды они случайно уложили бабулю в чужую постель, и дальше началась путаница. А когда та старушка умерла в постели бабушки, несчастную старенькую незнакомку похоронили в могиле Мэйфейров!

При этих словах Мэри-Джейн буквально обожгла взглядом Роуан.

– Она слушает! – закричала девушка. – Да, Богом клянусь, она слушает! Слушает!

Но даже если она и была права, никто другой этого не заметил и не ощутил. Когда все взгляды обратились к Роуан, она оставалась все такой же безразличной. Майкл вспыхнул, как будто его ранил взрыв девушки. А Селия мрачно и с сомнением всмотрелась в Роуан.

– Да с ней вообще ничего не случилось, – заявила Мэри-Джейн. – Она давным-давно в порядке. Просто люди вроде нее говорят только тогда, когда им этого хочется. Я тоже могу так.

«Почему бы тебе не начать прямо сейчас?» – чуть не спросила Мона.

По правде говоря, ей хотелось верить, что Мэри-Джейн права. В конце концов, эта девушка действительно могла быть сильной ведьмой, решила Мона. А если и не была, то могла стать.

– А о бабуле можете вообще не беспокоиться, – заявила Мэри-Джейн, как будто завершая тему. Она улыбнулась и хлопнула себя по обнаженному загорелому бедру. – Давайте-ка я вам кое-что скажу. Это может повернуть все к лучшему.

– Бог ты мой, как же это? – удивилась Беа.

– Понимаете, говорили, что в том доме она мало с кем общалась, лишь как будто говорила сама с собой и вела себя так, будто вокруг никого не было. Только она отлично знает, кто она такая, ясно? Она разговаривает со мной, смотрит мыльные оперы и никогда не пропускает «Риск» или «Колесо Фортуны». Я думаю, все дело было в потрясении, ну и в остальном тоже, а то, что она вернулась в Фонтевро и нашла там всякие вещи на чердаке... Вы знаете, что она может сама забираться на чердак? Послушайте, с ней все в порядке, и не беспокойтесь вы о ней. Я покупаю ей сыр и галеты, и мы вместе смотрим ночные шоу по западным каналам, ей они тоже нравятся, ну, знаете, «Разбитое сердце» и такое всякое. Да она и песенки из этих программ поет! Так что не забивайте себе голову. Она потрясающая!

– Но, дорогая, на самом деле...

Моне минут на пять даже как будто понравилась Мэри-Джейн, ведь она так заботится о старой женщине и отвоевывает у жизни каждый день, не боясь даже удара током.

Мона обошла вместе с Мэри-Джейн дом и наблюдала, как та запрыгнула в свой старенький пикап, из пассажирского сиденья которого торчали пружины, а потом грузовичок с ревом умчался в облаке голубых выхлопных газов.

– Мы обязаны позаботиться о ней, – заявила Беа. – Мы должны как можно скорее собраться все вместе и обсудить ситуацию Мэри-Джейн.

Мона мысленно полностью согласилась с этим: «Ситуация Мэри-Джейн» – отличный ярлык и отличная тема.

И хотя эта девушка пока что не продемонстрировала явно какую-либо заметную силу, в ней было нечто волнующее.

Мэри-Джейн была храброй, и Мону чрезвычайно привлекала идея пролить на эту девушку дождь денег и привилегий Мэйфейров и попытаться изменить ее к лучшему. Почему бы ей не переехать сюда и не начать заниматься с тем учителем, который собирался навсегда освободить Мону от школьной скуки? Беатрис все еще размышляла о том, что надо бы купить какую-нибудь одежду для Мэри-Джейн, пока та не уехала из города. Можно не сомневаться, Беа непременно соберет для нее кучу пусть не новых, но вполне приличных вещей.

Была и еще одна маленькая тайная причина симпатии Моны к Мэри-Джейн: небольшая соломенная ковбойская шляпа. Мэри-Джейн появилась в ней в доме, потом скинула на спину и вновь надела, когда села за руль своего грузовичка.

Ковбойская шляпа... Мона всегда мечтала носить ковбойскую шляпу, особенно когда станет по-настоящему богатой и будет летать по миру на собственном самолете... Она воображала себя важной особой в ковбойской шляпе, входящей на фабрики и в банки, и... А у Мэри-Джейн Мэйфейр уже была ковбойская шляпа. С косичками на макушке, в узкой короткой хлопчатобумажной юбке девушка тем не менее производила впечатление цельной натуры, вопреки всему обладавшей весьма привлекательным собственным стилем. Даже ее ободранные и обломанные фиолетовые ногти были частью этого стиля, придавая Мэри-Джейн особую земную соблазнительность.

Что ж, это ведь нетрудно будет проверить.

– А ее глаза, Мона! – сказала Беатрис, когда они шли обратно в сад. – Это дитя просто восхитительно! Ты хоть посмотрела на нее как следует? Не понимаю, как я могла... А ее мать, ее мать... Ох, эта девочка всегда была безумной, и не следовало позволять ей сбежать

с младенцем! Но между нами и Мэйфейрами из Фонтевро была такая вражда...

– Ты не можешь заботиться обо всех, Беа, – постаралась успокоить ее Мона. – Не больше, чем это делала Гиффорд.

Конечно, они займутся этим. Если не смогут Селия и Беатрис, что ж, задачу возьмет на себя Мона. В этот день Мона неожиданно ощутила себя частью команды и не собиралась допускать, чтобы мечты той девушки остались неосуществленными, по крайней мере пока дыхание не покинет ее собственное тринадцатилетнее тело.

– По-своему она очень мила, – признала Селия.

– Да, и еще этот пластырь у нее на коленке, – пробормотал себе под нос Майкл, явно сам того не заметив. – Что за девушка! Я верю тому, что она сказала о Роуан.

– Я тоже, – кивнула Беатрис. – Только...

– Только что? – безнадежным тоном спросил Майкл.

– Только вдруг она никогда больше не пожелает говорить?

– Беатрис, как тебе не стыдно! – воскликнула Селия, бросая на Майкла многозначительный взгляд.

– Пластырь на коленке кажется тебе сексуальным, Майкл? – спросила Мона.

– Ну-у... э-э-э... вообще-то да. Боюсь, в этой девушке все сексуально. Только мне-то какое дело?

Он как будто говорил искренне и выглядел по-настоящему измученным. Ему хотелось снова быть с Роуан. Хотелось сидеть с ней рядом и читать какую-нибудь книгу, как бывало прежде.

Мона могла бы поклясться, что какое-то время после того дня Роуан выглядела по-другому: ее взгляд иногда становился внимательным, глаза как будто раскрывались шире, словно она задавала себе какой-то вопрос. Может быть, болтовня Мэри-Джейн пошла на пользу Роуан? Может быть, следует попросить Мэри-Джейн вернуться? А может, она вернется сама? Мона призналась себе, что очень на это надеется. Может, имеет смысл попросить нового водителя завести чудовищно длинный лимузин, набить кожаные карманы внутри льдом и напитками и поехать напрямик к тому затопленному дому?.. Ведь это можно сделать, имея собственную машину. Черт! Мона еще не привыкла ко всему этому.

Два или три дня Роуан выглядела лучше, хмурилась все меньше и меньше, но это было всего лишь выражение лица.

Но теперь... В этот тихий, одинокий, жаркий день...

Мона думала, что Роуан заснула. Даже жара ее не беспокоила. От духоты на ее лбу выступили капли пота, а Селии не было рядом, чтобы мужественно промокнуть их. Сама Роуан и не думала пошевелиться, чтобы отереть лоб.

– Пожалуйста, Роуан, поговори с нами! – Голос Моны звучал почти по-детски. – Я не хочу быть потенциальной наследницей! Я не хочу стать наследницей, если ты это не одобришь. – Мона оперлась на локоть, рыжие волосы создали нечто вроде завесы между ней и железной калиткой, ведущей в передний сад. Так возникало ощущение некоторой уединенности. – Ну же, Роуан! Ты же знаешь, что сказала Мэри-Джейн Мэйфейр. Ты все понимаешь! Вернись к нам! Мэри-Джейн говорила, что ты можешь нас слышать.

Мона подняла руку, чтобы поправить ленту в волосах. Но ленты не было. Мона перестала связывать ею волосы после смерти матери. Теперь она носила заколку, украшенную жемчугом, и та стягивала волосы слишком туго. Пошла она к черту. Мона растегнула ее, и волосы рассыпались.

– Послушай, Роуан, если ты хочешь, чтобы я ушла, подай знак. Сделай что-нибудь необычное. И я тут же исчезну.

Роуан продолжала смотреть на кирпичную стену – не то на вечнозеленую вербену, безобразно разросшуюся вдоль стены и сплошь покрытую маленькими коричневыми и оранжевыми цветками, не то просто на кирпичи.

Мона тяжело вздохнула, хотя это выглядело невежливо и демонстрировало ее недовольство. Но она ведь испробовала уже все, только что не орала в гнев. А может быть, как раз это и следовало сделать?

«Вот только я не могу», – уныло подумала Мона.

Она встала, подошла к стене, оторвала два побега вербены и, вернувшись обратно, положила их перед Роуан, словно делала подношение некоей богине, сидевшей под дубом и слушавшей людские молитвы.

– Я тебя люблю, Роуан, – сказала Мона. – Ты мне нужна.

На мгновение взгляд Моны затуманился. Раскаленную зелень сада словно накрыло огромной вуалью. У Моны слегка загудело в голове, и она почувствовала, как сжалось горло, а потом эта волна – некое мрачное осознание всего ужасного – отступила.

Сидевшая перед Моной женщина была ранена, возможно смертельно. А она, Мона, стала наследницей, способной уже выносить ребенка, и действительно должна была постараться его родить, чтобы было кому передать огромное состояние Мэйфейров. А эта женщина... Что она могла теперь делать? Она уже почти наверняка не способна быть врачом. Похоже, никто и ничто ее не интересует.

Внезапно Мона почувствовала себя неловкой, нелюбимой и никому не нужной, как было всю ее жизнь. Ей следовало уйти отсюда. Это же просто стыд, что она так много дней стояла здесь, моля о прощении за то, что однажды воспылала похотью к Майклу, за то, что молода, богата и способна однажды родить ребенка, за то, что выжила, после того как обе ее матери, Алисия и тетя Гиффорд, две женщины, которых она любила и ненавидела и в которых нуждалась, умерли.

Эгоистка! Черт побери!..

– Я, вообще-то, не всерьез это, с Майклом, – сказала она вслух, обращаясь к Роуан. – И больше такого не повторится.

Никаких перемен. Взгляд серых глаз Роуан был сосредоточен и ясен. Руки свободно лежали на коленях. Тонкое, скромное обручальное кольцо делало их похожими на руки монахини.

Моне хотелось коснуться этих рук, но она не осмеливалась. Одно дело болтать без передышки полчаса подряд и совсем другое – прикоснуться к Роуан. Мона не могла вынудить себя к физическому контакту. Она не решалась даже приподнять руку Роуан и вложить в нее вербену. Такой жест казался слишком интимным.

– Ну, я ведь к тебе не прикасаюсь, сама знаешь. Я не беру тебя за руку, не пытаюсь что-то ощутить или узнать по ней. Я к тебе не прикасаюсь, не целую тебя, потому что если бы я оказалась на твоём месте, думаю, мне было бы противно, если бы какая-нибудь веснушчатая рыжая особа болталась рядом и проделывала со мной такое.

Рыжие волосы, веснушки – что можно было со всем этим поделаться, кроме как сказать: «Да, я переспала с твоим мужем, но ты самая загадочная, самая могущественная женщина, та единственная женщина, которую он любит и всегда любил. А я для него ничто. Я просто малышка, заманившая его в постель. И я не была в ту ночь так осторожна, как мне следовало

быть. Вообще-то, совсем не была осторожна. Но ты не беспокойся, мне никогда не стать той, кого называют „постоянной“. Он смотрел на меня так же, как потом смотрел на ту малышку, Мэри-Джейн. Похоть, простая похоть, вот и все. Похоть, и ничего другого. А мои месячные придут в конце концов, как это всегда бывает. И мой доктор прочитает мне очередную лекцию».

Мона положила веточки вербены на стол рядом с фарфоровой чашкой и пошла прочь.

И в первый раз, глянув на облака, плывшие над трубами большого дома, она заметила, как хорош день.

Майкл в кухне выжимал соки – «стряпал смесь», как он это называл. Он смешивал сок папайи, кокосовое молоко, сок грейпфрута, апельсиновый... Перед ним валялись какие-то очистки и кожа.

Моне пришло в голову, что Майкл с каждым днем выглядит все здоровее и привлекательнее. Он тренировался. И врачи его в этом поощряли. С того момента, как Роуан очнулась и поднялась с постели, он, должно быть, прибавил добрых пятнадцать фунтов.

– Ей это нравится, – сообщил Майкл таким тоном, как будто они постоянно обсуждали достоинства его смеси. – Знаю, что нравится. Беа что-то говорила насчет того, что получится слишком кисло. Но непохоже, чтобы ей это казалось кислым. – Майкл пожал плечами. – Впрочем, не знаю.

– Мне кажется, – сказала Мона, – что она перестала разговаривать из-за меня.

Мона пристально смотрела на Майкла, а потом к ее глазам подступили слезы, глупые и пугающие. Мона не хотела срывать, не хотела чего-то требовать или что-то демонстрировать. Но она была несчастна. Какого черта она хотела от Роуан? Она ведь ее почти не знала. Ей как будто необходим был материнский совет относительно наследования – от той, которая утратила возможность продолжить род.

– Нет, милая, – откликнулся Майкл с мягчайшей, самой утешающей улыбкой.

– Майкл, это потому, что я ей рассказала о нас, – настаивала Мона. – Я, вообще-то, не собиралась... Это было в самое первое утро, когда я с ней разговаривала. И все это время я боялась тебе об этом сказать. Я думала, она просто молча слушает. Я не... А она после этого вообще ни слова не сказала, Майкл. Это правда, да? Это после того, как я приходила.

– Милая ягодка, да перестань ты себя мучить! – ответил Майкл, вытирая с кухонной стойки какую-то липкую дрянь. Он был терпелив и старался ее успокоить, но он уже устал от всего этого, и Моне стало стыдно. – Она замолчала еще накануне, Мона. Я же тебе рассказывал. Наберись терпения. – Он снова улыбнулся Моне, как бы чуть насмехаясь над собой. – В тот момент я и не сообразил, что она не желает говорить. – Он снова помешал смесь соков. – Ну, теперь предстоит принять важное решение: добавлять яйцо или нет?

– Яйцо?! Ты не можешь положить яйцо во фруктовый сок!

– Еще как могу. Милая, ты никогда не бывала в Южной Калифорнии? Это первостепенная смесь для здоровья. А она нуждается в белках. Но сырое яйцо может заразить сальмонеллой. Вечная проблема. Наша семья вообще раскололась именно из-за сырых яиц. Мне нужно было в прошлое воскресенье спросить Мэри-Джейн, что она думает по этому поводу.

– Мэри-Джейн! – Мона покачала головой. – Проклятое семейство.

– Ничего об этом не знаю, – сказал Майкл. – Беатрис думает, что сырые яйца опасны, и у нее есть к тому основания. С другой стороны, когда я учился в колледже и играл

в футбол, то каждое утро взбивал сырое яйцо с молоком. Но Селия говорит...

– Боже меня сохрани! – воскликнула Мона, в точности копируя Селию. – Но что Селия знает о сырых яйцах?

Ее уже тошнило от семейных обсуждений того, что нравится и что не нравится Роуан, и от анализов крови Роуан, и от разговоров о цвете ее лица. Если бы ее вовлекли в такое бессмысленное, бесполезное и утомительное обсуждение, она бы заорала и сбежала.

Может быть, она просто слишком устала с того дня, когда ей сообщили, что она стала наследницей... и слишком многие давали ей советы или разговаривали с ней так, как будто это она стала калекой. Мона даже в шутку записала в компьютере заглавными буквами:

«ДЕВОЧКУ УДАРИЛО ПО ГОЛОВЕ МЕШКОМ ДЕНЕГ, ИЛИ БЕСПРИЗОРНЫЙ РЕБЕНОК УНАСЛЕДОВАЛ МИЛЛИАРДЫ. ЮРИСТЫ ЧУМЕЮТ!»

«О нет, ты теперь не должна писать таких слов, как „чумеют“!»

Мона вдруг почувствовала себя ужасно, и слезы полились из ее глаз, как у маленького ребенка, а плечи начали вздрагивать.

– Послушай, детка, говорю же, она замолчала еще накануне, – повторил Майкл. – Могу передать тебе ее последние слова. Мы сидели вон там, у стола. Она пила кофе. И сказала, что умирает от желания выпить чашку новоорлеанского кофе. Я приготовил ей целый кофейник. Прошло примерно двадцать два часа, после того как она очнулась, и она еще не спала ни минуты. Может, в том-то и дело. Мы продолжали разговаривать. Ей необходимо было отдохнуть. Она сказала: «Майкл, мне хочется выйти на улицу. Нет, Майкл, погоди. Мне хочется немножко побыть одной».

– Ты уверен, что это последнее, что она сказала?

– Абсолютно. Я хотел всем позвонить, сообщить, что с ней все в порядке. Может быть, я ее напугал? Ведь именно я это предложил. А после того как я проводил ее на улицу, она не сказала больше ни слова. Так и молчит с тех пор.

Он взял что-то со стола. Это оказалось сырое яйцо. Майкл резко стукнул им о край пластиковой чаши блендера и разделил скорлупу пополам, высвобождая липкие белок и желток.

– Не думаю, что ты ее вообще расстроила, Мона. Я очень в этом сомневаюсь. Но лучше бы ты ей об этом не рассказывала. Если хочешь знать, я бы и сам мог с этим справиться – рассказать ей, что изнасиловал ее несовершеннолетнюю кузину прямо на кушетке в гостиной... – Он пожал плечами. – Женщины так поступают, сама знаешь. А потом говорят совсем другое. – Он укоряюще глянул на Мону, и в его глазах блеснуло солнце. – А потом еще и рассказывают, хотя мужчины предпочитают помалкивать. Но суть в том, что она, скорее всего, тебя не слышала. Не думаю... Ей просто плевать.

Майкл замолчал.

В блендере пенилось нечто противное на вид.

– Мне очень жаль, Майкл.

– Милая, не надо...

– Нет, понимаешь, я-то в порядке. Она не в порядке. А я в порядке. Ты хочешь, чтобы я ей отнесла эту гадость? Но это ведь жуть, Майкл, настоящая жуть! Выглядит тошнотворно.

Майкл посмотрел на пену невообразимого цвета.

– Надо еще раз взбить, – решил он.

Он вернул на место резиновую крышку блендера и нажал кнопку. Послышался неприятный звук вращавшегося винта, жидкость в чаше подпрыгнула.

Может, лучше было бы и не знать о яйце.

– Да, и я на этот раз добавил побольше сока брокколи, – сообщил Майкл.

– Боже!.. Не удивлюсь, если она не станет это пить. Сок брокколи! Ты что, пытаешься ее убить?

– О, она выпьет! Она всегда пьет. Пьет все, что я перед ней ставлю. А я стараюсь положить туда побольше полезного. А теперь я вот что тебе скажу. Если она не слушала твою исповедь, то, как мне кажется, потому, что для нее это не было сюрпризом. Все время, пока Роуан лежала в коме, она все слышала. Она сама мне сказала. Она слышала, что говорили люди, когда меня не было рядом. Конечно, никто из них не знал о нас с тобой и о нашем... Ну ты понимаешь... О нашем маленьком преступлении.

– Майкл, бога ради, если в этом штате связь с несовершеннолетней – преступление, ты должен посоветоваться об этом с юристами. Возраст секса по согласию между родственниками, возможно, лет десять, а если хорошенько порыться в книгах, то может оказаться, что для Мэйфейров это и вовсе восемь лет.

– Милая, не обманывай себя. – Майкл с очевидным неодобрением покачал головой. – Но я-то хотел сказать, что она слышала все, что мы говорили друг другу, сидя возле ее постели. А мы говорили о ведьмах, Мона.

Майкл вдруг задумался, глядя прямо перед собой. Он почти полностью погрузился в себя и казался при этом невероятно привлекательным, образцом мужской красоты и чувственности.

– Знаешь, Мона, не важно, кто и что говорил. – Он наконец посмотрел на Мону. Теперь он был печален, и то, что мужчина его возраста стал таким грустным, вдруг испугало ее. – Мона, дело во всем том, что с ней произошло. Это было... возможно, то последнее событие...

Мона кивнула. Она снова представила себе эту картину такой, какой вкратце описал ее Майкл: пистолет, выстрел, падающее тело... Страшная тайна молока.

– Ты ведь никому не рассказывала? – шепотом спросил Майкл.

«Не дай бог мне сделать это», – подумала Мона. Майкл смотрел на нее так, что она готова была умереть в этот момент.

– Нет, и никогда не расскажу. Я знаю, когда можно болтать, а когда нет, но...

Майкл покачал головой:

– Она даже не позволила мне коснуться тела. Настояла на том, что сама отнесет его вниз. А она ведь едва на ногах стояла. Сколько ни проживу, никогда этого не забуду, никогда. И все остальное тоже... Ох, не знаю... Я мог бы отнестись ко всему как к должному, но вид матери, которая тащит тело дочери...

– Ты именно так об этом думаешь? Что это была ее дочь?

Майкл не ответил. Он просто смотрел в никуда, и постепенно выражение боли и тревоги исчезло с его лица, он на секунду прикусил губу, а потом едва заметно улыбнулся.

– Никогда ни с кем об этом не говори, – прошептал он. – Никогда, никогда, никогда. Не нужно кому-то знать. Но однажды, может быть, она сама захочет поговорить об этом. Может быть, именно это больше, чем что-то другое, заставило ее замолчать.

– Да не беспокойся ты из-за меня, – сказала Мона. – Я не ребенок, Майкл.

– Знаю, милая, поверь мне, знаю, – откликнулся Майкл с мягким юмором.

Он снова куда-то удалился, забыв о Моне, забыв обо всех и об огромном стакане гадкой смеси, и смотрел куда-то вдаль. Секунду-другую он выглядел так, словно отказался от всех

надежд, как будто впал в полное отчаяние, и никому до него не достучаться, даже Роуан.

– Майкл, бога ради, с ней все будет в порядке! Если дело в этом, она оправится.

Майкл откликнулся далеко не сразу, невнятно пробормотав:

– Она сидит на том самом месте, не прямо на могиле, но рядом с ней.

Его голос прозвучал низко и хрипло.

Он едва не плакал, а Мона ничего не могла с этим поделать. Ей всем сердцем хотелось подойти к нему, обнять... Но это было бы ради нее самой, не ради него.

Она вдруг заметила, что Майкл улыбается – конечно, только ради нее – и с философским видом пожимает плечами:

– В твоей жизни будет много хорошего, потому что демоны убиты, а ты унаследуешь Эдем. – Его улыбка стала шире, в ней светилась искренняя доброта. – А мы с ней... Мы все унесем с собой в могилы, все, что мы сделали, или чего не сделали, или что должны были сделать, или не сумели сделать друг для друга.

Майкл вздохнул и, сложив руки, оперся на кухонную стойку. Он смотрел в окно, на солнечный свет, на двор, полный весны и шелестящих листьев.

Похоже было, что он пришел к естественному финалу.

Наконец Майкл выпрямился, взял стакан блендера и отер его старой белой салфеткой.

– Да, и вот это тоже. Быть богатым – это по-настоящему приятно.

– Что?

– Иметь льняные салфетки, – пояснил Майкл. – Всегда, когда тебе понадобится. И льняные носовые платки. У Селии и Беа всегда льняные платки. Мой отец никогда не пользовался бумажными носовыми платками. Хм... Я давно уже об этом не думал.

Он подмигнул Моне. Мона не смогла удержаться от улыбки. Умеет он одурманить... Но кто еще мог бы вот так ей подмигнуть? Да никто.

– От Юрия вестей нет? – спросил Майкл.

– Я бы сразу тебе сказала, – рассеянно ответила Мона.

Ей было больно даже слышать имя Юрия.

– А ты сообщила Эрону, что ничего о нем не знаешь?

– Сто раз. И сегодня утром трижды. Но Эрон тоже ничего не слышал. Он беспокоится, но не собирается возвращаться в Европу, что бы ни случилось. Он доживет свое здесь, рядом с нами. И говорит, что нужно всегда помнить: Юрий невероятно умен, как все эксперты Таламаски.

– А ты думаешь, что-то могло случиться?

– Не знаю, – уныло ответила Мона, – может, он просто забыл обо мне.

Такое было страшно даже предположить. Да и не могло быть ничего такого. Но всегда следует смотреть на вещи трезво. А Юрий был человеком мира.

Майкл уставился в стакан с пеной. Может, у него хватит наконец ума, чтобы понять: пить такое абсолютно невозможно. Но Майкл взял ложку и принялся помешивать свое изобретение.

– Знаешь, Майкл, ее ведь может вывести из транса потрясение, – предположила Мона. – Я хочу сказать, когда она будет пить вот это и останется только половина, ты четко перечисли все, что туда запихнул.

Майкл издал свой знаменитый грудной смешок, взял пластиковый стакан и перелил из него жигу в стеклянный, наполнив его до краев.

– Пойдем-ка со мной. Пойдем, сама увидишь.

Мона заколебалась.

– Майкл, я не хочу, чтобы она видела нас вместе, ну, понимаешь, стоящими бок о бок.

– Милая, воспользуйся собственным колдовским даром. Роуан знает, что я ее раб до самой моей смерти.

Выражение его лица снова менялось, хотя и очень медленно. Он смотрел на Мону спокойно, почти холодно. И снова у Моны возникло ощущение, что он все потерял.

– Да, я все потерял, – сказал Майкл, и теперь в его улыбке мелькнуло нечто почти недоброжелательное.

Больше он ничего не добавил. Взял стакан и вышел.

– Давай-ка поговорим с нашей леди, – бросил он через плечо уже из-за двери. – Давай-ка вместе прочитаем ее мысли. Две головы и все такое... Может быть, нам стоит проделать это снова, Мона? На траве, ты и я... Что, если она очнется?

Мона была потрясена. Он что, серьезно? Нет, конечно, вопрос был не в этом. Вопрос был вот в чем: как он вообще мог сказать такое?

Она ничего не ответила, но знала, что он чувствовал. По крайней мере, ей казалось, что знала. На каком-то уровне она понимала, что не может знать это на самом деле, что у мужчины его возраста переживания совсем не такие, как у молодой девушки. Мона знала это вопреки тому, что ей говорили разные люди, более или менее знала. Дело было не в скромности, а в логике.

Она пошла следом за Майклом по каменной дорожке вокруг бассейна, к задней калитке. Джинсы на нем были такие тесные, что у нее сил не было смотреть на них. И естественная походка Майкла тоже была невероятно соблазнительной.

«Да, вот уж мило – думать о сексе! Нельзя!»

И его рубашка поло тоже была не слишком просторной...

Моне безумно нравилось, как двигались спина и плечи Майкла.

«Я просто не могу остановиться».

Лучше бы Майкл не произносил ту горькую шутку. Проделать это на траве! Мону охватило ужасное беспокойство. Мужчины вечно жалуются на то, что вид сексуальных женщин их возбуждает. А сами-то? Мону задевали и слова Майкла, и картины произошедшего. После его слов облегающие джинсы безудержно вторгались в ее ум.

Роуан сидела у стола точно так же, как сидела, когда Мона ушла. Вербена лежала на том же месте, лишь веточки слегка сдвинулись в сторону, как будто ветер осторожно тронул их, а потом оставил в покое.

Роуан слегка хмурилась, словно что-то взвешивая в уме. Теперь это стало хорошим знаком, подумала Мона, но она слишком уж усилит надежды Майкла, если заговорит об этом. Роуан как будто не заметила их прихода. Она просто смотрела на цветы в отдалении, на стену.

Майкл наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. Поставил стакан на стол. Роуан выглядела по-прежнему, разве что ветер чуть растрепал ей волосы. Майкл взял ее правую руку и сжал пальцы вокруг стакана.

– Выпей это, милая, – сказал он.

Марк говорил тем же тоном, каким разговаривал с Моной, душевным и теплым. Милая, милая, милая... Это могло относиться к Моне, Роуан, Мэри-Джейн или, возможно, к любому существу женского пола.

А было ли приемлемым слово «милая» по отношению к тому мертвому существу,

что было похоронено вместе с его отцом? Боже, если бы Моне удалось хоть краешком глаза, на одну драгоценную секунду взглянуть на одного из них! Да, только каждая женщина Мэйфейр, взглянувшая на него в момент его краткого неистовства, заплатила за это жизнью. Кроме Роуан...

Вау! Роуан подняла стакан! Мона с испуганной зачарованностью наблюдала, как Роуан пьет, не сводя глаз с цветов в отдалении. Она моргала, но медленно, естественно, когда глотала, только и всего. И снова нахмурилась. Чуть-чуть. Задумчиво.

Майкл стоял рядом, тоже наблюдая, засунув руки в карманы, а потом сделал нечто удивительное. Он заговорил о Роуан с Моной так, словно Роуан не могла его слышать. Такое случилось впервые.

– Когда доктор с ней говорил, когда он объяснял ей, что она должна пройти некоторые тесты, она просто встала и вышла. Нечто подобное случается на скамейках в парках больших городов. Как будто кто-то садится с ней рядом, слишком близко. И она уходит, чтобы отгородиться, чтобы остаться в одиночестве.

Он забрал у Роуан стакан. Остатки в нем выглядели еще более отвратительно. Однако Роуан, похоже, действительно готова была выпить все, что только Майкл вложит ей в руку.

Ничто не отражалось на ее лице.

– Конечно, я мог бы отвезти ее в госпиталь для исследования. Она могла бы и согласиться. Она делает все, чего я от нее хочу.

– И почему бы тебе так не поступить? – спросила Мона.

– Потому что, встав утром, она надевает ночную сорочку и халат. Я клал рядом с ней одежду. Но она к ней даже не прикасалась. Это намек для меня. Ей хочется оставаться в ночной рубашке и халате. Она хочет быть дома.

Майкл внезапно рассердился. У него покраснели щеки, губы сжались так, что все стало ясно.

– Да все равно тесты ей не помогут, – продолжил он. – Только витамины, вот и все лечение. А тесты могут лишь объяснить нам что-то. Может быть, это вообще не наше дело – знать. А вот этот напиток ей помогает.

Голос Майкла звучал напряженно. Глядя на Роуан, он сердился все сильнее и сильнее. И замолчал.

Вдруг он наклонился, поставил стакан на стол и уперся ладонями в столешницу по обе стороны от него. Он пытался заглянуть Роуан в глаза. Он приблизил свое лицо к ее лицу, но в Роуан ничего не изменилось.

– Роуан, пожалуйста! – прошептал Майкл. – Вернись!

– Майкл, не надо!

– Почему, Мона? Роуан, ты мне так нужна! – Он с силой хлопнул ладонями по столу. Роуан чуть заметно вздрогнула, но все осталось по-прежнему. – Роуан! – закричал Майкл.

Он потянулся к ней, как будто собирался взять ее за плечи и встряхнуть, но не сделал этого.

А потом схватил стакан и ушел.

Мона стояла неподвижно, выжидая, слишком потрясенная, чтобы говорить. Это было так похоже на Майкла! Он, конечно, действовал из добрых побуждений, но получилось грубо, и видеть это было неприятно.

Мона не ушла сразу за Майклом. Она медленно опустилась на стул возле стола, напротив Роуан, на то самое место, где сидела каждый день.

И очень медленно успокоилась. Мона и сама толком не знала, почему сидит здесь, разве что это выглядело правильным. Может быть, она не хотела показаться союзницей Майкла. Чувство вины постоянно терзало ее в эти дни.

Роуан выглядела прекрасно, но только вот не разговаривала. Волосы у нее отросли почти до плеч. Прекрасная и отсутствующая. Ушедшая.

– Знаешь, – начала Мона, – я, наверное, так и буду приходить, пока ты не подашь мне какой-нибудь знак. Понимаю, что это меня не извиняет. Я, будто назойливый комар, вьюсь около потрясенного и безмолвного человека. Но когда ты вот так молчишь, то вроде как заставляешь людей действовать, делать выбор, что-то решать. Я хочу сказать, люди не могут же просто оставить тебя в одиночестве. Это невозможно. Слишком уж нехорошо.

Мона протяжно вздохнула и почувствовала, что наконец расслабилась.

– Я слишком молода, чтобы знать некоторые вещи, – продолжала она. – Не стану утверждать, будто понимаю, что с тобой случилось. Это было бы уж очень глупо. – Мона внимательно посмотрела на Роуан: теперь ее глаза казались зелеными, словно отражали яркую весеннюю лужайку. – Но я... э-э-э... меня беспокоит то, что случается с каждым, ну, почти с каждым. Я кое-что понимаю. И знаю больше, чем кто-либо другой. Кроме, конечно, Майкла или Эрона. Ты помнишь Эрона?

Вопрос был глупый. Конечно, Роуан помнила Эрона, если она вообще что-то помнила.

– Я, собственно, хотела поговорить о том человеке, Юрии. Я тебе о нем рассказывала. Не думаю, что ты его когда-нибудь видела. Даже уверена, что не видела. В общем, он исчез, совсем исчез. Так обстоят дела. Я беспокоюсь, и Эрон тоже беспокоится. Все как будто замерло в мертвой точке. Ты вот так сидишь в саду... Но, по правде говоря, ничто никогда не стоит на месте...

Мона резко умолкла. Она выбрала, пожалуй, наихудший подход. Невозможно вот так говорить, если эта женщина страдала. Мона вздохнула, стараясь взять себя в руки. Поставила локти на стол. Медленно подняла голову. И... Она могла бы поклясться, что Роуан смотрела на нее, и вот только что отвела взгляд...

– Роуан, ничего не кончилось, – прошептала Мона.

И посмотрела в сторону, сквозь кованую решетку, за бассейн, на середину лужайки перед домом. Китайский мирт готовился зацвести. А когда Юрий уезжал, его ветки были совсем голыми.

Они с ним стояли на той лужайке, разговаривая шепотом, и Юрий сказал: «Послушай, Мона, что бы ни случилось в Европе, я вернусь сюда, к тебе».

Роуан *смотрела* на нее! Прямо ей в глаза!

Мона была настолько потрясена, что не могла ни шевельнуться, ни заговорить. Да она и боялась что-либо сделать, боялась, что Роуан сразу отведет взгляд. Моне хотелось верить, что это к добру, что это ратификационная грамота и возвращение. Она добилась внимания Роуан, пусть даже и вела себя как безнадежная дура.

Мона во все глаза смотрела на Роуан, озабоченное выражение лица которой постепенно менялось. И в глазах Роуан вспыхнула отчетливая печаль.

– В чем дело, Роуан? – прошептала Мона.

Роуан издала тихий звук, как будто слегка откашлялась.

– Дело не в Юрии, – шепотом произнесла она.

А потом нахмурилась сильнее, и ее глаза потемнели. Но она не отвела взгляд.

– Что такое, Роуан? – спросила Мона. – Роуан, что ты сказала о Юрии?

Можно было поклясться, что Роуан думает, будто все еще говорит с Моной, не догадываясь, что ни звука не слетает с ее языка.

– Роуан, – снова зашептала Мона. – Скажи мне, Роуан...

Мона резко замолчала. Она внезапно утратила всю храбрость.

Глаза Роуан все еще были сосредоточены на ней. Роуан подняла правую руку и провела пальцами по своим светлым, пепельным волосам. Нормальный, естественный жест, но ее взгляд не был нормальным. Он как будто с чем-то сражался...

Мону отвлек какой-то звук... разговаривали мужчины, Майкл и еще кто-то. А потом раздался резкий, тревожный женский то ли крик, то ли смех. В первую секунду Мона не поняла, чей именно.

Она обернулась и уставилась на ворота за бассейном. К ней спешила тетя Беатрис, почти бежала по выложенному камнем краю бассейна, прижав одну ладонь ко рту, а другую руку вытянув перед собой, как будто боялась упасть лицом вперед. Это именно она плакала, теперь было ясно, что именно плакала. Волосы Беа, обычно уложенные в аккуратный узел на затылке, рассыпались. Шелковое платье было грязным и мокрым.

Майкл и какой-то мужчина в зловещем темном костюме быстро шли за ней, разговаривая на ходу.

Надрывный плач вырывался из груди Беатрис. Каблуки ее туфель проваливались в мягкую землю лужайки, но она не остановилась.

– Беа, что случилось? – Мона вскочила.

И Роуан тоже. Она пристально смотрела на приближавшуюся фигуру. Беатрис неслась по траве, подворачивая лодыжки, но тут же выпрямляясь, и стало ясно, что она стремится именно к Роуан.

– Они все-таки сделали это, Роуан! – задыхаясь, произнесла Беа. – Они его убили! Машина въехала прямо на тротуар... Они его убили! Я это видела собственными глазами!

Мона протянула руки, чтобы поддержать Беатрис, а та внезапно обхватила Мону левой рукой и едва не задушила ее поцелуями, продолжая правой рукой цепляться за Роуан. А Роуан сжала ее руку в своих ладонях.

– Беа, кого они убили? Кого?! – закричала Мона. – Ты ведь не об Эроне говоришь?

– Да! – Беа яростно кивала, и теперь ее голос звучал сухо и чуть слышно. Она продолжала кивать, а Мона и Роуан поддерживали ее с двух сторон. – Эрон! – повторила Беа. – Они его убили! Я видела! Машина запрыгнула на тротуар на Сент-Чарльз-авеню. Я ему говорила, что довезу его оттуда. А он отказался, хотел пройтись. Та машина нарочно на него наехала, я видела! Она его переехала три раза!

Майкл тоже обнял Беа. Она обмякла, словно теряя сознание, и опустилась на землю. Майкл поднял ее и держал, а она, рыдая, уткнулась ему в грудь. Волосы упали ей на глаза, а руки продолжали что-то искать, дрожа, как птицы, не способные взлететь.

Мужчина в зловещей одежде оказался полицейским – Мона увидела пистолет в кобуре, – американцем китайского происхождения с тонким выразительным лицом.

– Мне очень жаль, – произнес он с выраженным новоорлеанским акцентом.

Мона никогда не слышала, чтобы китайцы говорили с таким акцентом.

– Они его убили? – шепотом спросила Мона, переводя взгляд с полисмена на Майкла, который успокаивал Беа, медленно поглаживая ее по голове и целуя в лоб.

За всю свою жизнь Мона ни разу не видела, чтобы Беа вот так плакала, и в одно мгновение ее ошеломили сразу две мысли: должно быть, и Юрий тоже мертв... Эрона

сознательно убили, а это вполне могло означать, что и всем им грозила опасность.

Роуан спокойно заговорила с полицейским, хотя ее голос звучал хрипло и слабо из-за обуревавших ее чувств.

– Я хочу увидеть тело, – сказала Роуан. – Можете отвезти меня к нему? Я врач. Я должна на него взглянуть. Мне нужна только минутка, чтобы одеться.

Было ли сейчас у Майкла время на то, чтобы изумляться, а у Моны – на то, чтобы выражать потрясение? Но ведь все и так было понятно. Мэри-Джейн сказала: «Она слушает. Она заговорит, когда будет готова».

И слава богу, что Роуан не осталась в такой момент молчаливой и безразличной! Слава богу, что она не могла такой остаться. Или не должна была. Что она теперь была с ними.

Не важно, насколько хрупкой она выглядела и как хрипло и неестественно звучал ее голос. Взгляд Роуан был ясным, когда она посмотрела на Мону, не обращая внимания на слова полицейского о том, что, может быть, лучше ей не смотреть на тело, раз уж произошло нечто такое ужасное...

– Майкл сейчас нужен Беа, – сказала Роуан. И сжала запястье Моны. – А мне нужна ты. Поедешь со мной?

– Да, – ответила Мона. – О да.

Он пообещал маленькому человеку, что войдет в отель на несколько мгновений позже.

– Если ты войдешь со мной, – сказал Сэмюэль, – на тебя все обратят внимание.

Не снимай пока темные очки.

Юрий кивнул. Он ничего не имел против того, чтобы еще немножко посидеть в автомобиле, наблюдая за людьми, входившими и выходящими из элегантных дверей отеля «Кларидж». Ничто не могло успокоить его сильнее, с тех пор как он покинул горную долину Доннелейт, чтобы отправиться в Лондон.

Даже долгая поездка с Сэмюэлем на юг, по ночным скоростным трассам, которые могли бы находиться в любой части мира, нервировала его.

Что же касается самой горной долины, шотландского глена, он был жив в его памяти и отвратителен. Как он мог додуматься до того, чтобы отправиться туда в одиночку – поискать самые глубокие корни некоторых знаний Маленького народа и Талтосов? Конечно, он нашел ровно то, что искал. И заодно получил пулю тридцать восьмого калибра в плечо.

Та пуля стала ужасным потрясением. Его никогда прежде не ранили таким вот образом. Но по-настоящему пугающим открытием стал сам Маленький народ.

Юрий откинулся на спинку сиденья «роллс-ройса». Его мучили живые воспоминания: ночь с тяжелыми тучами над головой, бледная луна, сильно заросшая горная тропа и зловещие звуки барабанов и рожков, взлетающие над скалами...

Только увидев тех маленьких мужчин в хороводе, он осознал, что они пели. Только тогда он различил их низкие голоса, ритмично звучащие слова, совершенно ему непонятные.

До того момента Юрий не был уверен, что верит в их существование...

Они двигались по кругу, коротенькие, горбатые, вскидывая маленькие ноги, раскачиваясь назад и вперед, внезапно выкрикивая громче отдельные слоги, и что-то пили из кувшинов, а некоторые – из бутылок. У всех было оружие, висевшее на плече. И они палили в огромную ветреную ночь с яростным весельем дикарей. Их пистолеты стреляли не слишком громко. Скорее, это походило на хлопки ракетниц для фейерверков. И хуже всего был пугающий грохот барабанов и завывание дудок, выводявших унылую мелодию.

Когда пуля ударила его, он подумал, что выстрелил один из них – может быть, страж. Но он ошибся.

Три недели прошло с тех пор, как он покинул ту долину в горах.

И вот – отель «Кларидж». Теперь у него есть шанс позвонить в Новый Орлеан, поговорить с Эроном, поговорить с Моной, объяснить, почему он так долго молчал.

Что же касалось риска пребывания в Лондоне, близости Обители Таламаски и тех, кто пытался его убить, так здесь Юрий чувствовал себя в куда большей безопасности, чем в той долине, перед тем как его догнала пуля.

Пора было подниматься наверх. Посмотреть на Сэмюэля, уже приехавшего загадочного друга, о котором Юрию ничего не было сказано. Пора было сделать то, чего хотел маленький человек, потому что этот маленький человек спас Юрию жизнь, ухаживал за ним. И теперь он желал, чтобы Юрий встретился с его другом, играющим в этой великой драме огромную роль.

Юрий выбрался из машины, и приветливый британский швейцар поспешил ему на помощь.

Плечо сильно болело; боль была острой. Когда только он запомнит, что нельзя пользоваться правой рукой! Безумие какое-то.

Холодный воздух обжег, но лишь на мгновение. Юрий вошел в вестибюль отеля – просторный и теплый – и направился к широкой изгибающейся лестнице справа.

Из расположенного неподалеку бара доносились мягкие звуки струнного квартета. Воздух вокруг был неподвижен. Отель успокоил Юрия, помог ему почувствовать себя в безопасности. И еще он заставил его ощутить себя счастливым.

Каким чудом были все эти вежливые англичане: швейцары, коридорные, добрые джентльмены, спускавшиеся по лестнице... Они как будто и не замечали грязного свитера Юрия или его измазанных черных штанов. Это уж слишком вежливо, решил Юрий.

Он прошел по коридору второго этажа до углового номера, о котором сказал ему маленький человек, и, обнаружив, что дверь открыта, вошел в маленькую прихожую, подошедшую бы уютному дому. Из нее была видна большая гостиная, старомодная, но роскошная, как и говорил маленький человек.

Сам маленький человек стоял на коленях, укладывая дрова в камин. Он снял твидовый пиджак, и белая рубашка туго натянулась на его слабых руках и горбе.

– Сюда, сюда, входи, Юрий! – воскликнул он, даже не обернувшись.

Юрий перешагнул порог гостиной. Тот, другой человек был уже здесь.

И этот человек выглядел не менее странно, чем маленький, только был полной тому противоположностью: шокирующе, хотя и не противоестественно, высокий ростом, белокожий, с длинными темными волосами, свободно падавшими на дорогой черный шерстяной костюм и на матовый воротник дорогой белой рубашки. Галстук у него был темно-красным. Мужчина определенно выглядел романтично. Но что это означало? Юрий не знал. Просто это слово пришло ему на ум. Мужчина не казался атлетом – одним из тех безмозглых гигантов-спортсменов, которых видишь на экране телевизора во время Олимпийских игр или на шумных баскетбольных площадках. Скорее, он выглядел именно романтично.

Юрий без тревоги встретился взглядом с этим человеком. В его экстравагантности не было ничего угрожающего. Гладкое, молодое, почти хорошенькое для мужчины лицо с длинными густыми ресницами и полными, красиво очерченными бесполыми губами... Ничего пугающего. Лишь белые пряди в волосах придавали мужчине властный вид, хотя он явно не старался это подчеркнуть. Большие светло-карие глаза посмотрели на Юрия с любопытством. В целом фигура была впечатляющей. Вот только руки... Кисти казались чуть великоватыми, а пальцы чересчур тонкими, как паучьи лапы.

– Вы тот самый цыган, – произнес мужчина низким приятным голосом, возможно слишком чувственным и совсем не похожим на язвительный баритон карлика.

– Входи же, садись, – нетерпеливо бросил карлик. Он уже зажег огонь и теперь раздувал его маленькими мехами. – Я заказал кое-что перекусить, но хочу, чтобы ты ушел в спальню, когда доставят еду. Не надо, чтобы тебя здесь видели.

– Спасибо, – тихо откликнулся Юрий.

Он вдруг сообразил, что забыл снять темные очки. И комната сразу показалась ему очень светлой, несмотря на обитую темно-зеленым бархатом мебель и старомодные цветастые занавески. Приятная комната, носившая отпечаток живших в ней людей.

«Кларидж». Юрий знал отели по всему миру, но никогда не бывал в «Кларидже». Он вообще никогда не задерживался в Лондоне, разве что посещал Обитель, где теперь

не мог появиться.

– Мой друг сказал, что вас ранили, – заговорил высокий мужчина, подходя к Юрию и глядя на него сверху вниз с такой добротой, что его рост не пробуждал инстинктивного страха.

Паучьи руки поднялись и раздвинулись в стороны, как будто для того, чтобы рассмотреть лицо Юрия, мужчине необходимо было заключить его в раму.

– Все в порядке. Это была пуля, но ваш друг ее извлек. Если бы не он, я был бы уже мертв.

– Так он мне и сказал. А вы знаете, кто я?

– Нет, не знаю.

– Вы знаете, кто такие Талтосы? Так вот, я из них.

Юрий промолчал. Он ожидал такого не больше, чем ожидал обнаружить реальное существование Маленького народа. Слово «Талтос» для него было синонимом имени Лэшера – опасного убийцы, чудовища... Юрий был слишком потрясен, чтобы говорить. Он просто таращился на лицо мужчины: думая, что, если не обращать внимания на руки, тот выглядит как обыкновенный, только очень крупный человек.

– Бога ради, Эш! – вмешался карлик. – Один раз мог бы и соврать.

Он поднялся и отряхнул брюки. Зрелище яростно пылавшего огня казалось прекрасным. Карлик уселся в мягкое бесформенное кресло, выглядевшее очень удобным. Ноги его не доставали до пола.

Прочитать что-то на его покрытом глубокими морщинами лице было невозможно. В самом ли деле он такой сердитый? Складки плоти стирали всякое выражение. Только голос выдавал настроение маленького человека, да изредка ярко вспыхивали глаза. Рыжие волосы вполне соответствовали нетерпеливому характеру карлика. Он барабанил пальцами по обитым тканью подлокотникам кресла.

Юрий подошел к дивану и напряженно сел на самый краешек, отметив, что высокий подошел к камину и смотрит вниз, на огонь. Юрий совсем не собирался невежливо таращиться на это существо.

– Талтос... – произнес он. Голос прозвучал вполне ровно. – Талтос. И зачем вам понадобилось говорить со мной? Почему вы решили помочь мне? Кто вы такой и почему сюда приехали?

– Вы когда-нибудь видели другого Талтоса? – спросил высокий, оборачиваясь к Юрию. Его открытый взгляд мог показаться почти застенчивым, но на самом деле таковым не был.

Этот мужчина мог бы считаться сногсшибательно красивым, если бы не его руки. Суставы на них выглядели как грубые узлы.

– Нет, никогда его не видел, – ответил Юрий.

– Но вы точно знаете, что он умер?

– Да, знаю наверняка, – кивнул Юрий.

Гигант и карлик. Он не собирался смеяться, но это было невероятно смешно. Несмотря на явную аномалию внешности, смотреть на гиганта было приятно, а вот карлик, напротив, производил впечатление злобного и опасного существа. Тем не менее все дело было не более чем в игре природы. Однако это выходило за рамки случайностей, в которые верил Юрий.

– А у того Талтоса была пара? – спросил высокий. – Я имею в виду Талтоса женского пола.

– Нет, его парой была обычная женщина по имени Роуан Мэйфейр. Я рассказывал о ней

вашему другу. Она была и его матерью, и его любовницей. Таких, как она, мы в Таламаске называем ведьмами.

– Ага, – заговорил маленький человек, – и мы бы тоже назвали ее ведьмой. В этой истории вообще много могущественных ведьм, Эшлер. Целый выводок ведьм. Ты должен позволить этому человеку рассказать всю историю.

– Эшлер? Так вас зовут? – спросил Юрий.

Это было настоящим ударом.

За четыре часа до отъезда из Нового Орлеана он выслушал окончание рассказа Эрона о Лэшере, демоне из горной долины. В истории снова и снова повторялось другое имя: святой Эшлер. Святой Эшлер.

– Да, – кивнул высокий. – Но я предпочитаю односложное Эш. Не хочу показаться невежливым, но решительно предпочитаю краткий вариант и часто не отзываюсь на полное имя.

Это было сказано твердо, но любезно.

Карлик засмеялся:

– Я называю его полным именем, когда хочу заставить сосредоточиться и придать ему сил.

Высокий не обратил на его слова внимания. Раздвинув пальцы, он грел руки над огнем – выглядели они нездоровыми.

– Вас мучает боль? – спросил высокий, отворачиваясь от огня.

– Да. Извините, пожалуйста, что я это выказал. Рана в плече, а это такое место, что каждое движение беспокоит. Вы меня простите, если я поудобнее устроюсь на этом диване и постараюсь не двигаться? У меня мысли путаются. Вы мне скажете, кто вы такой?

– По-моему, я уже сказал, – ответил высокий. – Теперь вы рассказывайте. Что с вами случилось?

– Юрий, я же тебе говорил, – вмешался карлик с добродушным нетерпением. – Это мой самый старый и самый доверенный друг во всем мире. Я тебе говорил, что он знает о Таламаске, причем куда больше, чем кто-либо из живущих. Прошу, доверься ему. Расскажи все, что он захочет узнать.

– Я тебе доверяю, – сказал Юрий. – Но с какой целью я должен рассказывать о своих делах или о своих приключениях? Что вы получите от этого знания?

– Мы сумеем тебе помочь, – медленно произнес высокий, мягко качнув головой. – Сэмюэль утверждает, что люди из Таламаски пытаются тебя убить. Мне это трудно принять. Я всегда по-своему любил этот орден, Таламаску. Да, я стараюсь защититься от таких чувств, как и от всего, что может помешать мне на моем пути. Но люди Таламаски редко становились моими врагами... по крайней мере надолго. Кто пытался причинить тебе вред? Ты уверен, что эти злые люди действительно из самого ордена?

– Нет, не уверен, – покачал головой Юрий. – В общем, дело было так... Когда я был мальчишкой-сиротой, Таламаска пригрела меня. Если точно, это был Эрон Лайтнер. Сэмюэль знает этого человека.

– Я тоже, – сказал высокий.

– И всю мою сознательную жизнь я служил ордену, в основном разъезжая по разным местам, частенько выполняя задания, которых сам толком не понимал. Постепенно помимо моей воли клятвы верности ордену свелись к преданности Эрону Лайтнеру. Когда он приехал в Новый Орлеан, чтобы изучить некое семейство ведьм, что-то пошло не так.

Это была семья Мэйфейр. Прежде чем меня лишили доступа к архивам ордена, я читал историю клана в старых записях. Именно от Роуан Мэйфейр и родился тот Талтос.

– А кто или что было его отцом? – спросил высокий.

– Это был человек.

– Смертный человек? Ты в этом уверен?

– Без сомнения. Но были и особые обстоятельства. Много-много поколений этого рода преследовал некий дух – и добрый, и злой. Этот дух овладел младенцем в утробе Роуан Мэйфейр, захватил его и поспособствовал необычному рождению. Тот Талтос появился из женщины взрослым, с душой целиком и полностью овладевшего им духа. В семье называли это существо Лэшером. Я не знаю какого-то другого его имени. А теперь это существо мертво.

Высокий мужчина был откровенно изумлен. Он с сочувствием качнул головой. Потом подошел к ближайшему креслу и сел, вежливо повернувшись лицом к Юрию и скрестив ноги в лодыжках так же, как это сделал Юрий. Он сидел очень прямо, словно никогда не стыдился необычности своего роста.

– От двух ведьм... – прошептал высокий.

– Точно, – кивнул Юрий.

– Ты говоришь – точно? Что это может означать?

– Есть генетические доказательства, их множество. У Таламаски есть все факты. Род ведьм несет в себе необычный набор генов в разных своих линиях. Гены Талтоса, которые при обычных обстоятельствах никогда бы не смогли возникнуть естественным образом и даже с помощью колдовства, соединились в двух линиях. Видимо, так Талтос и появился на свет.

Высокий мужчина улыбнулся. К удивлению Юрия, улыбка, осветившая лицо Эша, придала ему выражение нежности, очарования...

– Ты говоришь так же, как все в Таламаске, – сказал высокий. – Ты говоришь, как какой-нибудь римский священник. Ты говоришь так, словно родился не в эти времена.

– Ничего удивительного, я же учился по их латинским текстам, – ответил Юрий. – И та история, о Лэшере, восходит к шестнадцатому веку. Я все о нем прочитал, а заодно и историю той семьи – о том, как они все увеличивали свое богатство и могущество, и о том, как они втайне поддерживали отношения с тем духом, Лэшером. Я прочел сотни таких документов.

– Вот как?

– Но не историй о Талтосах, если ты об этом, – продолжил Юрий. – Я вообще ничего об этом не слыхал, пока не оказался в Новом Орлеане, пока двое членов ордена не погибли там, пытаюсь освободить того Талтоса, Лэшера, от человека, который его убил. Но я не могу рассказывать эту историю.

– Почему? Я хочу знать, кто его убил.

– Когда я узнаю тебя лучше, когда ты ответишь мне таким же откровенным рассказом о себе.

– А в чем я могу признаться? Я Эшлер. Я Талтос. И прошло уже много веков, с тех пор как я видел хоть кого-то, принадлежащего к моему виду. А ведь были и другие. Я слышал рассказы о них, гонялся за ними и в нескольких случаях почти нашел их... Отметь, я говорю «почти». Но уже многие века я не прикасался к собственной плоти и крови, как любят говорить люди. Ни разу.

– Ты хочешь сказать, что очень стар. Наша жизнь и в сравнение не идет с твоей.

– Да, видимо, так, – согласился Эш. – Я, должно быть, стар. Как видишь, у меня уже появились седые волосы. Но откуда мне знать, насколько я стар, каким может быть мое угасание и сколько времени оно займет по человеческому счету? Когда я счастливо жил среди таких же, как я, то был слишком юн, чтобы выяснять, что мне понадобится для такого долгого одинокого пути. Господь не одарил меня сверхъестественной памятью. Как и все обычные люди, кое-что я помню абсолютно четко, а другие воспоминания полностью стерлись.

– Таламаска о тебе знает? – спросил Юрий. – Это главное, что ты должен мне сказать. Таламаска была делом всей моей жизни.

– Объясни, что от этого изменится?

– Как я уже говорил, Эрон Лайтнер отправился в Новый Орлеан. Эрон – специалист по ведьмам. Мы изучаем ведьм.

– И так понятно, – сказал карлик. – Давай поподробнее.

– Тише, Сэмюэль, следи за своими манерами, – мягко, но серьезно произнес высокий.

– Не будь придурком, Эш, этот цыган уже почти влюбился в тебя!

Талтос был явно рассержен, но тут же покачал головой и сложил руки, как будто знал, как справляться с внезапно вспыхнувшим гневом.

Что до Юрия, он испытал очередное потрясение. Похоже, вся его жизнь теперь состояла из этого – из потрясений и открытий. Он был ошеломлен и задет, ибо понял, что уже испытывает к этому огромному существу теплые чувства, гораздо более теплые, чем к карлику, что было бы намного разумнее.

Юрий отвернулся, испытывая неловкость. Сейчас у него не было времени рассказать полную историю своей жизни – о том, как он подпал под влияние Эрона Лайтнера, и о той силе и власти, которые этот могучий человек частенько применял по отношению к нему. Он хотел сказать, что в этом нет ничего эротического. Но это было эротическим в той же мере, в какой бывает все и всегда.

Талтос холодно смотрел на маленького человека.

Юрий продолжил рассказ:

– Эрон Лайтнер отправился помочь Мэйфейрам в их бесконечной борьбе с Лэшером. Эрон понятия не имел, когда может появиться этот дух и что он собой представляет на самом деле. То, что некая ведьма призвала его в Доннелайте в тысяча шестьсот шестьдесят пятом году – да, это было известно, но больше – ничего. Когда эта тварь обрела плоть и после того как убила не счесть сколько ведьм, – только после этого Эрон Лайтнер увидел духа и услышал от него самого, что он был Талтосом и что некогда, во времена короля Генриха, имел тело и встретил свою смерть в Доннелайте, в горной долине, где и обитал, до тех пор пока та ведьма его не вызвала. Ничего такого не было в архивах Таламаски, известных мне. Прошло едва три недели, с тех пор как то существо было уничтожено. Но такого рода сведения могут содержаться в каких-то тайных бумагах, и кому-то о них известно. Как только в Таламаске узнали, что Лэшер, или как уж там следует его теперь называть, переродился, они принялись охотиться за ним, дабы использовать в собственных целях. Ради достижения цели они, пожалуй, могут спокойно убить несколько человек. Я не знаю. Я знаю только то, что Эрон не участвовал в их планах и чувствовал себя преданным. Потому я и спрашиваю, знают ли они о тебе. Ты представляешь собой часть знаний Таламаски? Если да, то эти знания держатся в глубокой тайне.

– И да и нет. Надеюсь, ты ни словом не солгал. Я прав?

– Эш, постарайся не говорить загадками, – проворчал карлик.

Он тоже откинулся назад, полностью вытянув свои короткие толстые ножки, и переплел пальцы на животе, на твидовом жилете. Ворот его рубашки был расстегнут. В глазах под тяжелыми веками вспыхнул огонек.

– Я всего лишь отметил это, Сэмюэль. Наберись терпения. – Высокий вздохнул. – И сам постарайся не говорить странных вещей.

Он произнес это с легким раздражением, а потом снова посмотрел на Юрия.

– Позволь мне ответить на твой вопрос, Юрий, – сказал он. Имя цыгана он произнес тепло и просто. – Люди в Таламаске сейчас, возможно, ничего не знают обо мне. Понадобились бы немалые усилия, чтобы раскопать в их архивах истории о нас, если такие документы действительно существуют до сих пор. Я никогда не мог до конца понять, почему этим знаниям, хранящимся в файлах ордена, как они теперь это называют, придается столь большое значение. Однажды, много веков назад, я прочитал один такой манускрипт и хохотал без конца над тем, что было в нем написано. Но в те времена все письменные языки выглядели для меня примитивными и трогательными. А некоторые таковыми и остались.

Юрий замороженно слушал. Карлик, конечно же, был прав: Юрий подпал под обаяние этого существа и уже утратил здоровое нежелание доверять ему. Но ведь именно это и свидетельствует о влюбленности: полный отказ от привычных чувств отстраненности и недоверия и следующее за ним восторженное восприятие.

– И какой именно язык не заставляет тебя смеяться? – спросил Юрий.

– Современный жаргон, – ответил высокий. – И реализм в литературе, и газетные статьи, полные разговорных выражений. В разговорном языке часто полностью отсутствует простота. Он растерял грамматическую правильность и вместо того увлекся чрезмерной краткостью. И когда люди пишут в нынешние времена, это иной раз похоже на свист в сравнении с песнями, которые пели прежде.

Юрий засмеялся:

– Думаю, ты прав. Но это не относится к документам Таламаски.

– Да. Как я и объяснял, они мелодичны и забавны.

– Но есть ведь документы и документы. Значит, ты не думаешь, что сейчас они знают о тебе?

– Я абсолютно совершенно уверен, что они обо мне не знают, и из того, что ты рассказал, становится совершенно ясно, что они и не могут знать обо мне. Но продолжай. Что случилось с этим Талтосом?

– Они попытались его забрать – и погибли при этом. Тот человек, что убил Талтоса, убил и людей Таламаски. Однако, прежде чем умереть, эти люди, искавшие Талтоса, чтобы завладеть им, если так можно выразиться, дали понять, что у них есть Талтос женского рода и что они уже несколько веков искали мужского представителя, чтобы свести их вместе. Они признались, что это главная цель ордена. Думаю, что им это нужно для воплощения каких-то противозаконных тайных замыслов. И это буквально деморализовало Эрона Лайтнера.

– Понимаю почему.

– Тот Талтос, Лэшер, как будто и не удивился этому, – продолжил Юрий. – Он словно давно обо всем догадался. Уже в его прежних перерождениях Таламаска пыталась вытащить его из Доннелейта, может, как раз для того, чтобы свести с той женщиной. Но он им

не доверял и не пошел с ними. В те дни он был священником. И люди верили, что он святой.

– Святой Эшлер... – мрачно произнес карлик, и его голос прозвучал как будто не из скопления морщин на лице, а откуда-то изнутри тела. – Святой Эшлер, который всегда возвращается.

Высокий слегка склонил голову, взгляд его ореховых глаз медленно скользил взад и вперед по ковру, как если бы он изучал роскошный восточный орнамент. Не поднимая головы, он посмотрел на Юрия, и темные брови уронили тень на глаза.

– Святой Эшлер, – печально произнес он.

– Ты и есть тот человек?

– Я не святой, Юрий. Ничего, если я буду звать тебя просто по имени? Давай не говорить о святых, если ты не против...

– Конечно, зови меня Юрием. А я буду звать тебя Эшем. Но суть в том, тот ли ты персонаж или нет. Тот, кого они называли святым. Ты ведь говоришь о столетиях! А мы сидим тут, в этой вот гостиной, где потрескивает огонь. В дверь уже стучит официант: закуски доставлены... Ты должен мне рассказать. Я не смогу защититься от своих братьев из Таламаски, если ты мне не расскажешь и не поможешь понять, что происходит.

Сэмюэль соскользнул с кресла и направился к прихожей.

– Пожалуйста, уйди в спальню, Юрий. Скройся с глаз.

Он с важным видом прошел мимо Юрия.

Юрий встал – в плече на мгновение вспыхнула острая боль – и направился в спальню. Он закрыл за собой дверь и как будто провалился в тишину и покой. Задернутые занавеси на окнах едва пропускали утренний свет. Юрий взялся за телефон, быстро набрал номер прямой связи, а следом – код Соединенных Штатов.

А потом он заколебался, чувствуя себя совершенно не в состоянии произнести ту оберегающую ложь, которую должен был сказать Моне, горя желанием поговорить с Эроном и рассказать ему все, что узнал, и боясь, что ему вот-вот помешают дозвониться.

На пути из Шотландии он несколько раз оказывался у телефонов-автоматов и точно так же мучился, но карлик сразу же приказывал ему немедленно вернуться в машину.

Что же сказать его любимой малышке? Сколько он сможет сказать Эрону за те мгновения, что будут в их распоряжении?

Юрий торопливо набрал код Нового Орлеана и номер телефона в особняке Мэйфейров на углу Сент-Чарльз-авеню и Амелия-стрит и ждал, внезапно встревожившись из-за того, что в Америке могла быть глубокая ночь, и тут же сообразив, что так оно и есть...

Грубая, ужасная ошибка, не оправданная обстоятельствами. Но ему кто-то ответил. Это был голос, который он знал, но не смог вспомнить, кому он принадлежит.

– Я звоню из Англии, – сказал Юрий. – Приношу извинения. Я пытаюсь связаться с Моной Мэйфейр. Надеюсь, я не разбудил весь дом.

– Юрий? – спросила женщина.

– Да, – признался он, не слишком удивившись тому, что женщина узнала его голос.

– Юрий, Эрон Лайтнер мертв, – сказала женщина. – Я Селия, кузина Беатрис. Кузина Моны. Эрона убили.

Последовала долгая пауза. Юрий застыл и утратил дар речи. Он не думал, ничего не представлял и не делал никаких выводов. Все его тело охватил чудовищный, холодный страх – страх перед тем, что несли с собой те слова... Он никогда, никогда больше не увидит Эрона, им никогда больше не доведется поговорить друг с другом... Он и Эрон... Эрон ушел

навсегда...

Он попытался что-то сказать, но не смог и лишь бессмысленно шевелил рукой, крутя телефонный провод.

– Мне очень жаль, Юрий. Мы тревожились за тебя. Мона очень тревожилась. Ты где? Ты можешь позвонить Майклу Карри? Я тебе дам номер.

– Все в порядке, – чуть слышно ответил Юрий. – Его номер у меня есть.

– Мона сейчас там, Юрий. В том доме. Они очень хотят знать, где ты, как у тебя дела и как с тобой связаться.

– Но Эрон... – умоляющим тоном произнес Юрий, не в силах сказать что-то еще. Собственный голос показался ему жалким. Он не мог вынести груз чувств, свалившихся на него: все поплыло перед глазами, он потерял равновесие, ощущение собственного «я»... – Эрон...

– Его намеренно убили. Какой-то человек сбил его машиной. Он шел из отеля «Поншатрен», где оставил Беатрис с Мэри-Джейн Мэйфейр. Они устроили Мэри-Джейн Мэйфейр в отеле. Беатрис как раз собиралась выйти на улицу, когда услышала шум. Они с Мэри-Джейн своими глазами все видели. Машина переехала Эрона несколько раз.

– Так это было настоящее убийство, – пробормотал Юрий.

– Именно так. Полиция поймала человека, который это сделал. Какой-то бродяга. Его просто наняли, но он не знает человека, заплатившего ему. Пять тысяч долларов наличными за то, чтобы он убил Эрона. Он неделю пытался это сделать. И уже потратил половину денег.

Юрию захотелось опустить трубку. Не в силах продолжать разговор, он провел языком по верхней губе, а потом решительно заставил себя говорить:

– Селия, пожалуйста, скажи Моне Мэйфейр и Майклу Карри, что я в Англии и мне ничто не грозит. Я буду очень осторожен и скоро с вами свяжусь. И передай мои соболезнования Беатрис Мэйфейр. Я... Я всех вас люблю.

– Я им скажу.

Юрий повесил трубку телефона. Если Селия и добавила что-то еще, он этого не слышал. Вокруг было тихо. Мягкие пастельные тона спальни на мгновение успокоили Юрия. Слабый свет падал на зеркало. И в комнате пахло чистотой.

Отчужденность, отсутствие веры в счастье или в людей. Рим. Появляется Эрон... Эрона стерли из жизни... Не только из прошлого, но прежде всего из настоящего и из будущего.

Юрий не знал, как долго он так простоял.

Ему уже начало казаться, что он прирос к этому месту. Он знал, что Эш, высокий, входил в комнату, но не стал отгонять Юрия от телефона.

И глубокого, ужасного горя Юрия внезапно, а может быть, и зловеще, коснулся теплый, сочувственный голос этого человека.

– Почему ты плачешь, Юрий? – с поистине детской простотой спросил он.

– Эрон Лайтнер мертв, – ответил Юрий. – Я не позвонил ему, не сказал, что меня пытались убить. Я должен был ему об этом сообщить. Должен был предостеречь его...

От двери донесся слегка скрипучий голос Сэмюэля:

– Он знал, Юрий. Он знал. Ты же мне рассказывал, что он тебя предупреждал, не советовал сюда возвращаться, говорил, что за ним могут прийти в любой момент.

– Ох, но я...

– Не вини себя, мой юный друг, – сказал Эш.

Юрий почувствовал, как огромные паучьи руки нежно ждали его плечи.

– Эрон... Эрон был мне отцом, – монотонно заговорил Юрий. – Эрон был мне братом. Эрон был моим другом...

В его душе бурлило чувство вины, и горе, и острый, ужасающий страх смерти, ставший невыносимым. Ему казалось невозможным, что этот человек исчез, полностью исчез из его жизни, из жизни вообще, но постепенно это стало казаться все более и более возможным, потом реальным, а потом окончательным.

Юрий как будто снова стал мальчишкой, очутился в родной деревне в Югославии, стоял у кровати, на которой лежало мертвое тело матери. Тогда он в последний раз испытал такую же невыносимую боль, как сейчас. Он стиснул зубы, боясь, что разрыдается не по-мужски, а то и закричит.

– Его убила Таламаска, – сказал Юрий. – Кто еще мог такое сделать? Лэшер... Талтос, он ведь уже мертв. Он такое совершить не мог. Все эти убийства на их совести. Талтос убивал женщин, но он не убивал мужчин. Это сделала Таламаска.

– А Талтоса убил Эрон? – спросил Эш. – Он и был отцом?

– Нет. Но он любил одну женщину, и теперь, наверное, ее жизнь тоже разрушена.

Ему хотелось запереться в ванной комнате. Он плохо представлял, что собирается там делать. Может быть, просто сесть на мраморный пол, прижав колени к груди, и поплакать...

Но два странных существа не позволили ему этого. Тревожась и опасаясь за него, они отвели Юрия обратно в гостиную, усадили на диван. Высокий был особенно осторожен, стараясь не задевать раненое плечо Юрия, а маленький человек бросился готовить чай. Он принес Юрию печенье и пирожное на тарелке. Скучная еда, но очень соблазнительная.

Юрию казалось, что огонь в камине горит слишком сильно. Его пульс ускорился. Он почувствовал, что покрывается потом, снял плотный свитер, бесцеремонно стянув его через голову, причинив себе острейшую боль, и лишь тогда сообразил, что именно делает. А еще через мгновение до него дошло, что под свитером у него ничего нет, и теперь он сидел с обнаженной грудью, держа свитер в руках. Он откинулся назад и прижал свитер к груди, ощущая неловкость от своей наготы.

Потом он услышал какой-то негромкий звук. Маленький человек принес ему белую рубашку, все еще в пакете из прачечной. Юрий взял ее, открыл пакет, расстегнул пуговицы и надел рубашку. Рубашка оказалась непомерно велика ему. Должно быть, она принадлежала Эшу. Но Юрий закатал рукава, застегнул несколько пуговиц и был рад тому, что снова прикрыл тело. Рубашка уютно прильнула к коже, будто мягкая пижама. Свитер лежал на ковре. Юрий видел прилипшую к нему траву, веточки и комочки земли.

– И я думал, что вел себя так благородно, – сказал он, – потому что не звонил ему, не беспокоил, хотел залечить рану и встать на ноги, до того как сообщу обо всем, смогу его заверить, что все в порядке.

– Но зачем Таламаске убивать Эрона Лайтнера? – спросил Эш.

Он вернулся в свое кресло и теперь сидел, зажав ладони между коленями. И снова он держал спину прямо и выглядел очень красивым.

Боже, Юрий чувствовал себя так, словно на время потерял сознание и теперь видел все в первый раз. Он отметил простой черный ремешок на запястье Эша и золотые часы на этом ремешке, с обычными цифрами. Он увидел рыжеволосого горбуна, стоявшего у окна, которое он с треском открыл, потому что огонь в камине буквально ревел. Он ощутил ледяное касание ветра, ворвавшегося в комнату. Он увидел, как взрывается и шипит пламя.

– Юрий, зачем? – снова спросил Эш.

– Не могу ответить. Я надеялся, что мы ошибаемся, что они не настолько приложили к этому руку и не убивали невинных людей. Утверждение, что они якобы заполучили женщину, которую всегда искали, мы считали не более чем нелепой ложью. Я просто не в силах думать о такой мизерной цели. Ох, я совсем не хотел тебя оскорбить...

– Конечно нет.

– Я хочу сказать, что всегда считал их намерения высокими, весь их путь столь чистым... Думал, что это орден ученых, которые ведут записи и занимаются наблюдением, но никогда не позволяют себе самонадеянно вторгаться в то, за чем наблюдают... Исследователи сверхъестественного. Каким же дураком я был! Они убили Эрона, потому что он обо всем знал. И потому же они должны убить меня. Они должны дать ордену возможность снова заняться обычными делами, чтобы ничто его не тревожило. Должно быть, они следят за Обителью. Должно быть, они боятся меня, хотят любыми средствами не допустить, чтобы я там появился. Должно быть, они и телефоны прослушивают. Я не смог бы позвонить туда, или в Амстердам, или в Рим, если бы захотел. Они перехватили бы любой посланный мною факс. Они никогда не ослабят эту слежку и не перестанут искать меня, до самой моей смерти... Но тогда кто это сделает? Кто расскажет людям? Кто откроет ужасную тайну братьям и сестрам, сообщит, что этот орден – зло... Что старые максимы Католической церкви, возможно, всегда были правдой... Все, что сверхъестественно и исходит не от Бога, – зло. Найти Талтоса мужского рода! Свести его с той женщиной...

Юрий поднял голову. Лицо Эша было печальным. Сэмюэль, прислонившись к уже закрытому окну, тоже, насколько можно было судить по его морщинистому лицу, был грустен и встревожен.

«Успокойся, – сказал себе Юрий, – следи за своими словами. Не надо впадать в истерику».

И он продолжил:

– Ты, Эш, говоришь о столетиях так, как другие говорят о годах. А значит, и та женщина, что в Таламаске, могла прожить уже много веков. Может, это всегда и было единственной целью – протянуть дальше ту паутину, что исходит из темных веков, паутину зла настолько извращенного, что современные мужчины и женщины даже понять это не могут! Но это же слишком просто: все эти глупые члены ордена ищут одно-единственное существо – Талтоса, существо, которому легко можно найти пару, скрестить их, чтобы его вид быстро распространился по миру... Интересно, что придает такую уверенность в себе всем этим невидимым и безымянным тайным старшинам ордена, столь убежденным, что они...

Юрий умолк. Ему такое никогда не приходило в голову. Ну конечно. Разве ему случалось когда-нибудь оказываться в одной комнате с древним существом, которое не было человеком? А теперь такое произошло. И кто может сказать, сколько еще представителей этого вида живут в этом маленьком уютном мире, ходят по улицам среди людей, занимаются собственными делами? Талтос. Вампир. Старый карлик, с собственным счетом времени, обидами и историей...

Как тихо они оба сидят. Может, они решили дать ему высказаться до конца?

– Знаете, что бы мне хотелось сделать? – заговорил Юрий.

– Что? – спросил Эш.

– Поехать в Амстердамскую обитель и убить старшин. Но это едва ли возможно.

Не думаю, что я сумею их найти. Не думаю, что они действительно в Обители в Амстердаме или что они вообще когда-то там были. Я не знаю, кто они, что собой представляют. Сэмюэль, мне хотелось бы сейчас взять такси. Я должен поехать домой, здесь, в Лондоне. Должен повидать братьев и сестер.

– Нет, – ответил Сэмюэль. – Они тебя убьют.

– Они не могут быть все в это замешаны! Это моя последняя надежда. Думаю, мы жертвы всего нескольких человек. А теперь, пожалуйста, я хочу поехать за город, в Обитель, быстро пройти туда, пока никто не сообразил, застать братьев и сестер врасплох и заставить их слушать. Поймите, я должен это сделать! Я должен их предостеречь! Ведь Эрон мертв!

Юрий замолчал. Он вдруг осознал, что пугает двух этих странных друзей. Маленький человек снова карикатурно сложил руки – слишком короткие для его широкой груди. Складки кожи на его лбу как будто изображали неодобрение. Эш просто смотрел на Юрия, не хмурясь, но явно тревожась.

– Да вам-то что до этого? Вам обоим?! – внезапно воскликнул Юрий. – Да, ты спас мне жизнь, когда меня подстрелили в горах. Но никто тебя об этом не просил! Зачем? Что для вас обоих значу?

Сэмюэль негромко хмыкнул, как будто говоря: «На такое и отвечать не стоит».

Но Эш мягко ответил:

– Может, мы тоже цыгане, Юрий.

Юрий промолчал, не веря словам этого человека. Он ничему не верил, только тому, что Эрон мертв. Он представил себе Мону, маленькую рыжеволосую ведьму. Он видел ее удивительное маленькое личико и пышное облако рыжих волос. Он видел ее глаза. Но он ее не ощущал. И ему всем сердцем хотелось, чтобы она оказалась здесь, рядом.

– Ничего, ничего у меня нет... – прошептал он.

– Юрий, – заговорил Эш, – прошу, прислушайся к моим словам. Таламаска была основана не для поисков Талтоса. В этом ты можешь мне поверить на слово. И хотя я ничего не знаю о старшинах ордена в эти дни и в этом веке, я знал их в прошлом. Нет, Юрий, у них не было Талтоса, и я не могу поверить в то, что он есть у них сейчас. Знаешь, какими они бывают, женщины нашего вида?

Эш говорил неторопливо и негромко, но в его голосе слышалась сила.

– Женщина-Талтос так же своенравна и непосредственна, как и мужчина, – продолжил Эш. – Женщина сразу бы отправилась к тому существу, Лэшеру. Женщину, которая живет среди одних только женщин, было бы просто не удержать. И зачем посылать смертных людей, чтобы захватывать такой приз и такого врага? Я понимаю, что выгляжу не слишком устрашающим, но тебя могла бы очень удивить моя история. Так что успокойся: орден вовсе не одурачил твоих братьев и сестер. Но я уверен, что в своих рассуждениях ты попал в точку. Не старшины извратили те цели, ради которых возникла Таламаска, хотя кто-то и мог гоняться за тем существом, Лэшером. Это какая-то небольшая группа членов ордена, узнавшая о тайнах древнего вида.

Эш умолк. Это было похоже на то, как если бы в воздухе внезапно перестала звучать музыка. Но он продолжал внимательно смотреть на Юрия. Взгляд был открытым и терпеливым.

– Должно быть, ты прав, – негромко откликнулся Юрий. – Если нет, мне этого не вынести.

– Мы можем и сами узнать правду, – сказал Эш. – Мы втроем. И честно говоря, хотя я сразу, едва встретив тебя, решил о тебе позаботиться и мог бы помочь просто потому, что ты дружественное существо, и потому что мое сердце влечет к твоему, я должен тебе помочь по другой причине. Я помню то время, когда Таламаски еще не было. Я помню время, когда это был всего один человек. Я помню, когда у него в катакомбах хранилась библиотека не больше вот этой комнаты. Я помню, как их стало двое, потом трое, потом пятеро, а потом уже десять. Я помню все это, и помню тех, кто собрался вместе и основал орден. Я знал и любил их всех. И конечно, моя собственная тайна, моя собственная история сокрыта где-то в их записях, в тех записях, которые теперь переводят на современные языки и хранят в электронном виде.

– Он, собственно, говорит о том, – заявил Сэмюэль, хрипло, медленно, с раздражением, – что мы не хотим, чтобы Таламаска была ниспровергнута. Мы не хотим, чтобы изменилась ее суть, природа. Таламаска слишком многое знает о нас, чтобы можно было такое стерпеть. Она знает слишком много о слишком многих вещах. Для меня дело даже не в преданности. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

– А я как раз говорю о преданности, – возразил Эш. – Я говорю о любви и благодарности. Я говорю о многом.

– Да, теперь я это понимаю, – кивнул Юрий.

Он чувствовал, что его одолевает усталость – неизбежный финал эмоциональной бури, невероятного спасения. Свинцовая усталость, неодолимое желание заснуть.

– Если они знают обо мне, – тихо произнес Эш, – то наверняка та маленькая группа придет за мной, так же как они пришли за Лэшером. – Он чуть заметно шевельнул рукой, как бы подтверждая неизбежное. – Человеческие существа и раньше такое делали. Любая великая библиотека тайн опасна. Любая часть тайных знаний может быть украдена.

Юрий заплакал. Беззвучно. Но слезы не пролились. Они только наполнили влагой его глаза. Он уставился на чашку с так и не выпитым чаем. А теперь чай остыл. Юрий взял льняную салфетку, развернул ее и промокнул глаза. Салфетка была слишком грубой для этого, но ему было наплевать. Его манили сладости, что лежали на тарелке, но он не хотел их есть. После смерти казалось неправильным их есть.

Эш продолжил:

– Я не хочу стать ангелом-хранителем Таламаски. И никогда этого не хотел. Но в прошлом уже случались времена, когда ордену угрожали. Я не желаю увидеть, как орден пострадает или будет уничтожен, если смогу это предотвратить.

– Юрий, – заговорил Сэмюэль, – может быть множество причин, побудивших банду отступников из Таламаски попытаться поймать Лэшера. Подумай, каким он мог бы стать трофеем! А возможно, те человеческие существа, которые могли захватить Талтоса, действовали отнюдь не по примитивным причинам. Они не люди науки, или магии, или религии. Они даже не ученые. Но они могли бы обладать столь редким и удивительным существом. Они могли бы рассматривать его, разговаривать с ним, изучать его и познавать. И даже заставить размножаться – под их пристальным наблюдением, конечно.

– А возможно, просто разрезать его на части, – добавил Эш. – И как ни печально, могли бы втыкать в него иглы, чтобы проверить, закричит ли он.

– Да, в этом определенно есть смысл, – согласился Юрий. – Заговор на стороне. Отступники или обычные наблюдатели. Я устал. Мне необходимо выспаться, в постели. Не знаю, почему я наговорил вам столько ужасного.

– Я знаю, – сказал карлик. – Твой друг мертв. А меня там не было, чтобы спасти и его тоже.

– Тот человек, что хотел тебя убить... Ты его убил? – спросил Юрия Эш.

Ответил ему Сэмюэль:

– Нет, его убил я. Вообще-то, ненамеренно. Достаточно было столкнуть его с утеса или позволить сделать еще один выстрел в цыгана. Должен признать, я запросто мог бы такое сделать, потому что мы с Юрием еще и словом не обменялись. Но этого и не понадобилось. Был человек, который навел ружье на другого человека. Мертвое тело в горной долине. Хочешь его поискать? Маленький народ, скорее всего, оставил его там, где оно упало.

– Да, это на них похоже, – кивнул Эш.

Юрий промолчал. Он смутно понимал, что ему следовало бы найти то тело, осмотреть его, забрать документы. Но это было невозможно, учитывая его рану и ужасающе крутой склон. Было нечто в том, что труп навсегда исчез в дикой горной долине, в Доннелейте, и в том, что Маленький народ оставил его там гнить.

Маленький народ.

Даже когда Юрий уже падал, его глаза продолжали видеть на маленьком пятне травы внизу крошечных мужчин, танцующих, как множество изогнутых современных Румпельштильцхенов. Свет факелов стал последним, что он заметил перед тем, как потерял сознание.

Когда Юрий открыл глаза и увидел Сэмюэля, своего спасителя, с оружейной перевязью и пистолетом и с лицом настолько изможденным и старым, что оно казалось переплетением древесных корней, первой его мыслью было: «Они пришли, чтобы убить меня. Но я все-таки их видел. Хотелось бы мне рассказать об этом Эрону. Маленький народ. Я его видел».

– Это некая группа вне Таламаски, – сказал Эш, внезапно отрывая Юрия от нежеланных грез, возвращая в их маленькую компанию. – Не внутри ордена.

«Талтос, – подумал Юрий, – теперь я увидел и Талтоса. Я сижу в одной комнате с существом, которое и есть настоящий Талтос».

Если бы честь ордена осталась незапятнанной, если бы боль в плече не напоминала ему каждое мгновение о грязном насилии и предательстве, заполнившем его жизнь, как это было бы важно – увидеть Талтоса... Но эта картина имела свою цену, разве не так? «За все нужно платить», – как-то раз сказал ему Эрон. А теперь ему уже никогда не придется обсудить это с Эроном.

– Откуда тебе знать, что эта группа не внутри Таламаски? – слегка язвительно поинтересовался Сэмюэль.

Сейчас Сэмюэль совершенно не был похож на того карлика, каким был в ту ночь, в рваной кожаной куртке и бриджах. Когда, сидя у костра, Сэмюэль пересчитывал патроны, заполнял ими пустые места в своем патронташе и пил виски, снова и снова предлагая его Юрию, он походил на отвратительную жабу. Юрий был пьян, как никогда. Но тогда это было ему на пользу.

«Румпельштильцхен», – вслух подумал тогда Юрий.

А маленький человек сказал: «Можешь звать меня так, если тебе нравится. Меня и похуже называли. Но вообще, мое имя Сэмюэль».

«На каком языке они поют? – спросил Юрий и добавил про себя: – И когда уже они перестанут петь под свои барабаны?»

«Это наш собственный язык. А теперь помолчи. Ты сбиваешь меня со счета».

Сейчас маленький человек, одетый в обычный костюм, удобно устроился в мягком кресле и с нетерпением уставился на необыкновенно гибкого гиганта.

А Эш не спешил отвечать.

– Да, – сказал Юрий, желая скорее отвлечься от воспоминаний, чем высказаться. – Что заставляет тебя думать, будто это группа вне Таламаски? «Забыть холод, и тьму, и барабаны... И приводящую в ярость боль раны».

– Уж очень топорно и грубо все сделано, – ответил наконец Эш. – Выстрел из ружья. Машина, въезжающая на тротуар, чтобы сбить Эрона Лайтнера. Существует множество способов так убить человека, что никто ничего не заметит. Ученые это знают. Исследуя жизнь ведьм, чародеев и прочих представителей темного мира, они многое узнали. Нет. Им не было нужды отправляться в горную долину и преследовать человека, как в игре. Это просто невозможно.

– Эш, ружье теперь обычное оружие в глене, – насмешливо произнес Сэмюэль. – И почему бы чародеям не воспользоваться ружьями, если ими пользуется Маленький народ?

– В горной долине это всего лишь игрушка, Сэмюэль, – спокойно сказал Эш. – И ты это знаешь. А люди Таламаски не чудовища, за которыми охотятся и шпионят и которые должны прятаться от мира в диких краях, а когда их замечают, вселять страх в человеческие сердца. – Помолчав, Эш продолжил рассуждать: – Нет, эта угроза возникла не среди старшин Таламаски. Произошло худшее из того, что можно представить: какие-то люди извне, небольшая группа, случайно получили определенную информацию и сразу ей поверили. Книжки, компьютерные диски... Кто знает... Может быть, эти тайны им даже продал кто-то из слуг...

– Тогда мы должны им казаться просто детьми, – сказал Юрий. – Вроде тех монахов и монахинь, которые вводят в компьютеры наши записи, архивы, концентрируя древние тайны в базах данных.

– Кто произвел на свет Талтоса? Кто был его отцом? И кто убил его? – неожиданно резко задал вопросы Эш. – Ты мне говорил, что расскажешь, если я сам что-то тебе расскажу. А что я еще могу сказать? Я уже и так открылся. Кто смог стать отцом Талтоса?

– Его зовут Майкл Карри, – ответил Юрий. – И они, наверное, попытаются убить и его.

– Нет, это было бы им не на руку, – возразил Эш. – Наоборот, они захотят получить от него еще потомство. Та ведьма, Роуан...

– Она больше не может иметь детей, – покачал головой Юрий. – Но есть другие. Целое семейство. И есть там одна настолько сильная, что даже...

Голова Юрия тяжело склонилась. Он поднял руку, прижал ладонь ко лбу и почему-то огорчился из-за того, что ладонь у него теплая. Он наклонился вперед, но от этого его затошнило. Юрий медленно выпрямился, стараясь никак не потревожить плечо, и зажмурил глаза. Он не глядя сунул руку в карман штанов, достал свой маленький кошелек и открыл его.

Из потайного кармашка он выудил небольшую школьную фотографию Моны, очень яркую. Фотографию его малышки – с улыбкой, с ровными белыми зубами, с гривой жестких и прекрасных рыжих волос. Ведьма-дитя, любимая ведьма, без всяких сомнений – ведьма.

Юрий снова промокнул салфеткой глаза, губы. Его рука так сильно дрожала, что милое личико Моны расплывалось.

Юрий видел, как длинные тонкие пальцы Эша коснулись края фотографии. Талтос стоял над ним, протянув вперед одну руку, а другой опираясь о спинку дивана. Он взял

снимок и молча всмотрелся в него.

– Она из того же рода, что и мать Талтоса? – тихо спросил Эш.

Юрий внезапно вырвал у него фотографию и крепко прижал к груди. Его снова тошнило, и боль в плече на мгновение парализовала его.

Эш вежливо отодвинулся и подошел к камину. Огонь каким-то образом сразу утих. Эш остановился, положив руки на каминную полку. Spина у него была очень прямой, осанка почти военной, темные длинные волосы волнами лежали на воротнике, совершенно скрывая шею. Со своего места Юрий не видел седых волос, лишь очень темные вьющиеся пряди с коричневатым отливом.

– Значит, они попытаются добраться до нее, – сказал Эш, застыв в неподвижности, но немного повысив голос. – Постараются заполучить или ее, или другую ведьму из этой семьи.

– Да, – согласился Юрий. Он был изумлен до безумия. Как он мог подумать, что не любит ее? Как она могла столь внезапно от него отстраниться? – Они постараются заполучить ее. О боже, но мы же сами дали им преимущество... – сказал он, только теперь все полностью осознав. – Боже милостивый, мы же сыграли им на руку! Компьютеры! Архивы! Вот что произошло в ордене!

Он встал. Плечо пульсировало болью. Но ему было плевать. Он все еще крепко прижимал фотографию ладонью к рубашке.

– Что значит – «сыграли им на руку»? – спросил Эш, поворачиваясь, и отсветы огня упали на его лицо так, что глаза показались почти такими же зелеными, как у Моны, а галстук стал похож на темное кровавое пятно.

– Генетические тесты! – ответил Юрий. – Во избежание появления на свет нового Талтоса вся семья должна пройти проверку, чтобы не случилось больше пары «ведьма – маг». Неужели не понимаешь? Все сведения собраны воедино: генетические, генеалогические, медицинские. Из этих записей должно быть ясно, кто является сильной ведьмой, а кто – нет. Боже мой, они узнают, кто им нужен! Они будут знать это лучше, чем тот глупый Талтос! В этом знании они получают оружие, какого у него никогда не было. Он ведь пытался спариться со многими женщинами... И убивал их. Каждая умирала, не дав ему того, что он хотел, – ребенка женского пола. Но...

– Можно мне еще раз посмотреть на фото той юной рыжеволосой ведьмы? – робко спросил Эш.

– Нет! Нельзя! – Кровь прилила к лицу Юрия. Он ощутил влагу на плече. Он разбередил рану. У него была лихорадка. – Нельзя, – повторил он, уставившись на Эша.

Эш промолчал.

– Пожалуйста, не проси меня, – продолжал Юрий. – Ты мне нужен, мне очень нужна твоя помощь, но не проси снова показать ее лицо, не сейчас.

Они глянули друг другу в глаза. Потом Эш кивнул:

– Хорошо. Конечно, я не должен об этом просить. Но любить ведьму так сильно очень опасно. Ты ведь это знаешь, да?

Юрий не ответил. В одно мгновение он по-настоящему понял все: что Эрон мертв, что Мона вскоре может оказаться в беде, что почти все, что он когда-то любил или о чем заботился, отобрано у него, почти все, что ему осталась, лишь слабая надежда на счастье, удовлетворение или радость... И что он был слишком слаб, утомлен и болен, чтобы еще о чем-то думать, что ему необходимо лечь в постель в соседней комнате, в которую он

не осмеливался даже заглянуть, – в первую настоящую постель за все время, что прошло после того, как его ударила пуля, едва не убив... Он знал, что никогда, никогда не должен показывать фотографию Моны вот этому существу, что стояло напротив и смотрело на него с обманчивой мягкостью и терпением. Он знал, что он, Юрий, мог просто упасть сейчас там, где стоял...

– Идем, Юрий, – с грубоватой нежностью сказал Сэмюэль, подходя к нему своей обычной неровной походкой и протягивая толстую руку с искривленными пальцами. – Идем, я отведу тебя в кровать. Поспи. А когда проснешься, мы будем здесь и принесем какой-нибудь горячий ужин.

Юрий позволил отвести себя к двери спальни. Но что-то его остановило, заставило воспротивиться маленькому человеку, который был так же силен, как любой мужчина нормального роста. Юрий поймал себя на том, что оглядывается на высокого, стоящего у камина.

Потом он вошел в спальню и, к собственному удивлению, буквально рухнул на кровать. Маленький человек снял с него ботинки.

– Извини... – пробормотал Юрий.

– Да не беспокойся ты, – ответил маленький человек. – Укрыть тебя одеялом?

– Нет, здесь тепло. И спокойно...

Юрий услышал, как тихо хлопнула дверь, но глаз не открыл. Он уже ускользнул вдаль, прочь от всего, и в реальности сна, захватившей его и потрясшей, увидел Мону, сидевшую на ее собственной кровати и манящую его к себе. Волосы между ее ногами были рыжими, но темнее, чем на голове.

Юрий открыл глаза. На мгновение он ощутил лишь охватившую его темноту, тревожащее отсутствие света, который должен был быть здесь. Потом, постепенно, он осознал, что рядом с ним стоит Эш и смотрит на него сверху вниз. В приступе инстинктивного страха и отвращения Юрий застыл, и его глаза остановились на длинном шерстяном пальто Эша.

– Я не собирался забирать тот снимок, пока ты спишь, – шепотом произнес Эш. – Не беспокойся. Я пришел, чтобы сказать тебе, что должен этой ночью отправиться на север, навестить ту горную долину. Вернись завтра и хочу найти тебя здесь, когда приеду.

– Я поступил не слишком умно, да? – спросил Юрий. – Показав тебе ее лицо. Я был дураком.

Он все еще смотрел на темную шерстяную ткань. А потом увидел прямо перед своим лицом белые пальцы правой руки Эша. Юрий медленно повернулся и посмотрел вверх. Близость большого лица высокого человека привела его в ужас, но он не издал ни звука, а лишь пристально посмотрел в глаза, вглядывавшиеся в него с откровенным любопытством, а потом перевел взгляд на огромный рот.

– Кажется, я схожу с ума, – сказал Юрий.

– Нет, не сходишь, – ответил Эш. – Но с этого момента ты должен стать умнее. Спи. Не бойся меня. И оставайся здесь, в безопасности, с Сэмюэлем, пока я не вернусь.

Морг был маленьким, грязным и состоял из четырех тесных помещений со старой белой кафельной плиткой на стенах и полу, с ржавыми стоками и скрипучими металлическими столами.

Роуан подумала, что такое может быть только в Новом Орлеане. Только здесь могут позволить тринадцатилетней девочке войти в морг, увидеть тело и заплакать.

– Выйди отсюда, Мона, – велела она. – Дай мне осмотреть Эрона.

Ноги у нее дрожали, а руки и того пуще. Это было похоже на старую медицинскую шутку: ты сидишь почти парализованный, скрюченный, и кто-то спрашивает: «А чем ты зарабатываешь на жизнь?» – а ты отвечаешь: «Я не-не-нейрохирург!»

Роуан оперлась о стол левой рукой и подняла простыню, накрывавшую тело. Машина не задела лицо. Это действительно был Эрон.

Морг не место, где можно было выразить Эрону почтение, вспомнить его бесконечную доброту и тщетные попытки помочь ей. Возможно, лишь один образ, вспыхнувший ярко, мог заслонить собой грязь, вонь и ужасный вид некогда достойного тела, превратившегося в бесформенную грудку на испачканном столе.

Эрон Лайтнер на похоронах ее матери. Эрон Лайтнер берет ее за руку и помогает пройти сквозь толпу абсолютно незнакомых людей туда, где собралась ее родня, приблизиться к гробу матери. Эрон, понимающий, что это именно то, чего хотела Роуан и что должна была сделать, – взглянуть на любовно подкрашенное и надушенное тело Дейрдре Мэйфейр.

Но никакая косметика не коснулась мужчины, что лежал здесь, недостижимый и абсолютно безразличный, его сверкающих седых волос – символа мудрости, всегда сочетавшейся с необычным жизнелюбием. Светлые глаза Эрона оставались открытыми, но были, безусловно, мертвы. Его губы расслабились, приняв, наверное, более естественные очертания, говорившие о жизни, прожитой с удивительно малой толикой горечи, гнева или злости...

Роуан положила ладонь на лоб Эрона, слегка отодвинула в сторону волосы, потом вернула их на место. Она сочла, что смерть наступила меньше двух часов назад.

Грудь Эрона была раздавлена. Кровь пропитала рубашку и пальто. Без сомнения, его легкие моментально разорвались, но еще до этого сердце, скорее всего, было смято.

Роуан нежно коснулась его губ, чуть раздвигая их, как будто была его возлюбленной и поддразнивала Эрона, собираясь его поцеловать. Глаза Роуан увлажнились, а чувство печали внезапно стало необычайно глубоким... Ей вспомнились запахи похорон Дейрдре, всепроникающий аромат белых цветов. Рот Эрона был полон крови.

Роуан заглянула в его глаза, не ответившие ей взглядом: «Понимаю тебя, люблю тебя!» Да, он должен был погибнуть мгновенно. Первым умерло сердце, не мозг. Роуан опустила его веки и задержалась на них пальцами.

Кто в этой темнице смог бы провести правильное вскрытие? Посмотреть только на пятна на стенах... Дурные запахи, вонь из ящиков.

Роуан сдвинула простыню дальше, а потом отбросила ее в сторону, то ли неловко, то ли нетерпеливо – она и сама не могла бы сказать. Правая нога была раздроблена. Ясно: нижняя часть ноги была совсем оторвана, ее потом просто вложили в шерстяные брюки. На правой

руке осталось всего три пальца. Другие два полностью отсутствовали. Кто-нибудь догадался их подобрать?

Раздался какой-то скрип. Это вошел китаец-детектив, и гравий, прилипший к его подошвам, издал этот ужасный шум.

– Вы в порядке, доктор?

– Да, – ответила Роуан. – Я почти закончила.

Она обошла стол. Положила одну ладонь на голову Эрона, вторую на его шею и замерла, думая, прислушиваясь, ощущая.

Это ведь был наезд машины, примитивный и дикий. Если Эрон страдал, никакие картины случившегося не висели теперь возле него. Если он и пытался выжить, теперь это никогда не узнать. Беатрис видела, как он пытался увернуться от автомобиля. Во всяком случае, ей так показалось. Мэри-Джейн Мэйфейр заявила: «Он пробовал отскочить. Но не смог».

Наконец Роуан отступила от стола. Ей нужно было помыть руки. Но где? Она подошла к раковине, повернула древний кран и подставила пальцы под струю. Потом отвернулась от раковины и, сунув руки в карманы хлопковой куртки, прошла мимо полицейского обратно в маленькую переднюю с ящиками для неостребованных тел.

Майкл был там. Он держал в руке сигарету. Воротник у него был расстегнут, и весь его облик свидетельствовал о глубоком горе и напряжении, вызванном предстоявшей тяжелой обязанностью утешать.

– Хочешь на него взглянуть? – спросила Роуан. Горло у нее все еще болело, но для нее это уже не имело никакого значения. – Лицо у него в порядке. Но на остальное не смотри.

– Нет, пожалуй, – ответил Майкл. – Мне никогда не приходилось оказываться в таком положении. Если ты говоришь, что он умер от наезда машины, и больше я ничего не узнаю, я не хочу на него смотреть.

– Понимаю.

– От здешней вони меня тошнит. И Мону затошнило.

– А для меня все это когда-то было привычным, – сказала Роуан.

Майкл подошел к Роуан ближе, большой грубоватой ладонью обхватил ее шею и неловко поцеловал – совсем не так нежно и виновато, как целовал все долгие недели ее молчания. Он содрогнулся с головы до ног, а Роуан раскрыла губы и ответила на его поцелуй, сжав его в объятиях. По крайней мере, попыталась сжать.

– Я должен уйти отсюда, – сказал Майкл.

Роуан отступила от него всего на шаг и посмотрела в другое помещение, на окровавленную бесформенную грудку на столе. Китаец-полицейский вернул на место простыню – то ли из уважения, то ли для порядка.

Майкл смотрел на ящики, выстроившиеся вдоль стены напротив. Лежащие в них тела издавали гнусную вонь. Роуан тоже посмотрела туда. Один из ящиков был приоткрыт, видимо, потому, что закрыть его было невозможно, и она заметила, что внутри лежат два трупа: темная голова лицом вверх, а прямо на ней – разлагающаяся розовая нога другого тела. На лице темнокожего тоже виднелись следы разложения. Но ужас был не в этом, а в том, что эти двое теперь неразделимы. Никому не нужная смерть, в некоем подобии интимного объятия, как возлюбленные...

– Я не могу... – пробормотал Майкл.

– Знаю, идем, – ответила Роуан.

К тому времени, когда они сели в машину, Мона перестала плакать. Она сидела, уставившись в окно, так глубоко погружившись в мысли, что не допускала никаких разговоров, никакого отвлечения. Время от времени она поворачивалась и бросала взгляд на Роуан. Роуан встречалась с ней глазами и ощущала всю силу Моны и ее тепло. За те три недели, пока это дитя изливало ей свою душу – это было поэтичное повествование, которое частенько становилось просто звуком для Роуан в ее сомнамбулическом состоянии, – Роуан искренне полюбила Мону.

Наследница – та, которой предстояло выносить ребенка, чтобы тот впоследствии взвалил на себя весь груз наследия семьи. Дитя с живой утробой и в то же время со страстью опытной женщины. Дитя, которое держало в объятиях Майкла, которое в своей щедрости и неведении ничего не боялось: ни того, что сердце Майкла изношено, ни того, что он может умереть на вершине страсти. Но он не умер. Он выбрался из своего болезненного состояния и был готов вернуться к жене. А вина теперь лежала на Моне, слишком опьяненной, запутавшейся во всем том, что ей пришлось узнать и пережить.

Машина мчалась вперед. Все молчали.

Роуан сидела рядом с Майклом, слегка прислонившись к нему, сопротивляясь желанию заснуть, вернуться обратно, затеряться в мыслях, текущих с постоянством и непрерывностью реки, в мыслях, обволакивавших ее несколько недель, в мыслях, сквозь которые слова и поступки прорывались так медленно и так неуверенно, что почти не добивались до ее разума. Как голоса, доносившиеся сквозь непрерывный шум воды.

Роуан знала, что предполагает сделать. Это должно было стать для Майкла еще одним страшным, ужасным ударом.

В доме царил суеда. Вокруг снова было множество охранников. Но никого это не удивило. Роуан не стала требовать объяснений. Никто ведь не знал, кто нанял человека, убившего Эрона Лайтнера.

Пришла Селия и держала Беа за руку, давая той возможность «выплакаться» в комнате Эрона на втором этаже. Присутствовал и Райен Мэйфейр, человек, всегда готовый появиться в суде или в церкви, в костюме и при галстуке, подробно объяснявший, что в такой момент должна делать семья.

Конечно, все они смотрели на Роуан. Она видела все эти лица рядом с собой. Она видела, как они проходили перед ней во время ее долгого сидения в саду.

В платье, которое помогла ей выбрать Мона, Роуан чувствовала себя неловко, поскольку не помнила, чтобы видела его раньше. Но это не имело значения. Другое дело еда. Роуан была отчаянно голодна, а в столовой уже накрыли богатый фуршет в стиле Мэйфейров.

Опередив остальных, Майкл наполнил для нее тарелку. Роуан села во главе обеденного стола и принялась за еду, наблюдая за тем, как остальные тут и там собираются в небольшие группы. Она жадно выпила стакан ледяной воды. Все оставили ее в покое – то ли из уважения, то ли от беспомощности. Да и что они могли ей сказать? Большинство из них почти ничего не знали о том, что на самом деле произошло. Им никогда не понять «похищения», как они это называли, ее плена и насилия, совершенного над ней. Но они были хорошими людьми и искренне заботились о ней, только ничего не могли сделать, разве что оставить ее в покое.

Стоявшая рядом с Роуан Мона наклонилась и поцеловала ее в щеку, очень медленно, чтобы Роуан могла в любой момент остановить ее. Но Роуан этого не сделала. Напротив, она сжала запястье Моны, притянула девочку к себе и поцеловала в ответ, с наслаждением

коснувшись нежной детской кожи, лишь мимоходом подумав о том, как, должно быть, Майкл наслаждался этой кожей, глядя на нее, касаясь...

– Пойду наверх, посплю, – сказала Мона. – Буду там, если вдруг тебе понадобится.

– Ты мне нужна, – ответила Роуан, но произнесла это так тихо, что Майкл, кажется, ничего не заметил.

Майкл сидел справа от нее, жадно глотая еду и холодное пиво.

– Ладно, хорошо, – сказала Мона. – Я просто полежу.

На ее лице отражался страх. Усталость, грусть и страх...

– Мы сейчас нужны друг другу, – стараясь говорить как можно тише, продолжила Роуан.

Глаза девочки остановились на ней. Какое-то время они смотрели друг на друга.

Мона кивнула и ушла, даже не попрощавшись с Майклом.

«Неловкость, вызванная чувством вины», – подумала Роуан.

Кто-то в соседней комнате внезапно рассмеялся. Похоже, Мэйфейры, невзирая ни на что, всегда смеялись. Когда Роуан умирала на втором этаже, а Майкл плакал у ее постели, в доме все равно были люди, которые смеялись. Роуан помнила, как думала об этом, отстраненно думала о звуках плача и смеха, не тревожась, никак не отзываясь. Плывущие в воздухе звуки. По правде говоря, Роуан полагала, что смех всегда звучит более совершенно, чем рыдания. Смех плывет энергичной волной, мелодично, без усилий. Рыдания же часто бывают натужными, придушенными, иногда в них звучит униженность...

Майкл покончил с ростбифом, рисом и соусом. И допил последний глоток пива. Кто-то быстро подошел, поставил рядом с его тарелкой еще одну банку пива. Майкл взял ее и сразу же выпил половину.

– А для твоего сердца это не вредно? – прошептала Роуан.

Майкл не ответил.

Роуан посмотрела на свою тарелку. Она тоже прикончила свою порцию. Настоящая обжора.

Рис с соусом. Новоорлеанская еда. Роуан вдруг пришло в голову, что она должна рассказать Майклу, что все эти недели она наслаждалась тем, что он сам, своими руками кормил ее. Но какой смысл говорить ему нечто в таком роде?

То, что Майкл ее любил, было таким же чудом, как и все, что с ней случилось и что происходило в этом доме с кем бы то ни было. И все это происходило именно здесь. Она как будто пустила здесь корни, привязалась к этому месту как ни к какому другому... Даже к «Красотке Кристине», храбро резавшей воду в проливе Золотые Ворота. Роуан ощущала твердую уверенность в том, что это ее дом и никогда не перестанет им быть. Глядя на тарелку, она вспоминала тот день, когда они с Майклом вместе вошли сюда, когда открыли буфетную и нашли весь этот старый фарфор, драгоценный фарфор и серебро...

Однако все это могло погибнуть, могло быть унесено от нее и всех остальных жарким дыханием бури, дыханием адской пасти. Что сказала ее новая подруга Мона Мэйфейр всего несколько часов назад? «Роуан, ничего не кончилось».

Да, не кончилось. А Эрон? Разве они хотя бы позвонили в Обитель, дали знать его старейшим друзьям о том, что с ним случилось, или он будет похоронен среди новых друзей и родственников жены?

На каминной полке ярко горели лампы.

Но снаружи еще не было темно. Сквозь крону лавровишен Роуан видела небо, приобретшее сказочный пурпурный оттенок. Цвет стенных росписей стал мягче в сумрачной

комнате, а в листве величественных дубов, которые помогали обрести покой даже тогда, когда это не могло сделать ни одно человеческое существо, запели цикады, и теплый весенний ветерок пролетал по комнатам, врываясь в окна, открытые везде: и в столовой, и в гостиной, и, может быть, даже в задних комнатах, выходящих на огромный, никому не нужный бассейн... Окна, открытые со стороны заднего сада, где лежали тела... Тела ее единственных детей.

Майкл расправился со второй порцией пива, по привычке смял банку в руке, а потом аккуратно положил на стол. Майкл не смотрел на нее. Он смотрел на лавровишни, касавшиеся ветвями маленьких групп тонких колонн у входа. А может быть, он смотрел на пурпурное небо. Или прислушивался к гомону скворцов, что в этот час собирались большими стаями, чтобы поохотиться на цикад. Весь этот танец являл собой смерть: цикады перелетали с дерева на дерево, а стаи птиц бросались на них с вечернего неба... Просто смерть, только смерть – один вид пожирает другой...

– Вот так все и идет, – сказала она в день своего пробуждения. Ее халат был покрыт грязью, и руки покрыты грязью, и босые ноги были в мокрой грязи, когда она стояла на краю свежей могилы. – Вот так все и идет, Эмалет. Вопрос выживания, дочь моя.

Отчасти Роуан хотелось вернуться к могилам в саду, к железному столу под деревьями, к танцу смерти крылатых существ высоко над ней, наполнявших дерзкую пурпурную ночь биением случайных событий и звуками великолепной песни. Но другая ее часть не осмеливалась на это. Если бы она вышла отсюда и вернулась к тому столу, она могла бы открыть глаза и обнаружить, что ночь уже прошла, а то и более того... Нечто столь же неправильное и уродливое, как смерть Эрона, могло снова захватить ее врасплох и сказать: «Проснись, ты им нужна. Ты знаешь, что должна сделать». Не сам ли Эрон, раздавленный и сострадательный, вернулся на долю секунды, шепча это ей на ухо? Нет, это было совсем не так лично и отчетливо.

Роуан посмотрела на мужа. Ссутулившись на стуле, он мял несчастную пивную банку, превращая ее в нечто круглое, почти плоское, а его глаза были по-прежнему устремлены в окно.

Он был и удивителен, и пугающ, и неописуемо привлекателен для нее. И ужасная, постыдная правда состояла в том, что его горечь и страдание делали его еще более привлекательным, хотя и лишили внешнего блеска. Он уже не выглядел таким невинным, не походил на того человека, каким на самом деле был в глубине. Нет. Но внутреннее просачивалось сквозь его красивую кожу и изменяло всю текстуру Майкла. Оно придавало легкую диковатость его лицу и одновременно налагало на него множество мягких, постоянно движущихся теней.

Грустные краски. Майкл однажды говорил ей о грустных красках, в радостные дни после свадьбы, до того, как они узнали, что их дитя – настоящий гоблин. Он рассказывал, что в викторианские времена люди выбирали для своих домов грустные краски. Это означало приглушенность тонов; это означало мрачность, неяркость, отсутствие чистых тонов. Все викторианские дома в Америке были покрашены именно в такие цвета. Так говорил Майкл. И он любил эти коричневато-красные тона, и оливково-зеленые, и стальной серый, но сейчас нужно было придумать другое слово для пепельных сумерек и темно-зеленого мрака, для ночных теней, что нависли над фиолетовым домом с ярко расписанными ставнями.

Роуан размышляла. «Погрустнел» ли Майкл? Что такого случилось с ним? Или ей нужно

подобрать другое определение для его темного, но все же дерзкого взгляда, для того, как мало сейчас выражает его лицо, но при этом не становится примитивным или некрасивым.

Майкл посмотрел на нее, и этот взгляд поразил ее, как внезапная вспышка света. Удар. Почти полная нераздельность печали и смеха. «Сделай это еще раз, – мысленно попросила Роуан, когда Майкл отвел глаза. – Посмотри на меня вот так еще раз. Сделай свои глаза большими, синими и на мгновение воистину потрясающими. Интересно, не мешает ли человеку то, что у него вот такие глаза?»

Роуан осторожно коснулась щетины на лице Майкла, на подбородке. Она ощутила колючие волоски и ниже, на горле, а потом ее пальцы почувствовали мягкие черные волосы, и среди них более жесткие, седые. Роуан погрузила руку в эти волны...

Майкл смотрел прямо перед собой, как будто в потрясении, а потом очень осторожно, не поворачивая головы, перевел взгляд и посмотрел на Роуан.

Она отвела руку, одновременно вставая. Майкл тоже встал.

Когда он взял руку Роуан, она почувствовала, как отчаянно пульсирует его кровь. И пока Майкл отодвигал стул, мешавший ей пройти, она позволила себе на мгновение прислониться к нему всем телом.

Наверх они поднимались молча.

Спальня была такой же, как все последнее время: совершенно безмятежной и наполненной теплом, разве что постель в ней не застилалась, а лишь аккуратно прикрывалась одеялом, чтобы Роуан могла в любой момент лечь.

Роуан закрыла дверь и заперла ее на задвижку. Майкл уже снимал пиджак. Роуан расстегнула блузку, одной рукой выдернула ее полы из-под юбки и, сняв, бросила на пол.

– Та операция... – заговорил Майкл. – Я думал, вдруг...

– Нет, уже все зажило. Я хочу этого.

Он шагнул вперед и поцеловал ее в щеку, одновременно поворачивая ее голову. Роуан ощутила обжигающую жесткость его щетины, шершавость ладоней, чуть крепче потянувших ее за волосы, чтобы она откинула голову назад. Роуан дернула его рубашку.

– Сними ее, – приказала она.

Она расстегнула молнию на юбке, и юбка упала к ее ногам. Какой она стала худой... Но Роуан не думала о себе, не хотела видеть себя. Она хотела видеть его. Он уже поспешно раздевался. Роуан коснулась черных завитков волос на его груди, слегка ущипнула сосок.

– Ох, слишком сильно... – прошептал он.

Он прижал Роуан к себе, придавив ее грудь к зарослям на своей груди. Ее рука скользнула вниз, ища его мужское достоинство – твердое и готовое.

Ложась на кровать, Роуан потянула за собой Майкла, упала на прохладную хлопковую простыню и почувствовала, как неловко он обрушился на нее всем весом. Боже, эти огромные кости снова давили на ее тело, и этот запах чистой плоти и старомодного парфюма, и эта царапающая, толкающая, божественная сила...

– Сделай это, сделай быстро, – пробормотала Роуан. – В следующий раз мы не будем спешить. Сделай это, наполни меня...

Но Майкл не нуждался в подсказках.

– Сильнее! – шептала Роуан сквозь зубы.

Его плоть вошла в нее, и ее размер потряс Роуан, он причинял боль, сминал ее... Боль была великолепной, изысканной, идеальной. Роуан сжала плоть Майкла изо всех сил, но ее мышцы стали слабыми и непослушными, израненное тело предавало.

Но это не имело значения. Майкл с силой врывался в нее, и Роуан дошла до пика, никак этого не выдав. Она ни о чем не думала, ее лицо покраснело, руки раскинулись в стороны... Потом она обняла его изо всех сил, наслаждаясь болью, а он двигался снова и снова, а затем дернулся так, что приподнялся над Роуан, и тогда уже, ослабев, упал в ее объятия, такой потный, знакомый и любимый, отчаянно любимый. Майкл.

Он скатился в сторону. Вряд ли он смог бы повторить это вскоре. Но ничего другого и не следовало ожидать. Лицо его повлажнело, волосы прилипли ко лбу. Роуан неподвижно лежала в прохладном воздухе комнаты, ничем не прикрытая, и наблюдала за медленным движением лопастей вентилятора на потолке.

Это движение было таким медленным. Наверное, оно гипнотизировало ее. «Спокойно», – приказала Роуан своему телу, своему лону, своему внутреннему «я». Она слегка задремала и со страхом вспомнила те мгновения, когда находилась в руках Лэшера, их безжалостное желание... Дикий, похотливый бог, да, он мог таким показаться; но это был человек, жестокий человек, с огромным и любящим сердцем. Это было так божественно грубо, так божественно жестоко, так бесконечно ослепляюще, больно и просто...

Майкл поднялся с постели. Роуан была уверена, что он заснул, и знала, что самой ей это не удастся.

Но он встал и уже одевался, снимая чистую одежду с вешалок в шкафу в ванной комнате. Он стоял спиной к Роуан, а когда обернулся, свет, падавший из ванной, озарил лицо.

– Зачем ты это сделала? – спросил он. – Зачем ты ушла с ним! – Его голос походил на рык.

– Тсс! – Роуан села и приложила палец к губам. – Не надо начинать сначала. Не заставляй их вернуться. Можешь меня ненавидеть, если хочешь...

– Ненавидеть тебя? Боже, да как ты могла сказать такое? Я день за днем твердил, что люблю тебя! – Майкл подошел к кровати и с силой опустил ладони на ее спинку. Нависнув над Роуан, он был пугающе великолепен в своем гневе. – Как ты могла вот так меня оставить! – В его шепоте звучали слезы. – Как?

Он обошел кровать и внезапно схватил Роуан за обнаженные руки. Его пальцы, впившиеся в кожу, причинили Роуан невыносимую боль.

– Не смей! – вскрикнула она, стараясь сдержать голос, понимая, как отвратительно он звучит из-за охватившей ее паники. – Не смей меня бить, предупреждаю! Это он так делал, снова, и снова, и снова... Я тебя убью, если ты меня ударишь!

Она высвободила руки и перекатилась в сторону, спрыгнула с кровати и бросилась в ванную комнату, где холодный мраморный пол обжег ее босые ступни.

«Убить его! Черт побери, если ты не возьмешь себя в руки, ты так и сделаешь, сделаешь, со всей своей силой обрушишься на Майкла и убьешь его!»

Сколько раз она пыталась сделать это с Лэшером, она выплевывала в него свою жалкую ненависть, желая убить его, убить, убить... А он только смеялся. Но этот человек умрет, если она ударит его своей невидимой яростью. Он умрет так же наверняка, как и те другие, которых она убила, – те грязные, отвратительные убийцы, что определили ее жизнь, приведя вот в этот дом, вот в это мгновение...

Ужас. Покой, тишина в комнате. Роуан медленно обернулась к открытой двери и увидела Майкла, стоявшего около кровати и просто смотревшего на нее.

– Я должен бы бояться тебя, – сказал он. – Но я не боюсь. Я боюсь только одного. Что ты

меня не любишь.

– Но я люблю, – ответила Роуан. – И всегда любила. Всегда.

Его плечи на миг поникли, но только на миг, а потом Майкл отвернулся. Ему было так больно, но у него уже никогда не будет такого ранимого взгляда, как прежде. У него никогда уже не будет такой неподдельной мягкости.

У окна, выходящего на крыльцо, стояло кресло, и Майкл словно вслепую направился к нему и сел, все еще не глядя на Роуан.

«А я ведь снова собираюсь причинить тебе боль», – подумала она.

Роуан хотелось подойти к Майклу, поговорить с ним, еще раз обнять его. Поговорить так, как они разговаривали в тот первый день, после того как она пришла в себя и похоронила свою единственную дочь – единственную дочь, которую могла иметь, – там, под дубом. Ей хотелось с полной откровенностью открыть Майклу, что она чувствовала тогда, свою бесконечную любовь, бездумную и стремительную, без каких-либо опасений...

Но после сказанных тогда слов все это казалось недостижимым.

Роуан подняла руки и провела ладонями по своим волосам. А потом, совершенно машинально, потянулась к кранам душа.

Под струями воды она, возможно, смогла бы все отчетливо обдумать – впервые за долгое время. Шум воды был нежным, горячие потоки восхитительными.

Невероятное количество одежды в гардеробной поражало. И абсолютно сбивало с толку. Наконец Роуан нашла пару мягких шерстяных брюк. Это были старые брюки, которые она носила целую вечность назад в Сан-Франциско. Она надела их и просторный, тяжелый с виду свитер.

Для весеннего вечера было довольно прохладно. И было очень приятно надеть снова любимые вещи. Кто, гадала Роуан, мог купить все эти милые платья?

Она расчесала волосы, закрыла глаза и подумала: «Ты ведь можешь его потерять, и причины к тому будут, если ты не поговоришь с ним прямо сейчас, если ты не объяснишь еще раз, если ты не победишь собственный инстинктивный страх перед словами и не подойдешь к нему».

Роуан отложила щетку для волос. Майкл стоял в дверях. Она не закрывала дверь ванной комнаты, пока купалась, и когда она посмотрела на Майкла, выражение его лица – спокойное, понимающее – принесло ей огромное облегчение. Она едва не заплакала. Но это было бы до нелепости эгоистично.

– Я люблю тебя, Майкл, – сказала она. – Я могла бы забраться на крышу и кричать об этом. И я никогда не переставала тебя любить. Это были просто тщеславие и высокомерие; а молчание... молчание было нежеланием души исцелиться и набраться сил или, может быть, необходимым отступлением, которого искала душа, как если бы она была некой самостоятельной сущностью.

Майкл слушал внимательно, слегка хмурясь, и его лицо было спокойным, но уже не таким невинным, как прежде. Его глаза были огромными, блестящими, но взгляд – твердым и затуманенным грустью.

– Сам не пойму, как я мог только что причинить тебе боль, Роуан, – сказал он. – Я действительно не понимаю. Просто не знаю.

– Майкл, не...

– Нет, позволь мне сказать. Я знаю, что с тобой случилось. Я знаю, что он сделал. Я знаю. Но я не понимаю, как мог винить тебя, злиться на тебя, вот так причинить тебе

боль... Не понимаю!

– Майкл, это знаю я, – сказала Роуан. – Не надо. Перестань, не заставляй меня плакать.

– Роуан, я уничтожил его. – Голос Майкла упал до шепота, как это случается со многими людьми, когда они говорят о смерти. – Я уничтожил его, но этого недостаточно! Я... Я...

– Нет, не говори ничего больше! Прости меня, Майкл, прости за твою душу. И за мою тоже. Прости меня.

Роуан потянулась к нему и поцеловала, нарочно закрыв ему губы своими губами, чтобы он ничего не смог сказать. И на этот раз Майкл обнял ее, и в его объятии была вся его прежняя доброта, и прежнее мягкое тепло, и великая охраняющая нежность, что наполняла жизнь Роуан покоем, безопасностью, как это было тогда, когда они впервые занялись любовью.

Должно быть, существовало и нечто более чудесное, чем вот так находиться в его руках, что-то более чудесное, чем простая близость к Майклу. Но Роуан не могла сейчас думать об этом... И уж точно не могла думать о жестокости страсти. А то, что Роуан чувствовала сейчас, она никогда бы не узнала с любым другим живым существом на земле. Никогда.

Наконец Майкл отодвинулся, взял руки Роуан и поцеловал их. И вдруг на его лице снова появилась ясная мальчишеская улыбка, та самая, которую Роуан уже не надеялась увидеть.

– А ты и в самом деле по-прежнему любишь меня, детка, – подмигнув, сказал он чуть надломившимся голосом.

– Да, – кивнула Роуан. – Похоже, я это однажды поняла, и так будет всегда. Идем со мной, пойдем под тот дуб. Я хочу побыть немного рядом с ними. Не знаю почему. Ты и я – мы единственные, кто знает, что они там вместе.

Они выскользнули из дома по черной лестнице, через кухню. Охранник у бассейна просто кивнул им. Когда они дошли до железного стола, двор был уже темен. Роуан бросилась к Майклу, и он поддержал ее.

«Да, сейчас все так, а потом ты снова меня возненавидишь, – подумала Роуан. – Да, ты будешь меня презирать...»

Роуан поцеловала волосы Майкла, его щеку, потерлась лбом о его жесткую щетину. И ощутила его ответный вздох, глубокий и тяжелый.

«Ты будешь меня презирать, – думала она. – Но кто еще может найти тех, кто убил Эрона?»

Самолет приземлился в эдинбургском аэропорту в одиннадцать вечера. Эш слегка дремал, прижавшись лицом к окну. Он увидел фары двух машин, уверенно направлявшихся к нему. Черные немецкие «седаны», которые должны были отвезти его и его маленькую свиту по узким дорогам в Доннелейт. Это уже была не та дорога, которую можно одолеть только на лошадях. Эш был этому рад. Не то чтобы ему не нравились такие опасные путешествия через горы, просто хотелось добраться до той горной долины без промедления.

«Современная жизнь сделала всех нетерпеливыми», – подумал Эш. Сколько раз за его долгую жизнь он отправлялся в Доннелейт, полный решимости повидать место самых трагических его потерь и заново исследовать собственную судьбу? Иной раз ему требовались годы, чтобы добраться до Англии, а потом поехать на север, в гористую часть Шотландии. А иногда это был вопрос нескольких месяцев.

Теперь же все можно было сделать за несколько часов. Путешествие уже не представляло трудности и не являлось чем-то вроде очищения. Скорее, это был обычный визит.

Он встал, а его помощница Лесли, которая прилетела с ним из Америки, уже принесла ему пальто и сложенное одеяло, а заодно и подушку.

– Что, спать хочется, милая? – спросил ее Эш с мягким упреком.

Американские слуги озадачивали его. Они делали странные вещи. Эш не удивился бы, если бы девушка переделалась в ночную рубашку.

– Это для вас, мистер Эш. Ехать почти два часа. Я подумала, вам это может пригодиться.

Эш улыбнулся, проходя мимо нее. Интересно, что все это могло для нее означать? Ночные поездки по всему миру? Должно быть, Шотландия кажется ей похожей на все прочие места, куда он иногда тащил ее и других служащих. И никто не мог даже предположить, что она значит для него.

Эш ступил на металлический трап, и от ветра у него перехватило дыхание. Здесь было даже холоднее, чем в Лондоне. Воистину путешествие провело его от одного круга холода к другому, а потом еще к одному. И с детской пылкостью и скрытым сожалением Эш вдруг захотел очутиться в тепле лондонского отеля. Он подумал о цыгане, сладко спавшем на мягкой подушке, стройном темнокожем цыгане с жестким ртом, с угольно-черными бровями и ресницами, которые загибались вверх, как у ребенка.

Эш прикрыл рот тыльной стороной ладони и поспешил спуститься вниз и сесть в машину.

Почему у детей всегда такие длинные ресницы? И почему потом они перестают быть такими? Может быть, они нуждаются в каком-то особом уходе? А у Талтосов с этим как? Эш не мог припомнить ничего такого, что касалось бы его детства. Ясно, что для Талтосов это был просто некий период жизни.

«Потерянное знание...»

Эти слова он слышал часто и не помнил времени, когда их не знал.

Его возвращение было некоей мукой – возвращение, отказ двигаться вперед без горького совещания с собственной душой.

«Душа. У тебя нет души, или, по крайней мере, тебе так говорили».

Сквозь затемненное стекло Эш наблюдал за тем, как юная Лесли устраивается

на пассажирском сиденье впереди. Он с облегчением убедился, что заднее сиденье полностью предоставлено ему, что две машины приехали, чтобы отвезти его и его сопровождающих на север. Для него сейчас было бы невыносимо сидеть рядом с каким-нибудь человеческим существом, слушать человеческую болтовню, ощущать запах здоровой человеческой женщины, такой нежной и такой юной.

Шотландия. Запах лесов, запах морской воды в воздухе.

Машина мягко тронулась с места. Хороший водитель. Эш был благодарен за это. Ему не придется испытывать постоянные толчки до самого Доннелейта. На мгновение Эш увидел яркое отражение фар машины, ехавшей следом. Там, как и положено, находились его телохранители.

Внезапно Эша охватило ужасное предчувствие. Зачем он подвергает себя такому испытанию? Зачем едет в Доннелейт? Зачем ему карабкаться в гору и снова посещать святилища прошлого? Эш закрыл глаза и на мгновение увидел сияющие рыжие волосы маленькой ведьмы, которую Юрий любил глупо, по-мальчишески. Он увидел жесткий взгляд ее зеленых глаз, устремленный на него с той фотографии, по-детски связанные яркой цветной лентой волосы. Юрий, ты просто дурак.

Машина набрала скорость.

Эш ничего не мог рассмотреть сквозь сильно затемненные окна. А жаль. И настоящее безумие. В Соединенных Штатах стекла его машин не были затемнены. Его никогда не заботило уединение. А вот видеть мир в его естественных красках – это было нечто такое, в чем он нуждался, так же как нуждался в воздухе и воде.

Ну тогда, наверное, он сможет немного поспать без снов.

Его заставил вздрогнуть голос молодой помощницы, раздавшийся из маленького динамика.

– Мистер Эш, я позвонила в гостиницу. Они готовы к вашему приезду. Вы хотите где-нибудь остановиться по пути?

– Нет, Лесли, я хочу поскорее добраться туда. А вы устраивайтесь поудобнее. Дорога долгая.

Он закрыл глаза. Но сон не шел. Это была одна из тех поездок, когда он ощущал каждую минуту и каждую неровность на дороге.

Тогда почему бы не подумать снова о том цыгане... о его тонком темном лице, блеске зубов между губами, таких белых и безупречных, зубов современного человека. Наверное, это богатый цыган. Богатая ведьма, как понял Эш во время того разговора. Он вообразил, как расстегивает пуговицы белой блузки на фотографии. И распахивает блузку, чтобы увидеть грудь. Он представил себе розовые соски, голубые вены под кожей... они ведь должны там быть. Эш вздохнул, низко присвистнул сквозь зубы и склонил голову набок.

Желание было таким болезненным, что Эшу потребовалось большое усилие, чтобы его подавить. А потом он снова увидел цыгана. Увидел его длинную темную руку, лежащую на подушке. От цыгана пахло лесом и долиной. «Юрий», – в своей фантазии прошептал Эш, перевернул молодого человека на спину и наклонился, чтобы поцеловать его в губы.

И это тоже обожгло его. Эш резко выпрямился, наклонился вперед, поставил локти на колени и оперся головой о ладони.

– Музыка, Эш, – тихо произнес он, а потом, снова откинувшись на спинку сиденья, прислонился головой к окну, широко раскрыл глаза, и, пытаясь рассмотреть что-нибудь сквозь это ужасное темное стекло, негромко запел высоким фальцетом песню, которую

не мог понять никто, кроме Сэмюэля, и даже Сэмюэль едва ли понимал до конца.

Было уже два часа ночи, когда Эш велел шоферу остановиться. Он не мог ехать дальше. За темным стеклом скрывался весь тот мир, ради которого он сюда явился. Он больше не мог ждать.

– Мы уже почти добрались, сэр.

– Знаю. Ты увидишь тот город в нескольких милях впереди. Езжай прямо туда. Устраивайтесь все в гостинице и ждите меня. А сейчас позвони охранникам, в ту машину. Скажи, чтобы ехали за тобой. Я должен остаться здесь один.

Он не стал ждать неизбежных возражений.

Прежде чем водитель успел выскочить и предложить свою помощь, Эш вышел из машины, хлопнув дверцей, и, едва махнув на прощание рукой, быстро шагнул к обочине дороги и дальше, в густой холодный лес.

Ветер дул уже не так сильно. Луна, пойманная в ловушку облаков, бросала на землю слабый переменчивый свет. Эш ощутил, как его окутало запахами шотландских сосен, темной холодной почвы под ногами, храбрых острых лезвий первой весенней травы, сминавшейся под его ботинками, едва ощутимыми ароматами ранних цветов.

Кора деревьев была приятной на ощупь.

Эш долго шел в темноте, все вперед и вперед, иногда спотыкаясь, иногда хватаясь за толстый ствол какого-нибудь дерева, чтобы не упасть. Он не останавливался, чтобы перевести дыхание. Он знал этот склон. Знал звезды над головой, пусть даже облака пытались их скрыть.

А звездное небо и в самом деле пробуждало в нем странное, болезненное чувство. Когда Эш наконец остановился, он был уже на высоком гребне горы. Его длинные ноги немного болели, как, наверное, и полагается ногам. Но, очутившись в этом священном месте – в месте, которое значило для него больше, чем любой другой клочок земли в мире, Эш припомнил те времена, когда его ноги не болели, когда он мог быстро взбежать сюда размашистым шагом.

Не важно. Что значит какая-то слабая боль? Она давала ему понимание чужой боли. А человеческие существа страдают от ужасной боли. Лучше думать о цыгане, что спит в теплой постели и видит во сне свою ведьмочку. А боль – это просто боль, будь она хоть физической, хоть душевной. И никто из мудрейших мужчин, или женщин, или даже Талтосов никогда не мог сказать, какая из них хуже: боль сердца или боль плоти.

Эш повернулся и стал взбираться еще выше, уверенно карабкаясь по склону даже там, где он казался невероятно крутым, частенько хватаясь за ветки кустов и надежные камни, чтобы одолеть подъем.

Снова поднялся ветер, но не слишком сильный. Руки и ноги Эша замерзли, но это был не такой холод, какой нельзя было бы вынести. Холод всегда освежал его.

И стоило поблагодарить Реммика за теплое пальто с меховым воротником. Поблагодарить себя за то, что надел шерстяную одежду. И поблагодарить небеса, возможно, за то, что боль в ногах не становилась сильнее, а лишь чуть больше раздражала.

Земля ползла под ногами. Эш мог бы здесь и упасть, но деревья были как высокие перила, они помогали ему удержаться, позволяли быстро идти все дальше и дальше.

Наконец Эш нашел ту тропу, которая, как он знал, должна была быть здесь, извиваясь между двумя мягко возвышавшимися склонами, где стояли старые, никем не потревоженные

деревья, покой которых веками не нарушали пришельцы.

Тропа спускалась в небольшую долину, усыпанную острыми камнями, причинявшими боль ступням Эша и заставившими его не раз и не два потерять равновесие. Потом он снова направился вверх, думая о том, что этот подъем мог бы показаться непреодолимым, если бы не тот факт, что он уже преодолевал его прежде и знал, что воля победит чувства.

И вот Эш вышел на маленькую поляну, неотрывно глядя на далекую, нависавшую над ним вершину. Деревья здесь стояли так густо, что тропу теперь было не так-то легко найти, да и была это уже не тропа, а едва заметная дорожка. Эш шел все дальше, топчась на ходу мелкие кусты. И когда он наконец повернул направо, далеко внизу, за огромной глубокой расселиной, показались воды горного озера, сиявшие бледным светом под луной, а еще дальше – высокие развалины какого-то собора.

У Эша перехватило дыхание. Он и не знал, что они восстановили уже так много. Сосредоточив взгляд, он смог рассмотреть крестообразное основание церкви и множество квадратных палаток и строений и заметил несколько мигающих огоньков, крошечных, как след булавочного укола. Он прислонился к скале, надежно уперся ногами и всмотрелся в этот мир, не боясь свалиться вниз.

Эш знал, каково это – падать и падать, кричать, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но не в силах остановить падение, когда беспомощное тело с каждым футом набирает скорость под собственным весом, стремясь к земле вниз.

Его пальто порвалось. Ботинки промокли от снега.

На мгновение все запахи этой земли навалились на него, охватили его с такой силой, что он почувствовал почти эротическое наслаждение, двигаясь сквозь них, потирая себя между ногами и заставляя волны удовольствия пробегать по всему телу.

Эш закрыл глаза, и мягкий, безобидный ветерок погладил его лицо, остудил пальцы.

Он уже был близко, очень близко. Все, что нужно было делать, это идти дальше, вверх, и повернуть перед огромным серым камнем, который Эш уже видел под освободившейся от облаков луной. Облака могли через миг снова скрыть ее свет, но это уже не помешало бы Эшу.

Его слуха коснулись какие-то доносившиеся издали звуки. Эшу даже показалось на мгновение, что это лишь его воображение. Но звуки были: низкий бой барабанов и тонкий плач дудок, мрачный, лишенный ритма или мелодии, которые мог бы уловить Эш. Эти звуки вызвали у него мгновенный приступ паники, а потом погрузили в глубокую, пульсирующую тревогу. Звуки становились громче. Скорее, он позволил себе слышать их более отчетливо. Ветер усилился, потом снова затих. Барабаны стучали на склоне внизу, дудки продолжали ныть, и опять Эш попытался уловить мелодию, но не сумел и, стиснув зубы, зажал основанием ладони правое ухо, чтобы не слышать ничего.

«Пещера. Надо идти дальше. Идти вверх и войти в нее. Повернись к барабанам спиной. Что тебе до них? Если бы они знали, что ты здесь, разве они стали бы играть истинную песню, привлекая твое внимание? Да и знают ли они до сих пор те песни?»

Эш двинулся дальше, обошел камень, обеими ладонями ощущая его холодную поверхность. В двадцати футах или чуть дальше впереди находился вход в пещеру, совсем заросший, скрытый от любого постороннего взгляда. Но Эш знал о хаотичном нагромождении камней над входом. И пошел выше, осторожно обходя его шаг за шагом. Здесь ветер буквально свистел между соснами. Эш отодвинул в сторону ветки, при этом те, что помельче, оцарапали его руки и лицо. Ему было плевать на это. Он шагнул в собственно

черноту. И сразу ослабел, тяжело дыша, прислонившись к стене и снова плотно закрыв глаза.

Ни звука не доносилось до него из глубины. Только ветер пел, как и прежде, милосердно заглушая далекий грохот барабанов, если, конечно, этот ужасный, безобразный шум продолжался.

– Я здесь, – прошептал Эш.

И тишина отступила от него, съежившись, наверное, где-то в самой глубине пещеры. Но ответа не было. Осмелится ли он произнести ее имя?..

Эш робко сделал шаг вперед, потом еще один. Он продвигался все дальше, касаясь обеими руками близких стен, волосы задевали камни над головой, пока проход наконец не расширился и эхо шагов не подсказало Эшу, что потолок над ним поднялся на новую высоту. Но он ничего не мог видеть.

На мгновение его охватил страх. Может быть, сам того не замечая, он даже шел с закрытыми глазами. Может быть, он просто позволял рукам и ушам вести его. Он открыл глаза и попытался найти хоть какой-нибудь свет, но увидел только черноту. Он мог даже упасть – так ему было страшно. Некое внутреннее чувство говорило Эшу, что он здесь не один. Но он запретил себе бежать, отказался ринуться наружу, как какая-нибудь перепуганная птица, униженно, может быть даже поранившись в поспешном бегстве...

Он держался стойко. Во тьме ничто не менялось. Тихие звуки его дыхания как будто улетали куда-то в вечность.

– Я здесь, – прошептал Эш. – Я снова пришел. – Слова уплыли от него в никуда. – Прошу, еще раз, ради милосердия...

Ответом ему была тишина.

Несмотря на холод, Эш чувствовал пот на спине под рубашкой, вокруг талии, под кожаным ремнем, что поддерживал его шерстяные брюки. Он ощущал влагу на своем лбу как нечто жирное и грязное.

– Зачем я пришел? – вопросительно произнес Эш, и на этот раз его голос прозвучал слабо и отстраненно. Потом он заговорил так громко, как смог: – В надежде, что ты можешь снова взять мою руку, здесь, как ты это делала прежде, и дать мне утешение.

Выспренние слова, улетая прочь, заставили его содрогнуться.

В этом месте скопились не милые призраки, а воспоминания о горной долине, которые никогда его не покидали. Битва, дым, крики... Эш снова услышал ее голос сквозь те языки пламени:

– ...проклят, Эшлер!

Жар и гнев ударили его в душу, так же как в барабанные перепонки. На мгновение Эша охватил древний ужас перед тем давним обвинением...

– ...пусть мир вокруг тебя рухнет до того, как кончатся твои страдания!

Тишина.

Он должен был теперь вернуться назад, должен был найти выход. Он мог бы просто погибнуть, не в состоянии видеть, не в состоянии сделать хоть что-то, кроме как вспоминать. В панике Эш резко развернулся и бросился вперед, пока не почувствовал близость шероховатых каменных стен.

Когда Эш наконец увидел звезды, он вздохнул так глубоко, что к глазам едва не подступили слезы, и замер в неподвижности, прижав ладонь к сердцу. А стук барабанов нарастал. Возможно, потому, что ветер снова стих и ничто не мешало грохоту долетать до Эша. Но теперь в этом грохоте появился ритм – сначала быстрый и как будто игривый,

потом снова медленный, как будто барабаны сообщали о начале казни.

– Нет! Убирайтесь! – прошептал Эш.

Он должен был бежать от этого места. Его известность и удача должны были как-то помочь ему сбежать. Он не мог застрять на этой высокой вершине, лицом к лицу с ужасным боем барабанов, слыша дудки, которые теперь выводили отчетливую и угрожающую мелодию. Как он мог оказаться настолько глуп, чтобы прийти сюда? Пещера жила и дышала прямо за его спиной...

Помогите мне. Где все те, кто выполнял каждый его приказ? Эш был слишком самонадеян, когда ушел от них и полез в одиночестве в это ужасное место. Боль была настолько сильной, что из груди Эша вырвался негромкий звук, похожий на плач ребенка.

Эш начал спускаться. Ему было плевать на то, что он спотыкается, что его пальто порвано, а волосы то и дело цепляются за ветки. Он просто с силой дергал их и шел дальше. Камни под ногами причиняли боль ступням, но не могли его остановить.

Барабаны зазвучали громче. Должно быть, он проходил близко от них. Он должен их миновать. Он должен слышать эти дудки, гортанную пульсирующую песню, уродливую и одновременно неодолимо притягательную. «Нет, не надо слушать! Закрой уши!» Эш спускался вниз, но, даже зажимая уши ладонями, он все равно слышал дудки, и мрачный древний ритм, то медленный и монотонный, то внезапно взрывающийся, как будто звучал прямо в мозге, как будто исходил из собственных костей Эша, как будто Эш находился прямо в центре этих звуков...

Эш бросился бежать. Он упал и порвал дорогие брюки, потом сильно споткнулся и ушиб руки о камни, оцарапался о кусты терна... Но он не останавливался, пока барабаны и дудки внезапно не зазвучали со всех сторон. Пронзительная песня заманила его в ловушку, как будто опутав веревочными петлями, и Эш кружил и кружил, не в силах сбежать... Открывая глаза, он видел сквозь густой лес свет факелов...

Они не знали, что он был здесь. Они не уловили его запаха, не слышали его. Возможно, ветер был на его стороне, действовал заодно с Эшем в эту минуту. Эш схватился за стволы двух маленьких сосен, словно они были прутьями тюремной решетки, и между ними всмотрелся вниз, в то маленькое темное пространство, где они играли и танцевали в небольшом нелепом хороводе. Какими они были неуклюжими... Как пугали его...

Барабаны и дудки создавали чудовищный шум. Эш не мог шевельнуться. Он мог лишь наблюдать, как они подпрыгивали, кружились и раскачивались взад и вперед. Одно маленькое существо с длинными, растрепанными седыми волосами вошло в круг и, раскинув маленькие корявые руки, закричало, перекрывая вой музыки, на древнем языке:

– О боги, будьте милосердны! Будьте милосердны к своим потерянным детям!

«Смотри, слушай, – твердил себе Эш, хотя музыка не позволяла ему отчетливо произнести это даже мысленно. – Смотри, слушай, не пропадай в этой песне. Смотри, в какое тряпье они одеты, смотри на оружейные перевязи на их плечах. Смотри на пистолеты в их руках, а теперь, вот, теперь они достают свое оружие, чтобы стрелять, и крошечные огоньки вылетают из стволов!»

Ночь треснула от выстрелов! Факелы почти погасило ветром, но потом пламя снова вспыхнуло, как некие призрачные цветы.

Эш ощущал запах горячей плоти, но он был не настоящим, а только воспоминанием. Он услышал крики: «Будь проклят, Эшлер!»

И гимны, о да, гимны и торжественные песни на новом языке, на языке римлян, и та

вонь, вонь плоти, пожираемой огнем!

Громкий резкий крик прорвался сквозь шум. Музыка внезапно смолкла. Только один барабан издал еще пару глухих ударов.

Эш вдруг осознал, что кричал он сам и что они его слышали.

«Бежать... Но зачем бежать? Чего ради? Куда? Тебе больше незачем убегать. Ты больше не принадлежишь этому месту. Никто не может тебя заставить быть его частью».

С бешено бьющимся сердцем Эш наблюдал в холодном молчании за тем, как маленькие люди сошлись ближе и факелы горели почти вплотную друг к другу, а потом небольшая толпа медленно двинулась в его сторону.

– Талтос!

Они наконец его почували! Маленькие люди рассыпались в стороны с дикими воплями, а потом снова собрались вместе, образовав плотную группу.

– Талтос! – снова выкрикнул грубый голос.

Факелы все приближались и приближались.

Теперь, когда они окружили его, Эш мог отчетливо видеть их обращенные к нему лица. Маленькие люди высоко поднимали факелы, и пламя бросало уродливые тени на их глаза и щеки, на их маленькие рты. Он ощущал запах горячей плоти, исходивший от их факелов!

– Боже, что вы сделали? – прошипел Эш, сжимая кулаки. – Вы что, окунули их в жир некрещеного младенца?

В ответ раздался визгливый смешок, потом еще один, еще... Постепенно вокруг Эша выросла и замкнулась настоящая трескучая стена шума...

– Презренные! – снова зашипел он, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, настолько разгневанный, что ему было уже плевать на собственное достоинство, на то, что его лицо исказилось от злости.

– Талтос, – произнес один из карликов, подошедший ближе. – Талтос.

Вы только посмотрите на них, гляньте, что они собой представляют... Эш еще крепче сжал кулаки, готовясь отразить атаку, бить их, поднимать и швырять вправо и влево, если понадобится.

– А, Эйкен Драмм! – воскликнул Эш, узнав старика, чья седая борода спускалась к земле, как грязные клочья мха. – И Робин, и Рогарт... Я вас вижу!

– Ай, Эшлер!

– Да. И вы здесь, Файн, Юргарт. И тебя вижу, Раннох!

Только теперь до Эша дошло: среди них совсем не осталось женщин! Все лица, обращенные к нему, были мужскими. Это были мужчины, которых он всегда знал. Но не было ни одной ведьмы, не было ведьм, вопящих, раскинув руки... Здесь больше не осталось женщин!

Эш засмеялся. Было ли это абсолютно правильно? Да, было! Он шагнул вперед, вынудив их попятиться. Юргарт взмахнул факелом – то ли желая ударить Эша, то ли чтобы лучше его осветить...

– А-а-ах, Юргарт! – закричал Эш и протянул вперед руку, не обращая внимания на огонь, как будто собираясь схватить маленького человека за горло и поднять в воздух.

Карлики рассыпались в стороны с гортанными криками, прячась в темноте. Мужчины, одни только мужчины. Мужчины, да и тех уже от силы четырнадцать. Только мужчины. Ох, какого черта Сэмюэль ничего ему не рассказал?

Эш медленно опустился на колени. Он смеялся. И позволил себе упасть на лесную

почву, чтобы вытянуться и сквозь кружевные ветви сосен посмотреть вверх, на звезды, что торжественно сияли за тонкой вуалью облаков, и на луну, неторопливо плывущую на север.

Но ему следовало бы знать. Следовало бы догадаться. Он должен был понять, когда приходил сюда в последний раз и видел женщин – старых и больных. Они швыряли в него камни и оглушительно визжали. Он ведь чуял смерть вокруг себя тогда. И он чуял ее сейчас. Но это не был кровавый запах женщин. Это был сухой, ядовитый мужской запах.

Эш перевернулся и опустил голову на землю. Его глаза снова закрылись. Он слышал, как маленькие люди суетились вокруг него.

– Где Сэмюэль? – спросил кто-то из них.

– Скажи Сэмюэлю, чтобы он вернулся!

– Зачем ты здесь? Ты освободился от проклятия?

– Не смейте говорить со мной о том проклятии! – закричал Эш. Он сел, и чары рассеялись. – Не смейте говорить со мной, грязные существа!

И на этот раз он действительно схватил, но не маленького человека, а его факел. Держа близко от себя пылающую ветвь, Эш уловил отчетливый запах горящего человеческого жира и в отвращении отбросил факел.

– Пропади вы пропадом, проклятая зараза! – крикнул он.

Один из них ударил Эша по ноге. Камень врезался в его щеку, но не глубоко. Карлики размахивали палками.

– Где Сэмюэль?

– Это Сэмюэль прислал тебя сюда?

Все вопли перекрыл каркающий голос Эйкена Драмма:

– У нас был на ужин вкусный цыган, да, был, а потом Сэмюэль увел его к Эшлеру!

– Где наш цыган? – завизжал Юргарт.

Карлики расхохотались. Они кричали и насмехались над Эшем; грубый хохот перемежался с проклятиями.

– Пусть дьявол отправит тебя домой частями! – крикнул Юргарт.

Снова застучали барабаны: карлики колотили по ним кулаками, а из дудок вырвались потоки диких нот.

– А всем вам место в аду! – крикнул Эш. – И почему бы мне не отправить вас туда прямо сейчас?

Он повернулся и побежал прочь, сначала даже не сообразив, в какую именно сторону. Но подъем был ровным, что служило лучшим указателем направления, а скрип камней под ногами, треск веток и ветер, несшийся мимо, спасали Эша от их барабанов, их дудок, их насмешек.

Вскоре он перестал слышать их музыку и их голоса и наконец понял, что остался один.

Задыхаясь, чувствуя боль в груди, с ноющими ногами и горящими ступнями, Эш пошел медленнее, однако еще очень не скоро вышел на дорогу, ступил на асфальт, как будто выскочив из кошмарного сна, и очутился в знакомом мире, пустом, холодном и молчаливом. Звезды заполняли каждую четверть неба. Луна рассеивала за собой бледный след в облаках, а легкий ветерок заставлял сосны едва заметно вздрагивать и дул Эшу в спину, как бы понуждая его идти дальше.

Эш добрался до гостиницы, где его ждала маленькая помощница Лесли. Она встретила

Эша негромким вскриком изумления, быстро забрала у него изорванное пальто и держала за руку, пока они поднимались вверх.

– Ох, как здесь тепло, – сказал он. – Так тепло...

– Да, сэр, и есть молоко.

Возле кровати стоял на столике высокий стакан с молоком. Эш быстро выпил его. Девушка уже расстегивала пуговицы на его рубашке.

– Спасибо, милая, моя милая малышка, – поблагодарил ее Эш.

– Спи, мистер Эш, – ответила девушка.

Он тяжело упал на кровать, почувствовав, как его накрывает теплое пуховое одеяло и подушка сминается под щекой. Кровать была удивительно мягкой, уютной. Она словно обнимала его, погружая в первый круг сна и унося вдаль.

«Горная долина, моя долина, и озеро, лох, мой лох... моя земля...»

Предатель собственного народа...

Утром Эш быстро съел завтрак прямо в спальне, а его служащие уже готовились к немедленному возвращению. Нет, на этот раз он не собирается спускаться к собору, сказал он им. И – да, он прочитал статьи в газетах. Святой Эшлер, да, он тоже слышал эту сказку.

Юная Лесли была изумлена:

– Вы хотите сказать, сэр, что мы не поэтому приехали сюда, не для того, чтобы увидеть гробницу святого?

Эш только пожал плечами:

– Мы как-нибудь еще вернемся сюда, дорогая.

В другой раз, возможно, они могли бы совершить эту небольшую прогулку.

К полудню Эш уже был в Лондоне.

Сэмюэль ждал его около автомобиля. Он принарядился в твидовый костюм со свежей, накрахмаленной белой рубашкой и галстуком и выглядел как маленькая копия настоящего джентльмена. Даже его рыжие волосы были достойно причесаны, а лицом он походил на уважаемого английского бульдога.

– Ты оставил цыгана одного?

– Он ушел, пока я спал, – признался Сэмюэль. – Я и не слышал, как он исчез. Просто смылся. И записки не оставил.

Эш несколько мгновений размышлял.

– Может быть, это и хорошо, – сказал он. – Почему ты мне не сказал, что все женщины умерли?

– Дурак. Я бы не позволил тебе туда отправиться, если бы у них были какие-то женщины. Тебе следовало бы это знать. Ты вообще не думаешь. Ты не считаешь годы. Не пользуешься разумом. Ты играешь в свои игрушки и в свои деньги, во все твои милые вещицы. И ты забыл. Забыл, и именно поэтому ты счастлив.

Машина унесла их от аэропорта к городу.

– А ты поедешь домой, к своей детской площадке в небесах? – спросил Сэмюэль.

– Нет. Ты ведь знаешь, что не могу. Я должен найти цыгана, – ответил Эш. – Я должен узнать тайны Таламаски.

– А та ведьма?

– Да. – Эш с улыбкой повернулся к Сэмюэлю. – И я должен, наверное, найти ту ведьму.

Хотя бы прикоснуться к ее рыжим волосам, поцеловать белую кожу, впитать ее запах.

– И?..

– Откуда мне знать, маленький человек?

– Ох, ты знаешь! Все ты знаешь.

– Тогда оставь меня в покое. Если этому суждено случиться, то мои дни наконец сочтены.

Мона открыла глаза. Она слышала, как часы пробили восемь, медленно, глубоко, сочно. Но ее разбудил другой звук: резкий звонок телефона. Должно быть, он донесся из библиотеки, решила Мона, а это было слишком далеко от нее, и он звонил очень долго, ожидая ответа. Мона перевернулась, уютно устроившись на большом бархатном диване с множеством разбросанных по нему подушек, и через окно уставилась в сад, залитый утренним светом.

Солнце уже вливалось в окна, окрашивая полы в прекрасный янтарный цвет.

Телефон наконец умолк. Наверняка кто-нибудь из прислуги снял трубку: Кален, новый водитель, или Янси, молодой парень, прислуживавший в доме, который, как говорили, уже к шести утра всегда был на ногах. А может быть, даже старая Эухения, всегда теперь очень торжественно смотревшая на Мону, когда они встречались.

Накануне вечером Мона прямо в новом шелковом платье заснула здесь, на этом самом греховном диване, где они с Майклом проделали это, и хотя она изо всех сил старалась думать о Юрии, который наконец позвонил и оставил Селии сообщение, что с ним все в порядке и он очень скоро снова свяжется со всеми, она обнаружила, что думает о Майкле, думает о тех трех «моментах» и о том, каким это было недопустимым и, возможно, самым прекрасным ее эротическим опытом.

Нельзя сказать, что Юрий, любовник ее снов, не был великолепен. Но они были уж очень осторожны друг с другом. Да, они занимались любовью, но самым безопасным из всех вообразимых способов. И Моне оставалось только желать, чтобы она была в ту последнюю ночь более свободна в своих обычных необузданных желаниях.

Необузданные. Моне по-настоящему нравилось это слово. Оно ей подходило. «Ты ведешь себя необузданно». Именно так могли сказать ей Селия или Лили. А она бы ответила: «Ценю комплимент и полностью с вами согласна».

Боже, если бы только она сама поговорила с Юрием! Селия ему сказала, чтобы он позвонил на Первую улицу. Почему он этого не сделал? Откуда ей знать?

Даже дядя Райен был рассержен.

– Нам необходимо поговорить с этим человеком! Нам необходимо поговорить с ним об Эроне!

Но самым печальным было то, что с Юрием говорила Селия, ведь никто в мире, может быть, кроме Моны, не знал, что Эрон значил для Юрия. Ей-то он доверился, предпочитая разговаривать, вместо того чтобы заняться любовью в ту их единственную украденную ночь. Где он был теперь? Как его дела? В те несколько часов страстного общения Юрий был чрезвычайно эмоциональным. Когда он на своем упрощенном английском – самом прекрасном английском для человека, для которого этот язык был вторым, – рассказывал Моне о ключевых событиях своей трагической, но изумительно успешной жизни, его черные глаза сверкали.

«Нельзя же просто взять и сообщить цыгану такое известие... – размышляла Мона. – Мол, знаете, вашего старейшего друга переехал какой-то сумасшедший!»

И тут Мону словно ударило. Телефон звонил... А что, если это был Юрий, а ее не смогли найти? Никто ведь не видел, как накануне вечером она вошла сюда и свалилась на диван.

Конечно, с того момента вчерашнего дня, когда Роуан встала на ноги и заговорила, внимание Моны было полностью приковано к ней. Зачем Роуан попросила ее остаться здесь? Что должна была Роуан сказать ей, только ей, наедине? Что на самом деле было на уме у Роуан?

С Роуан все было в порядке, это уж точно. Весь день напролет и весь вечер Мона наблюдала за тем, как она набирается сил.

Роуан не проявляла ни намека на то, что собирается снова соскользнуть в то молчание, что держало ее в плену три недели. Напротив, она с легкостью вернулась к управлению домом. Поздно вечером, после того как Майкл лег спать, Роуан спустилась, чтобы утешить Беатрис и убедить ее подняться наверх и лечь спать в старой комнате Эрона. Беатрис сомневалась, вправе ли она пользоваться «вещами Эрона», но в итоге призналась, что свернуться калачиком в его кровати в гостевой спальне было как раз тем, что ей хотелось сделать.

– Она будет ощущать вокруг себя запах Эрона, – с почти отсутствующим видом пояснила Роуан Райену. – И будет чувствовать себя в безопасности.

Мона подумала, что это не совсем обычное замечание, но наверняка фокус как раз и был в желании очутиться в постели супруга после его смерти. Люди сказали бы, что это очень хорошее лекарство от горя. Райен так беспокоился о Беа, беспокоился обо всех... Но в присутствии Роуан он напускал на себя важный вид, демонстрируя серьезность и опытность, как и положено в присутствии главы семейства.

Роуан отвела Райена в библиотеку, и в течение двух часов, оставив дверь открытой для всех желающих послушать или поучаствовать, они обсуждали все подряд: от планов медицинского центра Мэйфейров до различных подробностей домашних дел. Роуан пожелала увидеть медицинскую карту Майкла. Да, он выглядел сейчас таким же здоровым, как в тот день, когда они познакомились. Но ей нужна была карта, и Майкл, не желая спорить, предоставил дело Райену.

– Но как насчет твоего состояния? Ты ведь знаешь, они там хотят, чтобы ты прошла исследование, – говорил Райен в тот момент, когда Мона вошла в библиотеку, чтобы пожелать им спокойной ночи.

Юрий оставил свое сообщение на Амелия-стрит как раз перед полуночью, и Мона успела уже пережить достаточно ненависти, любви, горя, страсти, сожалений, желания и мучительных подозрений, чтобы наконец полностью лишиться сил.

– У меня нет времени на все эти тесты, – ответила Роуан. – Есть вещи куда более важные. Например, что нашли в Хьюстоне, когда открыли ту комнату, в которой меня держал Лэшер?

В этот момент Роуан замолчала, потому что увидела Мону.

Она встала, как будто приветствовала какого-то важного взрослого человека. Глаза у нее теперь блестели и были уже не столько холодными, сколько серьезными – по-настоящему важная перемена.

– Я не хотела вам мешать, – сказала Мона. – Просто не хочу возвращаться домой, на Амелия-стрит, – сонно произнесла она. – Вот я и подумала, что если бы могла остаться здесь...

– Мне очень хочется, чтобы ты осталась, – без колебаний ответила Роуан. – Я заставила тебя ждать столько часов...

– Ничего страшного, – поспешила заверить ее Мона, которая предпочла бы переночевать

здесь, а не дома.

– Это непростительно, – возразила Роуан. – Мы можем поговорить утром?

– Да, конечно, – кивнула Мона, утомленно поведя плечом.

«Она со мной разговаривает так, будто я взрослая женщина», – думала она. А это было намного важнее всего, что делали для нее остальные.

– Ты уже женщина, Мона Мэйфейр, – сказала Роуан с неожиданной улыбкой, очень личной, и тут же снова села и вернулась к разговору с Райеном: – В моей комнате в Хьюстоне должны быть записи, целая куча. Это его записи, его родословная, которую он составил, до того как начал терять память...

Ох, подумала Мона, выходя из библиотеки как можно медленнее, она ведь именно с Райеном, не с кем-нибудь другим, говорит о Лэшере, а Райен до сих пор не может произнести это имя. Но теперь Райену придется столкнуться с неопровержимыми доказательствами того, что он по-прежнему не желает принимать: документами, генеалогией, всем тем, что написано чудовищем, убившим его жену, Гиффорд.

Но Мона вдруг поняла, что ей совсем не обязательно оставаться в стороне от этого дела. Роуан только что снова разговаривала с ней как с человеком, который для нее много значит. Все изменилось. И если Мона завтра утром или днем спросит Роуан о тех бумагах – записях Лэшера, то Роуан вполне может и ответить.

Невероятно было видеть улыбку Роуан, видеть, как разбилась маска холодной силы, как на мгновение вспыхнули серые глаза, слышать низкий шоколадный голос, добавлявший улыбке тепла... Изумительно.

Мона наконец ушла. «Пора, пора, – твердила она себе. – Все равно тебе слишком хочется спать, чтобы подслушивать».

Последним, что она слышала, были слова Роуан о том, что всех из Хьюстона исследовали и внесли в каталог. Голос ее при этом звучал напряженно.

Мона до сих пор помнила тот день, когда все те вещи прибыли в «Мэйфейр и Мэйфейр», помнила тот запах, его запах, что исходил из коробок. Время от времени она по-прежнему улавливала этот запах в гостиной, но теперь он уже почти выветрился.

Мона рухнула на диван в гостиной, слишком уставшая, чтобы думать обо всем этом.

К этому времени все уже разошлись. Лили спала наверху, рядом с Беатрис. Тетя Майкла, Вивиан, вернулась в собственную квартиру на Сент-Чарльз-авеню.

В гостиной было пусто, ветерок влетал в окна, выходящие на боковую веранду. Там прохаживался взад и вперед охранник. «Не обязательно закрывать окна», – подумала Мона и вытянулась на диване лицом вниз, думая о Юрии, потом о Майкле, прижимаясь щекой к бархату и посапывая.

Ей говорили, что с возрастом она уже не сможет спать вот так. К этому Мона была готова. Такой сон всегда вызывал у нее ощущение обмана, как будто она отдавала вселенной некий промежуток времени, над которым сама была не властна.

Но в четыре часа, сама не зная почему, она проснулась.

Высокие окна оставались открытыми. Охранник снаружи курил сигарету.

Мона сонно прислушивалась к звукам ночи, к крику ночных птиц в темных деревьях, к далекому гулу поезда, шедшего вдоль берега, к шуму воды, что плескалась то ли в фонтане, то ли в бассейне.

Так прошло с полчаса, и Мона наконец поняла, что вода шумит не в фонтане. Кто-то плавал в бассейне.

Почти ожидая увидеть какое-нибудь восхитительное привидение – бедняжку Стеллу, например, или бог знает кого еще, Мона босиком выскользнула наружу и пересекла лужайку. Охранника нигде не было видно, но в этом не было ничего удивительного: территория весьма обширна.

В бассейне действительно кто-то плавал – уверенно, от края до края.

Сквозь ветки гардении Мона увидела, что это была Роуан. Нагая, она с невероятной скоростью преодолевала расстояние от бортика до бортика. Поворачивая голову вбок, Роуан набирала в грудь воздуха – так делают профессиональные пловцы или те, кто хочет обрести хорошую форму, а возможно, даже вылечить тело, вернуть его в прежнее состояние.

Мона подумала, что сейчас не время беспокоить Роуан. Она все еще ощущала сонливость и хотела поскорее вернуться на диван. Она была так слаба, что могла бы упасть прямо на прохладную траву. Но что-то в увиденном беспокоило ее: возможно, это была нагота Роуан или ее стремительные и уверенные движения, а может быть, то, что охранник находился где-то неподалеку и вполне мог подглядывать из-за кустов, что Моне очень не нравилось. Впрочем, Роуан знала о существовании охранников на территории имения. Они с Райеном целый час обсуждали эту тему.

Мона отправилась спать.

Теперь, проснувшись, она сразу подумала о Роуан и только потом представила себе лицо Юрия, в который уже раз испытала угрызения совести из-за истории с Майклом и вспомнила, что Гиффорд и ее мать мертвы.

Мона смотрела на солнечные лучи, заливавшие пол и кресло у окна, обитое золотым дамаском. Может быть, все дело в том, что свет, потускневший для Моны после смерти Алисии и Гиффорд, теперь снова стал ярким просто потому, что эта загадочная женщина, по целому ряду причин так много значившая для Моны, заинтересовалась ею.

Смерть Эрона была ужасна, но с этим горем Мона могла бы справиться. Самым сильным ее ощущением сейчас было то эгоистичное волнение, которое она испытала вчера, при первом проявлении интереса к ней Роуан, при ее первом доверительном и уважительном взгляде.

«Возможно, – думала Мона, – она хочет спросить, не желаю ли я отправиться в закрытую школу. Там ведь учатся важные особы».

Но Мона не желала снова носить туфли на высоких каблуках. Куда приятнее было ходить по голым дощатым полам на Первой улице. Их теперь всегда отлично натирала новая прислуга. Янси, отвечавший за уборку, полировал их часами. Даже старая Эухения теперь больше работала и меньше ворчала.

Мона встала, расправила шелковое платье, которое, возможно, было окончательно погублено, и подошла к окну, выходившему в сад, чтобы ее облило солнечным светом, теплым и свежим, и воздухом сада, наполненным влагой и сладостью. Все, что Мона обычно воспринимала как само собой разумеющееся, на Первой улице казалось вдвойне удивительным и стоило короткой медитации, перед тем как окунуться в дневные дела.

Протеины, древесный уголь, витамин С. Мона умирала от голода. Накануне вечером, когда все родственники пришли, чтобы обнять Беатрис, стол ломился от закусок, но Мона забыла поесть.

«Нечего удивляться, что ты проснулась среди ночи, идиотка», – сказала себе Мона.

От голода у нее всегда болела голова.

Мона снова вспомнила о Роуан, плававшей в одиночестве, и эта мысль встревожила ее:

нагота, странный выбор времени, присутствие охранников...

«Не глупи, – успокаивала она себя. – Роуан же из Калифорнии. Они там постоянно такой ерундой занимаются».

Мона потянулась, расставила ноги в стороны, коснулась кончиков пальцев на ногах, потом выгнулась назад и потрясла головой, пока волосы не рассыпались и не стали прохладными, после чего вышла из комнаты в длинный коридор и через столовую направилась в кухню.

Яйца, апельсиновый сок, смесь по рецепту Майкла. Возможно, это действительно очень питательно.

Запах свежего кофе удивил Мону. Она тут же достала из буфета черную китайскую чашку и заглянула в кофеварку. Очень черный эспрессо, любимый Майклом. Он постоянно пил такой в Сан-Франциско. Но Мона вдруг поняла, что кофе ей совсем не хочется. Она жаждала чего-то прохладного и простого. Апельсиновый сок. Майкл всегда держал в холодильнике несколько бутылок. Мона наполнила чашку соком и аккуратно закрыла бутылку, чтобы не дать витаминам улетучиться. И тут вдруг осознала, что она не одна.

За кухонным столом сидела Роуан и наблюдала за ней. Роуан курила сигарету, стряхивая пепел в тонкое блюдце китайского фарфора, с цветочной росписью по краю. На ней был черный шелковый костюм с длинным, облегающим двубортным жакетом. Он был застегнут на все пуговицы, только под ним не было блузки или рубашки – лишь нагая плоть, и видна была расщелина между грудями. В ушах жемчужные серьги. На шее тонкая нитка жемчуга.

– Я тебя не заметила, – призналась Мона.

Роуан кивнула:

– Ты знаешь, кто купил мне всю эту одежду?

Ее голос звучал так же сочно и ровно, как накануне вечером: воспаление горла прошло окончательно.

– Наверное, тот же, кто купил мне вот это платье, – ответила Мона. – Беатрис. Мои шкафы буквально битком набиты ее покупками. И все шелковое.

– В моих шкафах то же самое, – кивнула Роуан, и снова на ее лице вспыхнула яркая улыбка.

Волосы Роуан были зачесаны со лба назад и свободно спадали локонами к воротнику. Светлая сиреневато-розовая помада мягко подчеркивала красивые очертания ее рта.

– Ты действительно хорошо себя чувствуешь? – спросила Мона.

– Садись-ка вот здесь. – Роуан показала на стул по другую сторону стола.

Мона повиновалась.

От Роуан исходил аромат дорогих духов с цитрусовыми нотками и легким ароматом свежести после дождя.

Черный шелковый костюм был потрясающим. До свадьбы Роуан никогда не видели в чем-то столь намеренно чувственном. Беа имела обыкновение рыться в чужих шкафах и изучать размеры не только по ярлыкам, но и с помощью портновского сантиметра, а потом покупала для всех такую одежду, какая казалась ей, Беатрис, наиболее подходящей.

Надо признать, в случае с Роуан она не зря старалась.

«А я-то погубила это синее платье», – подумала Мона.

Она просто не была готова к подобным нарядам. Как и к туфлям на высоком каблуке, которые она оставила на полу в гостиной.

Роуан наклонила голову, давая сигарету в блюдце. Густая прядь пепельных волос упала

на ее впалую щеку. Худое лицо Роуан было в высшей степени выразительным. Как будто болезнь и печаль даровали ей ту сухопарость, ради которой молодые киноактрисы и модели готовы голодать до смерти.

На такой тип красоты Мона не претендовала. Ее рыжие волосы и соблазнительные изгибы останутся с ней навсегда. И если кому-то это не по вкусу, Мона ему не понравится.

Роуан негромко рассмеялась.

– И как давно ты этим занимаешься? – спросила Мона, делая большой глоток кофе. Он как раз достиг нужной температуры. Очень вкусно. Еще пара минут, и он стал бы слишком холодным. – Я имею в виду, читаешь мои мысли. Но ты ведь не постоянно это делаешь, так?

Мона явно захватила Роуан врасплох, но та не утратила добродушия.

– Нет, совсем не постоянно. Я бы сказала, это происходит как бы вспышками, когда ты чем-то поглощена, ну, может быть, погрузилась в размышления... Как будто ты внезапно зажгла спичку.

– Я понимаю, о чем ты говоришь. – Мона хорошенько глотнула апельсинового сока, холодного и очень вкусного.

На мгновение от холода у нее заболела голова. Она старалась не смотреть на Роуан с благоговением. Это было нечто вроде влюбленности в учителя, чего Мона никогда не знала.

– Когда ты на меня смотришь, – сказала Роуан, – я ничего не могу прочесть. Может быть, твои зеленые глаза меня ослепляют. Не забывай о них, когда оцениваешь свои достоинства. Безупречная кожа, рыжие волосы, за которые умереть не жаль, длинные, невероятно густые... и огромные зеленые глаза. И еще такие губы и такое тело. Думаю, что пока ты себя оцениваешь неправильно. Может, потому, что тебя больше интересует другое: наследство, несчастье с Эроном, возвращение Юрия.

На ум Моне пришли умные слова, но тут же улетучились. Она никогда за всю свою жизнь не задерживалась перед зеркалом дольше необходимого. А этим утром и вовсе в него не глянула.

– Послушай, у меня не слишком много времени, – продолжила Роуан. И хлопнула ладонью по столу. – Мне нужно поговорить с тобой откровенно.

– Да, говори, – кивнула Мона. – Пожалуйста.

– Я прекрасно понимаю, почему именно ты теперь наследница. Между нами нет вражды. Ты наилучший из возможных вариантов. Я и сама это поняла, чисто интуитивно, как только уловила, что именно произошло. Но Райен мне разъяснил все четко. Тесты и психологические характеристики закончены. Ты очень одарена. У тебя есть ум, стойкость, характер. У тебя прекрасное здоровье. Ох, ну да, есть лишние хромосомы, это верно, но они есть у женщин и мужчин рода Мэйфейр уже много веков. Так что нет причин ожидать, что когда-нибудь произойдет нечто подобное тому, что случилось на Рождество.

– Ну да, и я тоже так полагаю, – согласилась Мона. – Просто я не должна выходить замуж за кого-то с лишней цепочкой генов, так ведь? Но я и не влюблена ни в кого из членов семьи. Ох, я понимаю, что все может измениться, ты именно так думаешь, но я имею в виду, что прямо сейчас не испытываю детской влюбленности в кого-то, обремененного опасными генами.

[Купить полную версию книги](#)

Основанная в XIX веке Леоном Казимиром Бру фирма «Bru Jeune» получила широкую известность во всем мире как одна из лучших компаний – производителей кукол.

Стена Антонина – пограничная стена длиной 8,5 км, возведенная в 142–158 гг. во времена завоевания Британии римлянами, по приказу римского императора Антонина Пия между рекой Клайд и заливом Ферт-оф-Форт. Фрагменты стены сохранились до наших дней.

Колумба (ок. 521–597) – кельтский монах, миссионер, апостол северных и южных пиктов в Шотландии.

Айона – остров в составе Гебридских островов у берегов Западной Шотландии. В 563 году Колумба построил здесь церковь и основал монастырь, в стенах которого впоследствии и скончался. Именно на острове Айона он впервые был объявлен святым.

Ферма Парчмана – одна из крупнейших в штате Миссисипи ферм-тюрем, похожая на рабовладельческие плантации. Закрыта в 1972 году.

Взаимный фонд – портфель акций, приобретенных профессиональными финансистами на вложения многих мелких вкладчиков. Стоимость акции фонда равна стоимости суммарных инвестиций фонда (за вычетом долга), деленных на число акций. Основное преимущество вкладчиков – уменьшение риска, поскольку инвестиции распределены среди большого количества различных предприятий.